7 1069

В. ПИЧЕТА

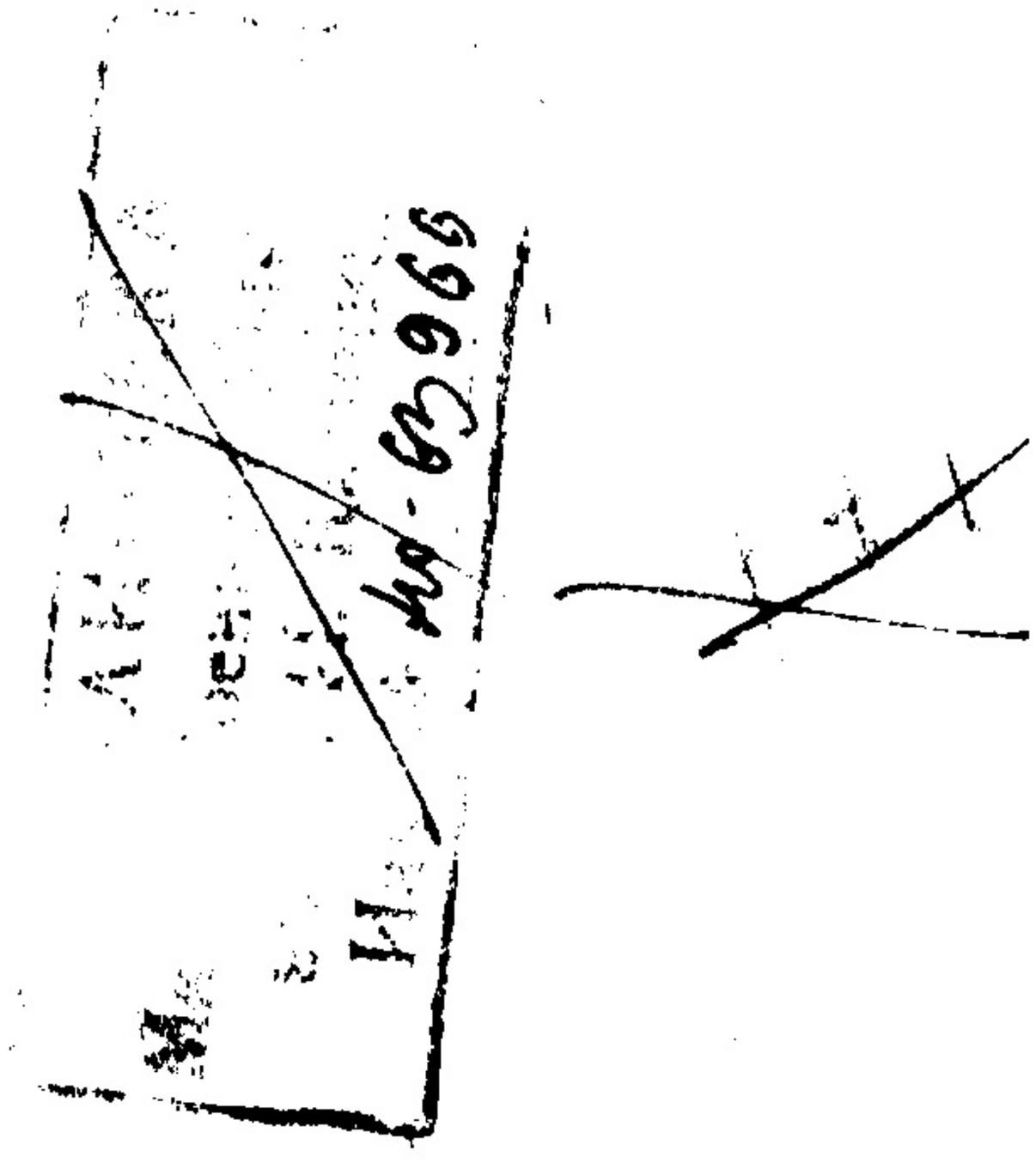
ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ и ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

СОЦЭКГИЗ · 1940

В. ПИЧЕТА

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

7/099



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1940

$\frac{9(С2)}{П36}$ доб. $\frac{9(С3)}{9\text{¼ л}1}$

Брошюра представляет собой краткий исторический очерк развития Западной Украины и Западной Белоруссии. Она дает яркую картину вековой эксплуатации народов этих стран под двойным гнетом (классовым и национальным) и борьбы против польских панов вплоть до окончательного освобождения братской Красной Армией от всякого гнета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I. Галицкое и Владимиро-Волынское княжества до половины XIV в. 3
Глава II. Западноукраинские и Западнобелорусские земли под властью Польши и Литвы 20
Глава III. Народы Западной Украины и Западной Белоруссии в борьбе против панской Польши в XVI—XVII вв. 35
Глава IV. Западная Украина и Западная Белоруссия накануне разделов Речи Посполитой 51
Глава V. Народы Западной Украины и Западной Белоруссии в борьбе против угнетателей в конце XVIII и в XIX в. . . . 95
Глава VI. Западная Украина и Западная Белоруссия под властью панской Польши 120
Приложения. Документы о национальном и социальном освобождении народов Западной Украины и Западной Белоруссии 128

В. Пичета **— Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии.**

Соцэкгиз 1940 г.

Редактор *И. Монько*. Технич. редактор *Л. Кошутина*.

Сдано в набор 17/III 1940 г. Подп. к печ. 10/VII 1940 г. Формат бум. 84 × 108¹/₃₂; печ. листов. 8½; уч.-автор. л. 7,734. Огиз № 2240. Заказ № 976. Тираж 10 000 экз. Серия—Научно-популярная. Уполномоч. Главлита № А—27550. Цена книги 1 р. 55 к. Переплет 1 р. 25 к.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Москва, Краснопролетарская, 16.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГАЛИЦКОЕ И ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВА ДО ПОЛОВИНЫ XIV в.

1

Западная Украина (Галицкая Русь и Западная Волынь) и Западная Белоруссия (Пинщина, Подляшье, Гродненщина и часть Минщины, бывшие польские воеводства — Новогрудское, Белостокское, Полесское и часть Виленского) — это искони русские земли, входившие в «империю Рюриковичей». В этническом отношении их население составляло единое целое с прочими восточнославянскими племенами.

Славянские племена, населявшие территорию Галицкой земли и Западной Волыни, принадлежали к юго-западной группе восточного славянства, тогда как территория Западной Белоруссии была освоена северо-западной группой восточного славянства.

Согласно данным «Повести временных лет», Галицкое Предкарпатье в древнейшие времена было заселено славянским племенем, известным под именем «белых хорват». Территория Западной Волыни была искони местом поселения дулебов или бужан [1].

Западная Белоруссия была заселена северо-западной группой восточного славянства — полоцкими кривичами и дреговичами между Припятью и Двиной.

Этническое единство всех восточных славян и мирное их сожительство были отмечены «Повестью временных лет»: «...и живяху в мире поляне и древляне, северо и радимичи, вятичи и хорваты» [2]. «Се бо токмо словеньск язык в Руси» [3].

---

[1] Ипатьевская летопись, Спб. 1908, стр. 8.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Там же, стр. 8.

Согласно данным Начальной летописи, у славянских племен возникли княжения. Упомянув о легендарных братьях Щеке и Хориве, летописец дал очень ценное дополнение: «...и по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях, [а] в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словене свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже и Полочане» [1].

Раньше всего первые признаки политического объединения обозначались у дулебов — бужан, или волынян.

Араб Аль-Масуди в своем сочинении «Золотые луга», написанном в 40-х годах X в., рассказывает о том, что некогда одно из славянских племен господствовало над другими славянскими племенами [2]. Он называет это господствующее племя дулебами.

С образованием «империи Рюриковичей» дулебы и хорваты лишились своей племенной самостоятельности. Летопись под 907 г. упоминает в качестве участников похода Олега на Византию — «Хорват и Дулебов» [3]. Вероятно, первоначальная их зависимость от Олега была не очень прочной. По крайней мере, Владимир I во время похода в 981 г. на Польшу [4], по всей вероятности, вновь покорил дулебов и построил в их земле город, названный по его имени — Владимиром. Гранича на востоке с полянами, Волынская земля, естественно, входила в орбиту влияния киевского князя.

Земля хорватов названа летописцем «Червенскими городами» по имени города Червеня, который, как думает Н. М. Карамзин, находился на месте нынешнего Холма. Червенские города во второй половине X в. были захвачены польским князем Мешкой, под властью которого объединились польские славянские племена [5].

Владимир Киевский в 981 г. начал войну с Польшей из-за Червенских городов. «Иде Володимер к ляхом и зая грады их Перемышль, Червен и ины городы» [6], — сообщает «Повесть временных лет».

Червень на севере, а Перемышль на юге были опорными стратегическими пунктами будущей Галицкой земли. Те-

---

[1] Ипатьевская летопись, стр. 8.

[2] *Я. Гаркави*, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 117—176.

[3] Ипатьевская летопись, стр. 21.

[4] Там же, стр. 49.

[5] *Ф. Успенский*, Первые славянские монархи на северо-западе, 1872, стр. 214.

[6] Ипатьевская летопись, стр. 69.

перь граница Киевского государства на юго-западе была перенесена с Буга на верховья реки Сана, притока Вислы. Вместе с Западной Волынью Червенские города составили крепкий барьер против экспансии поляков на восток.

При Ярославе, как и при Владимире, Червенские города вместе с Волынью составляли одно неразрывное целое вместе с другими русскими землями они входили в державу Рюриковичей [1].

С присоединением Волыни к Киевскому княжеству Западный Буг попал в сферу его влияния, в связи с чем был построен Владимиром город Берестье при впадении реки Мухавца в Буг [2].

Полоцкие кривичи вошли в состав «империи Рюриковичей» при Владимире I. Тогда же в сфере политического влияния киевского князя оказалась и земля дреговичей, по которой проходила торговая и военно-стратегическая дорога из Киева в Польшу.

Полоцкие кривичи значительно расширили путем колонизации область своих первопачальных поселений. Они проникли в бассейн левых притоков верхнего Немана, где возникли такие крупные городские центры, как Новгородок, Волковыйск, Слоним, Здитов, Городно (Гродно) на Немане [3]. На юго-западе и западе колонизация полочан проникла в бассейн Березины, притока Немана, а через Вилию — до среднего течения Немана. Самое возникновение Вильно было связано со славянской колонизацией. Воскресенская летопись упоминает уже под 1129 г. о Вильно, городе, конечно, славяно-русского происхождения. Об этом свидетельствуют вещественные памятники на месте старого городища.

Дреговичи, в свою очередь, значительно расширили первоначальную свою территорию. Они проникли глубоко на запад до впадения реки Нурцы в Западный Буг и до Городна на Немане. Так Червенские города, Волынь, Полоцкая и Турово-Пинская земли, войдя в состав «империи Рюриковичей», представляли собой часть «Русской земли», единой в своем этническом составе и достаточно мощной в политическом отношении.

Червенские города впоследствии назывались по имени столицы земли — Галича — Галицким княжеством. Оно за-

---

[1] Там же, стр. 137.

[2] *Иванов*, Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в., Одесса 1895, стр. 91.

[3] *М. Любавский*, Областное деление и местное управление, 1893, стр. 3.

нимало северо-восточные склоны Карпат, бассейны рек Днестра, Прута и верхнего Сана, и на юге его пределы доходили до Черноморского побережья и до Дуная [1]. По верховьям Западного Буга Галицкое княжество граничило с Волынью, на северо-западе — с Польшей и на юге — с Венгрией. Западная половина с городом Перемышлем в центре была нагорной, а восточная — низменной (Понизье). С XIV в. Галицкое княжество стало называться «Подолией».

В конце XI в. было положено начало Галицкому княжеству как отдельной политической единице. Обособление Галицкого княжества было связано с упадком Киевского государства и началом распада его на отдельные феодальные княжества. Развитие сельского хозяйства, торговли, возникновение и рост крупного феодального землевладения содействовали выделению Галицкого княжества из Киевского государства. Приток населения из среднего Приднепровья ускорял экономическое развитие Галицкого княжества, тем более что половецкие набеги до него не доходили.

Талантливые князья Ростиславичи сумели отстоять свои княжения от покушения на них Ярополка Изяславича. Любечский съезд князей в 1097 г. закрепил за ними их отцовское владение [2].

Вследствие политического упадка Киевского государства на Ростиславичей легла вся тяжесть борьбы с поляками и венграми, покушавшимися на Русскую землю.

Ростиславичи, не веря ни волынским, ни киевским князьям, зорко следили за тем, чтобы Волынь и Киев не объединились в одних руках. Поэтому они бывали то союзниками, то врагами киевского князя. Нельзя не признать их политику удачной. Да и венгры до 1125 г. почти не тревожили Галицкое княжество, но зато почти все время велась непрерывная пограничная война с поляками. Ростиславичи, использовав в этой борьбе половцев, удачно отбивали нападения польских феодалов. В 1124 г. оба Ростиславича умерли (Рюрик умер еще раньше) [3].

При Ростиславичах экономически и политически окрепло местное боярство, представлявшее собой крупную политическую силу, с которой приходилось считаться князьям, и оказывавшее громадное влияние на политическую жизнь Галицкого княжества. В этом заключается основная причина

---

[1] «Нариси з історії України», Київ 1937, стр. 118.
[2] Ипатьевская летопись, стр. 230—231.
[3] Там же, стр. 288—289.

борьбы бояр с княжеской властью, которую они стремились подчинить своему влиянию.

2

После смерти Володаря и Василька (1124) [1] Галицкое княжество разделилось па четыре самостоятельных княжества между их сыновьями (Ростиславом и Владимирком, сыновьями Володаря, и Юрием и Иваном, сыновьями Василька). В 1144 г. Владимирко объединил под своей властью Галицкое княжество [2]. В 1145 г. Владимирко жестоко подавил вспыхнувшее в Галиче восстание, руководителем которого был внук Володаря — Иван Ростиславич, князь Звенигородский.

Даровитый Владимирко (1144—1152) не брезгал никакими средствами, лишь бы сохранить единство и политическую независимость Галицкого княжества и в то же время не дать боярам захватить власть. Его сын и наследник — Ярослав Осмомысл (1152—1187) [3] — продолжал политику отца и энергично боролся за сохранение независимости своего княжества.

Ярослав был выдающейся личностью. По словам летописца, это был «князь мудр и речен языком [красноречив]» [4]. Он заботился о развитии торговли и ремесла. Был очень образован, знал несколько языков и был опытным и весьма осторожным дипломатом. Он импонировал соседям своим могуществом. Автор «Слова о полку Игореве» звал его итти против половцев.

Ярослав, продолжая внешнюю политику своего отца, стоял на страже политической независимости своего княжества. Он избегал всяких столкновений с Изяславом Мстиславичем, князем киевским и волынским.

Ярослав был женат па дочери Юрия Долгорукого Ольге и, естественно, поддерживал своего тестя в его борьбе за Киев. Со смертью Изяслава в 1154 г. и вокняжением в 1155 г. Юрия у Ярослава стало одним врагом меньше. С Венгрией и Польшей Ярослав также урегулировал свои отношения.

Наиболее опасным моментом для Ярослава и поддерживавших его бояр было выступление Ивана Ростиславича, прозванного Берладником, который на Дунае своими нападениями на купцов подрывал галицкую торговлю и к которому убе-

---

[1] Там же.
[2] Там же, стр. 317.
[3] Там же, стр. 463.
[4] Там же, стр. 656.

гали закрепощаемые смерды. Его поддерживал Изяслав Давидович Черниговский, ставший в 1157 г. киевским князем после смерти Юрия Долгорукого. Киевский князь выдвигал Ивана Берладника для того, чтобы в нужный момент выставить его против Ярослава. В надежде на поддержку части галицких бояр, Иван Берладник выступил против Ярослава, но его предприятие окончилось крахом. Он был вынужден вновь вернуться в Киев к своему покровителю Изяславу. В ответ на «экспедицию» Берладника Ярослав отправился походом на Киев. Последний был взят, а изгнанный Изяслав Давидович сошел с исторической сцены (1158) [1].

Благоприятно сложившаяся для Ярослава внешнеполитическая обстановка подняла в глазах соседей его авторитет. Польша и Венгрия стремились поддерживать мир с Ярославом, так как боялись его могущества. Зато обострились отношения с местными феодалами, которых летописец называет «великими боярами».

Самостоятельность политики Ярослава неизбежно вела к столкновению его со своими феодалами.

Бояре вмешивались в его личную жизнь. Они требовали, чтобы он порвал всякие связи с некоей Настасьей и вернулся к своей жене Ольге Юрьевне.

Сначала в конфликте с боярами победа была на стороне Ярослава. Его поддерживали бояре Чарговичи. В 1170 г. Ольга с сыном Владимиром и со многими боярами во главе с Константином Сераславичем убежала в Польшу, и пребывала «тамо 8 месяцев». С возвращением Ольги бояре снова выступили против Ярослава. Они расправились с Настасьей, «сжегши ее на костре», а ее сына Олега отправили в ссылку. Но наладить семейную жизнь Ярослава боярам не удалось. В 1171 г. Ольга Юрьевна вновь должна была бежать и нашла приют у Луцкого князя. Под давлением Ярослава и угрозой войны Луцкий князь отправил Ольгу с сыном на родину, где она постриглась в монахини.

Через несколько лет Владимир, примирившись с отцом, вернулся на родину, но в 1182—1183 гг. отец вновь выгнал своего сына. Через два года при посредстве Игоря Святославича Путивльского вновь состоялось примирение с отцом.

В 1187 г. Ярослав умер [2]. Согласно его предсмертному распоряжению галицкий стол был отдан Олегу, а Владимир был отправлен в Перемышль. Он должен был вместе с семью

---

[1] Ипатьевская летопись, стр. 498—502.
[2] Там же, стр. 498—502.

боярами принести присягу в том, «яко ему не искати под братом Галича» [1]. Конечно, боярство мало считалось с завещанием Ярослава. «Великие бояре» изгнали Олега из Галича и восстановили на престоле Владимира [2]. Но бояре не поладили с Владимиром, который отнюдь не хотел стать игрушкой в их руках. Они изгнали неподходящего для них князя, который «думы не любяшеть с мужми своими» [3].

Началась внутренняя борьба между князем и боярами, которой воспользовались венгры. Венгерские интервенты заняли Галич. На княжеский стол был посажен венгерский королевич Андрей. Венгры своими насилиями вызвали всеобщее возмущение в стране. Этим воспользовался Владимир. Появившись неожиданно в 1189 г. в Галицком княжестве, Владимир вторично занял его и до конца своей жизни спокойно правил Галичем [4]. Бояре же, опасаясь венгерской оккупации, не предпринимали против него никаких агрессивных действий. В 1199 г. Владимир умер. С его смертью прекратилась династия Ростиславичей и возобновилась борьба за галицкое наследство.

Значительное развитие феодальных отношений характерно для Галицкого княжества XII в. Бояре сумели прибрать к своим рукам громадные земельные площади. Кроме того, они имели под своей рукой «отроков», обычно получавших от них землю и становившихся их военными слугами. Во главе военных ополчений из отроков феодалы-бояре выходили на войну. Феодал-боярин становился сеньером западноевропейского типа. Нам ничего неизвестно о степени феодальной эксплуатации сельского населения, но можно высказать предположение, что она была тяжелее, чем в прочих русских землях, поскольку сельское хозяйство в Галицком княжестве было более развито.

Расположенное на большой дороге с востока на запад и с севера на юг, Галицкое княжество было связано с соседями весьма оживленными торговыми отношениями. Галицкое княжество поддерживало торговлю с Киевской Русью, которая была центром сбыта ее основного вывозного продукта — соли. Галицкие купцы совершали торговые сделки на Балканах. Завязывались торговые связи с Польшей и Венгрией. В Галицком княжестве возникло богатое купечество,

---

[1] Там же, стр. 657.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 659—660.
[4] Там же. стр. 666.

заинтересованное в транзитной внешней торговле. Несмотря на наличие ряда городов, бывших центрами ремесленного производства, все же они были еще не настолько значительны и экономически сильны, чтобы стать в руках князя орудием для борьбы с феодалами. В силу всех этих объективных обстоятельств княжеская власть еще не располагала той социальной силой, на которую она могла бы опереться в борьбе с феодалами, но и последним приходилось себя сдерживать в своих отношениях с князьями, так как княжеская власть была необходима для сохранения целостности и независимости Галицкого княжества и их классовых привилегий.

3

Соседом Галицкого княжества на северо-западе было Волынское княжество, связанное экономически, географически и этнически теснейшим образом с Галицким княжеством. Волынское княжество во второй половине XII в., в наивысшую пору своего политического расцвета, занимало верхнее и среднее течение Западного Буга, Стыри, Горыни и верховья Припяти. Северная часть Волынского княжества представляла собой местность болотистую и лесистую, богатую разным пушным зверем. Южная часть была гористым районом, образуемым отрогами Карпат. На западе Волынское княжество граничило с Польшей, а в бассейне Западного Буга оно соприкасалось с литовцами.

Политическим центром Волынского княжества был Владимир, а в юго-западной его части на реке Стыри — Луцк (Луческ). На севере опорным политическим и стратегическим пунктом было Берестье и Дорогичин, а на западе — Белз и Червен (Холм). Волынь до половины XII в. находилась в полной политической зависимости от Киева. При Мстиславе Изяславиче Волынское княжество фактически обособилось от Киева и даже стремилось овладеть им. В 1170 г. Мстислав во время похода на Киев умер [1]. При Мстиславе Волынское княжество разделилось на два княжества — Владимирское и Луцкое, в котором княжил его брат Ярослав.

После смерти Мстислава владимиро-волынским князем стал его сын Роман, который поставил задачей подчинить своей власти Галицкое княжество. В своих попытках завоевать Галицкое княжество Роман Волынский опирался на

---

[1] Ипатьевская летопись, стр. 559.

местное боярство, чьи отношения с Владимиром Ярославичем были очень напряженными. Роману при содействии бояр и мещан удалось захватить Галицкое княжество только в 1199 г., уже после смерти Владимира.

Волынское княжество в конце XII в. находилось в зените своего могущества. Берестейская земля в этот период была оторвана от Турово-Пинского княжества и закреплена за Волынью. В начале XIII в. забужские княжества — Червенское и Белзское — также принадлежали Волыни. Волынь географически была отдалена от среднего Приднепровья, благодаря чему половцы не доходили в своих набегах до Волынской земли. В ней было относительно спокойно.

Князь Роман остался в Галиче, объединив тем самым Волынь и Галицкое княжество под своей властью. Опираясь на свою дружину—своих бояр, на горожан, средних и мелких феодалов, Роман вступил в борьбу с галицкими феодалами и жестокими мерами заставил их повиноваться ему. Продолжая традиции волынских князей, Роман стремился захватить Киев и объединить под своей властью всю Юго-Западную Русь, что ему и удалось в 1201 г. Так объединилась вся Юго-Западная Русь под властью Романа. Галицко-волынский князь энергично защищал свои владения от набегов половцев и ятвягов. Удачные походы на ятвягов давали много пленных, обращаемых в холопов. В связи с этим появилась поговорка: «Романе, Романе! лихим живеши, Литвою орещи!»

Роману приходилось внимательно следить за западными соседями, так как, стремясь ослабить их, он охранял неприкосновенность своего княжества и создавал условия, при которых польско-венгерское вторжение в русские земли было невозможно.

Папа Иннокентий III обратился к Роману с предложением принять католичество, но тот отнесся к этому крайне враждебно. В борьбе за объединение Люблинской земли с Галицко-Волынскою князь Роман был убит в 1205 г. [1] в походе против поляков.

После смерти Романа (1205) началась борьба между феодальными группами. Боярская партия во главе с Владиславом Кормиличичем изгнала из Галича жену Романа и его детей. По приглашению бояр в Галиче утвердились князья Игоревичи, сыновья Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве». Но бояре были недовольны суровым обращением

---

[1] *Danilowicz*, Skarbiec dyplomatów, t. 1, str. 53.

Игоревичей с ними. Конфликт окончился в пользу бояр, а Игоревичи были повешены (1211).

Польский князь Лешко и венгерский король Андрей, воспользовавшись феодальной борьбой, заключили в 1214 г. союз для захвата Галицко-Волынского княжества и его раздела. В результате интервенции поляки захватили Берестье, а венгры — Галич. Насилия интервентов, их католическая политика побудили даже бояр примкнуть к народному движению против интервентов [1].

Новгородский князь Мстислав Удалой воспользовался народным движением против интервентов и, захватив Галич, вокняжился в нем (1219) [2]. В это время Даниилу Романовичу было уже 18 лет. Он заключил союз с Мстиславом и женился на его дочери. При помощи Мстислава волынский князь Даниил Романович вступил в борьбу с поляками и отнял в 1219 г. все завоеванные ими волынские земли. Поляки и венгры еще раз попытались захватить Галицко-Волынское княжество, но и эта интервенция окончилась крахом.

В 1221 г. интервенты были разбиты. Галицкие бояре, стремясь освободиться от неприятного для них Мстислава, вновь обратились за помощью к венгерскому королю, но венгерское войско в 1227 г. было разбито [3].

Тем не менее под влиянием «великих бояр» Мстислав выдал свою дочь замуж за венгерского королевича и передал ему Галицкое княжество. Население отнеслось к этому крайне враждебно. Даже часть «великих бояр» была возмущена поступком Мстислава и заявила ему, что «бояре не хотят его, а все галичане хотят Даниила». Население города, по словам летописца, было радо вокняжению Даниила [4].

После смерти Мстислава Удалого в 1228 г. Даниил Романович возобновил борьбу за Галицкое княжество. Средние и мелкие феодалы, а также зажиточная часть городского населения, недовольные политикой «великих бояр», поддержали Даниила Романовича в его борьбе за галицкий престол. Его поддерживал и киевский князь Владимир Рюрикович (1224—1234), против которого выступал черниговский князь Михаил Всеволодович. Последний протягивал свои руки не только к Киеву, но и к Галицкому княжеству. В 1230 г. Даниил овладел Галичем. Однако борьба за галицкий стол про-

---

[1] Воскресенская летопись. Полн. собр. летоп., т. VIII, стр. 119.
[2] *Иванов*, Исторические судьбы..., стр. 159.
[3] Ипатьевская летопись, стр. 749.
[4] Там же, стр. 777.

должалась. «Великие бояре» в 1232 г. помогли венграм вновь завладеть Галицким княжеством, но не надолго. В следующем году Даниил Романович, при поддержке Киевского князя и половцев, вновь занял Галич, но опять на короткий срок. Против галицкого князя образовалась коалиция из венгров, Польши, половцев, черниговского князя Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава. «Великие бояре» поддержали эту враждебную интересам галицкого населения коалицию. Венгры и поляки на этот раз сами не решились завладеть Галицким княжеством, а предоставили галицкий престол Ростиславу Михайловичу Черниговскому. Даниил, продолжая борьбу за галицкий престол, в 1238 г. занял Галич, население которого радостно его встретило. Ростислав убежал в Венгрию.

На этот раз положение Даниила в Галиче стало достаточно крепким. Галицкое население, уставшее от интервентов и интриг «великих бояр», поддержало Даниила, а галицкие феодалы вынуждены были несколько смириться [1].

Впрочем, борьба «великих бояр» с князем Даниилом все же продолжалась.

Во время борьбы Даниила за Галицкое княжество Михаил Всеволодович Черниговский успел утвердиться в Киеве (1238). Но киевский князь ввиду угрозы со стороны татар вскоре последовал за своим сыном и также убежал в Венгрию. Воспользовавшись этим, Ростислав Мстиславич Смоленский завладел Киевом (1239).

Продолжая традиционную политику своего отца, Даниил Романович захватил Киев, изгнав из него Ростислава Мстиславича Смоленского, и оставил в городе своего дружинника Дмитрия (1240).

Одновременно с борьбой за галицкое наследство Даниил Романович должен был выступать на защиту Волыни, так как Тевтонский орден, при содействии мазовецкого князя Конрада захватил Дорогичин в Берестейской земле (1237)[2]. Дорогичин был взят Даниилом, начальник войск крестоносцев Брун был пленен (1238).

4

Во время батыева погрома Даниил убежал в Венгрию, а затем в Польшу. Взяв Киев, Батый направился в Польшу и Венгрию через Волынь и Галицкое княжество.

---

[1] Там же, стр, 783.
[2] Там же, стр. 776.

Поход Батыя причинил неисчислимые убытки Галицко-Волынскому княжеству. Население поредело. Города были разрушены, торговля упала. «Великие бояре» вновь укрепились и мало считались с Даниилом. Обострение отношений Даниила с боярами было использовано Ростиславом Михайловичем Черниговским [1]. Борьба его с Даниилом была крайне напряженной и окончилась победой Даниила и разгромом Ростислава и его союзников в 1245 г. Даниил прочно утвердился в Галиче, восстановив полную независимость Галицко-Волынского княжества.

Даниил Романович, учитывая общее положение Галицко-Волынского княжества, поехал в 1245—1246 гг. в Орду и объявил себя данником хана.

Политика соглашения с татарами оправдала себя, — венгерский король Бела, «боящася Даниила, яко был бе в татарах», поспешил вступить с ним в соглашение (1246)[2].

В сущности Даниил Галицкий проводил в отношении татар ту же политику, что и Александр Невский. Став юридически татарским данником, Даниил Романович получил возможность бросить все имеющиеся в его распоряжении силы для защиты неприкосновенности границ своего княжества. Даниилу Романовичу приходилось быть настороже в отношении Венгрии и Польши и вместе с тем отражать набеги литовцев и ятвягов. Галицкое княжество постоянно подвергалось набегам соседей — Литвы и ятвягов. Набеги причиняли большое разорение Волынскому княжеству. По словам летописца, «беда бе в земле Володимерстей от воевания литовского и ятвяжского». Даниил отвечал походами на ятвягов, и Берестье становилось плацдармом в борьбе против них.

Борьба с ятвяжскими князьками развертывалась благоприятно для Даниила. По крайней мере в 1219 г. группа литовских князьков во главе со старейшим Живинбудом поспешила заключить с ним мир [3]. Несколько напряженнее становилась борьба с литовцами со времени образования Миндовгом в бассейне среднего Немана Литовского княжества. Литовцы продолжали нападать на Галицко-Волынское княжество.

Особенно напряженными стали отношения Даниила с литовцами после 1250 г., когда Миндовг стремился остановить

---

[1] Ипатьевская летопись, стр. 793.
[2] Там же, стр. 778.
[3] Там же, стр. 735—736.

движение Даниила в сторону ятвягов. В результате политики Даниила вся Берестейская земля (Подлясье с городами Берестье, Дорогичин, Мельники, Кобрин, Бельск, Каменец) полностью стала принадлежать Даниилу Романовичу.

Даниил не хотел допустить усиления Литвы и намеревался присоединить Черную Русь к своему княжеству. Это совпало с моментом усиления натиска Тевтонского ордена на Литву. Орден для Литвы был опаснее, чем Даниил. Поэтому Миндовг, желая укрепить свой тыл, заключил в 1254 г. с Даниилом договор, по которому во владение Романа, сына Даниила, отошла Черная Русь с городами Новгородком, Слонимом и Волковыйском и «все городы»[1]. С получением городов Роман становился в вассальные отношения к Миндовгу. Со стороны последнего это был только тактический прием, вызванный обострением борьбы с Тевтонским орденом.

Римское папство в лице Иннокентия IV не теряло надежды убедить Даниила Романовича согласиться на унию — объединение католической церкви с православной. Даниил, готовясь к борьбе с татарами, по тактическим соображениям дал согласие на унию.

Призыв папы в 1253 г. к крестовому походу против татар не дал никаких результатов, и вся затея с унией провалилась.

В 1253 г. Даниил Романович венчался королевской короной[2]. Этим галицко-волынский князь стремился подчеркнуть свое могущество.

Укрепив свое княжество, Даниил Романович решил выступить против татар. Обстановка, казалось, благоприятствовала. Но борьба с татарами в итоге окончилась неудачей. В 1259 г. ханом Менгу во главе татарских войск был поставлен «безбожный злой» Бурундай, который напал на Волынь и предъявил Романовичам грозное требование: «ожс есте мои мирници, стретьте мя, а кто не стретить мя, той ратный мне» (если вы мои друзья, встречайте меня; кто не встретит, — тот враг). Кроме того, Бурундай потребовал от галицких князей срытия городских укреплений — Кременца, Луцка, Данилова, Стожка, Львова. Попытка Бурундая взять Холм не увенчалась успехом. Галицко-Волынская Русь вновь подпала под власть татаро-монголов.

Ослаблением Галицко-Волынского княжества воспользовался Миндовг литовский. Он в 1260 г. отнял у Романа

---

[1] Там же, стр. 830—831.
[2] *П. Иванов*, Исторические судьбы..., стр. 169.

города Черной Руси и, заключив его в тюрьму, в 1262 г. начал войну с Даниилом, но она окончилась поражением литовского князя.

Галицко-волынские князья Даниил и Василько отстояли независимость своего княжества от венгров, поляков и литовцев, но их попытка сбросить с плеч народа «татарскую неволю» окончилась неудачей.

Отбивая нападение своих соседей, Романовичи облегчали положение Руси, находившейся под властью татар. Они закрыли дорогу для польских интервентов на Русь.

В этом заключалась основная историческая заслуга населения Галицко-Волынской земли, поддерживавшей Романовичей в их борьбе с западными соседями за политическую независимость своего княжества.

5

Галицко-Волынское княжество благодаря богатейшим природным данным было страной весьма развитого сельского хозяйства. В 1280 г. в ответ на просьбу литовцев «их прокормити» было отправлено в Литву много хлеба. Хлебные продукты направлялись к портам Балтики и через них — в Западную Европу.

В связи с разделением общественного труда в Галицко-Волынском княжестве в городах развивалось ремесло, и они крепли экономически. Луцк, Владимир, Холм, Львов, Берестье были торговыми центрами большого значения. Князья поддерживали развитие торговли с соседями. Так, купцы из Торуня в Польше располагали особыми привилегиями в Галичине и на Волыни. В городах было много ремесленников, пришедших с Запада и с Востока. Феодальное землевладение в Галичине и на Волыни окрепло довольно рано. Галицкие бояре владели большими землями, которыми они распоряжались по собственному усмотрению. Богатые феодалы назывались «великими боярами». Под их сеньератом находилось множество их вассалов, «отроков», составлявших феодальное ополчение, во главе которых стояли сами великие бояре — их сеньеры.

Феодалы принимали большое участие в политической жизни княжества. Они составляли «княжескую думу» — феодальную курию баронов, посредством которой князь должен был управлять княжеством, если не желал стать во враждебные отношения со своими феодалами. «Великие бояре» стремились подчинить княжескую власть и не раз

обращались к помощи венгров и поляков для борьбы со своими князьями, отдавая свою родную землю на растерзание интервентов.

Романовичи обращали много внимания на строительство и развитие городов. На границе своего княжества Даниил построил город Холм. Однако, несмотря на все заботы князей о городах, последние еще не превратились в ту общественную силу, опираясь на которую князья могли начать борьбу с «феодальным беспорядком», выступая как представители «порядка».

В связи с ростом феодального землевладения устанавливалась зависимость сельского населения от феодалов, а вместе с тем росла и феодально-крепостническая эксплуатация. Феодалы располагали большим количеством рабов — челяди. Походы князей на соседей обычно сопровождались приводом «множества полон, челяди, скота и коней». Иногда восставшее городское население отдавалось в рабство. Даниил, взяв город Возвягль, зажег его и вывел население из города: одних людей он отдал в рабство своему брату, а других—сыновьям Льву и Шварну. Положение сельского населения было очень тяжелым. Оно работало, отбывало разные повинности на своих феодалов и уплачивало им разного рода «дани». Кроме того, оно уплачивало «татарскую дань». Сельское население — «смерды, люди» — сохраняло еще общинный строй. Смерды, люди, жившие непосредственно около имения, потерявшие связь с общиной и получавшие земли непосредственно от своего владельца, разделялись на сотни. Это были уже вполне закрепощенные смерды.

Князья раздавали земли боярам. Вместе с землей феодал получал в свое распоряжение и право вотчинного суда. Вотчинный суд был необходим феодалу для того, чтобы «помещик мог задержать с самого начала даже наименьший отпор крестьян». Закрепощенные смерды убегали от своих господ на восток, к татарам. Вспыхивали стихийные выступления сельского населения, которые подавлялись князьями и феодалами.

С выделением Галицкой и Волынской земель в отдельные феодальные княжества феодальная культура не остановилась в своем развитии. Можно говорить отдельно о галицко-волынском просвещении, которое, оставаясь на почве византийско-болгарской культуры, благодаря сношениям с Западом, впитало в себя отдельные элементы западной феодальной культуры.

Замечательным памятником галицко-волынского просвещения является Галицко-волынская летопись, основной источник для истории Галицко-Волынского княжества. Она состоит из двух частей. Первая ее часть (с начала XIII в. и до конца 60-х годов) написана каким-то сторонником князя Даниила, хорошо знакомым со всеми сторонами жизни Галицко-Волынского княжества. Другая часть (70—80-е годы XIII в.) написана на Волыни лицом, близким к князю Владимиру Васильковичу, принадлежащим, видимо, к духовенству. Она отличается живостью и яркостью изложения [1]. Составитель летописи, видимо, использовал фольклор. Народное образование получило значительное развитие. По словам Татищева, на Волыни в XI в. уже была целая сеть училищ. Ярослав Осмомысл, «изученный многим языкам и наукам», много заботился об устройстве школ. Таким просветителем был и волынский князь Владимир Василькович, племянник Даниила Романовича. Памятники славяно-болгарской письменности получили широкое распространение. Западное влияние шло из Польши и Венгрии и больше всего сказалось в церковных стенных росписях многочисленных храмов, сооруженных галицко-волынскими князьями. Галицко-волынское феодальное просвещение оставалось «руским».

6

В 1264 г. умер Даниил Романович. Через несколько лет умер и его верный жизненный соратник, брат Василько, ставший его наследником и державший под своей властью Владимиро-Волынское княжество.

Несмотря на общий упадок в связи с нашествием Батыя, Галицко-Волынское княжество все же оставалось достаточно грозным для своих соседей. Одно время Шварн Данилович сидел на литовском столе [2].

Даниловичам не удалось сохранить под своей властью Литву. Княжение Шварна было непродолжительным. После смерти Шварна литовский стол был занят вновь Войшелком, который княжил «лет немного» и был убит братом Шварна Львом, отомстившим Войшелку за то, что «дал землю Литовськую брату» (1268) [3].

---

[1] Нариси з історії України, вып. I, Київ 1937, стр. 167.
[2] Ипатьевская летопись, стр. 867.
[3] Там же, стр. 868—869.

В 1270 г. умер Василько Романович. Ему наследовал его сын Владимир (1270—1289). Галицко-Волынскому княжеству вновь пришлось в 1286 г. перенести татарский погром от воеводы Телебуги, направлявшегося в Польшу [1].

Владимир Василькович занялся восстановлением опустошенного Галицко-Волынского княжества. Видимо, деятельность Владимира была в этом отношении очень плодотворной. Недаром летописец, отражая чувства современников, с увлечением описал княжение Владимира, одновременно дав яркую характеристику его личности: он был характером «кроток, смирен, незлобив, правдив, не мздоимец, нелжив, татьбы ненавидяще, питья же не пи», и вместе с тем «бысть философ велик и ловечь, хитр, хоробр» [2]. Он восстановил Берестье и построил город «на пустом месте, нарицаемом Льстне, и нарече имя ему Каменець» [3]. Бездетный Владимирко завещал престол своему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу (1289).

Так вся Волынь была объединена под властью Мстислава. В Галицком княжестве вокняжился Лев Данилович.

После смерти волынского и галицкого князей оба княжества вновь объединились в конце XIII в. под властью Юрия Львовича с центром во Владимире. В начале 20-х годов XIV в. оба сына Юрия — Андрей и Лев — умерли. Власть захватили бояре, призвавшие на престол Болеслава Тройденовича, сына Марии Юрьевны. Приняв православие под именем Юрия, он стал во главе Галицко-Волынского княжества (1323).

Поляк по происхождению, Юрий окружал себя католиками и иностранцами и заставлял население силой принимать католичество. Феодалы-бояре приобрели еще большую власть при Юрии. Политика Юрия стала угрожающей по отношению к «руской» народности. Население Галицкого княжества встало на защиту своей народности, а Юрий был отравлен (1340) боярами.

---

[1] Там же, стр. 892—899.
[2] Там же, стр. 921.
[3] Там же, стр. 925.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗАПАДНОУКРАИНСКИЕ И ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ

1

Внешнее положение Галицко-Владимирского княжества ко дню смерти Болеслава-Юрия было очень сложным. Соседи — венгры и поляки, пристально следя за развитием внутренних противоречий в княжестве, подготовляли новую интервенцию. Рядом с ними выступал на историческую сцену еще один претендент — Литва, уже достаточно окрепшая политически к этому времени. Литовскому князьку-феодалу Миндовгу удалось в 30—40-х годах XIII в. покорить часть литовских князьков и заложить фундамент литовского феодального княжества. Миндовг расширил свои владения за счет Черной Руси в бассейне левых притоков верхнего Немана. Присоединение Черной Руси укрепило положение Литовского княжества, поставив его в сферу влияния русской феодальной культуры [1]. Только благодаря Черной Руси Миндовг мог, с бóльшим или меньшим успехом, выдерживать натиск сил обоих орденов — Тевтонского и Ливонского, объединившихся после того, как литовцы в 1236 г. нанесли Ливонскому ордену жестокое поражение в битве при Шавлях [2].

Миндовг, будучи недостаточно сильным для борьбы с орденом, направил свое внимание в сторону Полоцкого княжества. Татарский погром 1237—1238 гг. разделил Русскую землю на три части — Северо-Западную, Юго-Западную и

---

[1] *М. Любавский*, Областное деление и местное управление, М. 1893, стр. 3.

[2] Полное собрание русских летописей, т. X, стр. 105, 364; *Totaraitis Joh*, Die Litauer unter dem König Mindowg bis zum Jahre 1263, Freiburg 1905, S. 55.

Северо-Восточную Русь — и привел к прекращению экономических, политических и культурных связей между ними.

Миндовг подчинил себе Полоцкое княжество, распыленное на отдельные феодальные владения и политически крайне ослабевшее.

Захват Полоцкого княжества укрепил политическое положение Миндовга и дал ему возможность сдержать натиск ордена. Литовское княжество при Миндовге уже стало русским, как правильно отметил А. Е. Пресняков[1]. Экспансия в сторону Руси, политически ослабевшей в связи с татарским завоеванием Северо-Восточной Руси, возобновилась с политическим усилением княжества при Гедимине (1316—1341) и его сыне Ольгерде (1345—1377). В начале XIV в. Литва присоединяет Турово-Пинские земли и северо-западную часть Киевской земли [2].

При Гедимине было присоединено Минское княжество [3], Подляшье, или Берестейская земля. Смоленск также находился в известной зависимости от Гедимина [4]. Так Западнорусские земли вошли в состав территории Литовского княжества. Ольгерд торопился захватить остальные русские земли: Волынь, Чернигово-Северскую землю, Киевщину и Подолию, Витебщину.

Волынь досталась Литве без особых затруднений. Любарт Гедимипович был женат на дочери волынского князя Андрея Юрьевича. Волынские бояре, опасаясь вторжения Венгрии и Польши, пригласили Любарта на волынский стол. После смерти Болеслава-Юрия вся верховная власть над Галицко-Волынским княжеством сосредоточилась в руках Любарта [5].

В Галицкой Руси власть находилась в руках бояр, во главе которых стоял крупный боярин Дмитрий Дедко (1340—1349).

Со своей стороны хан Золотой Орды Узбек признал Любарта галицко-волынским князем.

Феодально раздробленная Польша вновь была объединена под властью Владислава Локотка (1306). При его сыне Казимире III (1333—1370) закончился процесс объединения феодально раздробленной Польши. Несмотря на полити-

---

[1] *А. Пресняков*, Лекции по русской истории, т. II, стр. 53.
[2] *К. Гуслистий*, Нариси з історії України, в. II, 1939, стр. 12.
[3] *М. Любавский*, Областное деление и местное управление, стр. 12.
[4] Там же, стр. 15.
[5] Там же, стр. 39.

ческое усиление, Польша оказалась не в силах вести борьбу с Тевтонским орденом, и Казимир III был вынужден отдать ему Поморье, лишив Польшу выхода в море. Стремясь укрепить Польшу, Казимир стал готовиться к захвату Галицкой земли. К этому времени окрепла и Венгрия. При Людовике Венгерском (1342—1382) она владела Болгарией, Хорватией, Молдавией, Валахией, Закарпатской Украиной и Буковиной.

Усиление Польши и Венгрии совпало с временным ослаблением Литвы, явившимся следствием борьбы за престол между Гедиминовичами — Ольгердом, Кейстутом и Явнутием, официально признанным великим литовским князем. В 1345 г. рыцари вторглись в Литву. В 1348 г. они нанесли литовцам поражение на реке Страве и отвлекли внимание литовцев от галицко-волынских дел.

Вторжение поляков в Галицко-Волынскую землю в 1340 г. было сначала успешно, но затем население прогнало поляков. В 1349 г. Казимир оккупировал Галичину и Волынь, за исключением Луцка. По словам Новгородской летописи, он «много зла крестьянам сотвориша, а церкви святые претвориша на богумерское служение». В борьбу за галицко-волынское наследство вмешались венгры и римский папа. Любарта поддерживали татары. В конце концов благодаря заключению в Креве унии Литвы с Польшей (1385) и соглашению с Венгрией Галицкая земля осталась за Польшей; за Федором Любартовичем осталась Волынь, а западные города — Белз и Холм — отошли к Польше. Ягайло, великий князь Литвы и польский король, поддерживал политику польских панов [1].

2

Длительная борьба между Венгрией и Польшей за Галичину сопровождалась усилением национального и религиозного гнета. Феодалы продавали интервентам свою родину, разделившись на сторонников поляков или венгров. Несколько раз население восставало против захватчиков, но все восстания кончались неудачей. Долголетняя оккупация разорила Галицкое княжество. Его производительные силы были подорваны.

Польша не собиралась отказываться от своих планов захвата

---

[1] *М. Любавский*, Областное деление и местное управление, стр. 39—40; *А. Пресняков*, Лекции по русской истории, стр. 66—79.

Волыни и других земель. В 1430 г., когда великим князем литовским был избран Свидригайло, противник унии Литвы с Польшей, польские паны немедленно вторглись в Западную Подолию и выгнали из нее литовских наместников, заменив их своими. Попытка захватить Волынь и Восточную Подолию окончилась неудачей. Население Волыни и Подолии энергично отстаивало свою землю от посягательств на нее со стороны польских захватчиков. Одновременно продолжалась противопольская партизанская война в Галичине и Западной Волыни, где поляками был осажден Луцк. В конечном итоге польские паны должны были отказаться от притязаний на Волынь, и 26 сентября 1431 г. Ягайло заключил со Свидригайлом перемирие, в силу которого Западная Подолия оставалась за Польшей [1]. Так русское население Подолии было принесено Свидригайлом в жертву для удовлетворения захватнических планов польских магнатов. Польские и литовские магнаты пошли на соглашение из боязни распространения противопольского и противолитовского движения на землях Западной Украины.

Сговорившись, они провозгласили великим князем Сигизмунда Кейстутовича (1432). Новый великий князь уступал Волынь и Подолию магнатской Польше, но Литва не признавала этого соглашения [2].

В половине XV в. польские паны пытались вновь захватить Волынь и Восточную Подолию, но все эти попытки потерпели неудачу. В 1440 г. в Киеве произошло восстание против литовского владычества, и только восстановление Казимиром Киевского княжества в 1441 г. содействовало прекращению противолитовского движения. Свидригайло, перешедший на сторону Литвы (1445—1446), оставил за собой Волынь и Восточную Подолию. Все же польские паны захватили окончательно Западную Волынь и Западную Подолию, подготовляя плацдарм для дальнейшего захвата богатейших черноземных земель Украины.

3

Панская Польша в XV в. становилась поставщиком зерновых продуктов для Западной Европы. Стремясь поднять производительность и доходность своего хозяйства, землевладельцы начали заводить свою отдельную запашку, кото-

---

[1] *Lewicki*, Powstanie Świdrygiełły, Kraków 1892, str. 102.
[2] *М. Любавский*, Областное деление и местное управление, стр. 41.

рая обрабатывалась крепостными крестьянами. Земли Галицкой Руси были лакомым куском для польских панов.

Паны и шляхта массами направились в Галицкую Русь. Для усиления польского влияния Казимир раздавал земли на основе феодального права (jure feodali) с предоставлением шляхте патримониальной власти над зависимым от нее населением. Со времен Ягайлы земли стали раздаваться на основе вотчинного наследственного права (jure hereditario). Многие из местных землевладельцев лишились своих земель, так как не могли представить никаких документов на право владения ими. В связи с земельной политикой польских королей окрепло польское шляхетское землевладение.

Местное боярство сливалось с польской шляхтой, теряло связь со своей «руской» народностью и ополячивалось. Сначала галицкие бояре не пользовались всеми правами польского шляхетства. Только в 1434 г. Владислав III опубликовал привилей, уравнивавший галицкое боярство с польским [1].

С развитием феодального землевладения и организацией фольварочного (барского) хозяйства положение сельского населения, конечно, изменилось в сторону дальнейшего закрепощения. В панских имениях сохранялось еще известное количество несвободного населения — «челяди невольной»; содержать ее на месячине уже становилось невыгодным, и владельцы осаживали челядь на небольших земельных участках, с которых они отправляли барщину.

Степень зависимости сельского населения была разная. Так, «коланные люди» уже потеряли право выхода, а кмети (kmethones) еще таковое сохранили. По видам своей феодальной ренты они разделялись на данников-оброчников (homines tributarii) и «людей служебных» (homines serviles),отбывавших в пользу помещика те или иные службы. Более закрепощенными были «ордынцы» и «сотные». Они уже потеряли право выхода, который был возможен только в случае, если они найдут вместо себя заместителя, способного выполнять лежавшие на них повинности. Все разряды сельского населения подлежали вотчинному патримониальному суду. Выход крестьян был возможен только в определенное время года. Крестьянская община «на русском праве» с выборной администрацией (атаманами, тиунами) еще сохра-

---

[1] *И. Линниченко*, Черты из сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв., М. 1894, стр. 1—71.

пялась, но в отбывании повинностей на помещика была связана круговой порукой. Крестьяне в общинах «на русском праве» жили дворищами — отдельными большими семьями. Луга и леса находились в общем владении. Вместе с-тем в помещичьих имениях стали возникать общины колонистов «на немецком праве», по образцу которого помещики вводили у себя в имениях такие же общины, что влекло за собой уничтожение общины на русском праве. Колонисты на немецком праве сидели на определенном земельном участке — лане — и платили с него денежный чинш. Введение ланового землеустройства в общине на русском праве влекло за собой отнятие у крестьян лугов, пастбищ, сокращение находившейся в их распоряжении земли, расселение на отдельных ланах семейных членов дворища. Организация деревни на немецком праве вытекала из стремления землевладельцев завести свое фольварочное хозяйство, использовав для этого труд осажденных на ланах крестьян, часть которых оставалась на чиншевом положении, а другая часть, численность которой определялась размерами барской запашки, должна была отбывать барщину [1].

В связи с развитием производительных сил, внешней и внутренней торговли города в Галичине экономически очень окрепли. Они становились видными торгово-промышленными центрами, среди которых в особенности выделялся Львов, расположенный на перекрестке дорог с севера на юг и с востока на запад. В связи с ростом городов польские короли выдавали им грамоты на Магдебургское право, вводившее в городах особое управление.

Грамоты на Магдебургское право выделяли город в отдельную административно-финансовую единицу. Магдебургское право распространяло свое действие только на торгово-промышленное население города, и притом христианского вероисповедания. Во главе управления города стоял войт, обычно назначаемый королем из числа лиц шляхетского происхождения. Вместе с присяжными лавниками войт судил по уголовным делам подсудное ему по Магдебургскому праву население. Право выбора лавников принадлежало всему торгово-промышленному населению города. Управление городом и суд по гражданским делам принадлежали бурмистрам и радцам (ратманам), также избираемым населением города. Городская администрация была обязана ежегодно отчитываться перед своими избирателями.

---

[1] Там же, стр. 71—219.

Городской бюджет составлялся из денежных средств, собираемых путем самообложения и поступлений от разных городских доходных статей: корчмы, лавок, от убоя скота и пр. Обычно управление городом находилось в руках богатой городской верхушки. Городская плебейская масса — ремесленники, чернорабочие, наемные служащие — фактически была устранена от участия в выборах органов городского управления. Назначаемый правительством войт становился представителем всей городской корпорации. Грамоты на Магдебургское право ставили в привилегированное положение католиков. Перемышль, Львов, Сацок и другие города пользовались уже в XV в. таким управлением. С получением Магдебургского права города превратились в замкнутые общины с определенными правами и привилегиями. Доступ в магдебургию был обставлен особыми правилами. Лица нехристианского вероисповедания не могли принадлежать к мещанству. Ремесленники были организованы в цехи, количество которых было особенно значительно во Львове.

Во второй половине XV в. в отдельных цехах начали возникать организации подмастерьев («господа») для охраны своих интересов против эксплуатации мастеров. Купцы и мастера составляли патрициат города, а прочее население — городскую плебейскую массу, находившуюся в полной экономической зависимости от патрициата. Все должности по городскому управлению находились в руках патрициата. Наиболее значительным по своим торговым операциям был город Львов, в котором жили русские, армяне, евреи, немцы. Армянская община была независима от магистрата, но королевские старосты и магистрат постепенно урезали права общины, подчинив армян в судебном отношении королевским старостам.

Положение евреев определялось привилеем Ягайла 1387 г., подтверждавшим прежние привилеи, выданные евреям, жившим в Польше, согласно которым личность и имущество объявлялись неприкосновенными [1]. Евреям предоставлялось право свободного вероисповедания и отправления религиозного культа. Еврейские общины (кагалы) располагали правом суда над своими членами по вопросам религиозного и гражданско-правового порядка и специальной подсудностью по уголовным делам. Привилеи обеспечивали евреям

---

[1] *И. Линниченко*, Черты из сословий в Юго-Западной Галицкой Руси XIV—XV вв., стр. 210—238.

возможность занятий залоговыми операциями. Все члены еврейской общины были связаны круговой порукой в отношении уплаты податей, приходившихся на еврейскую общину. Незначительная по численности, богатая еврейская прослойка держала в полной зависимости от себя еврейскую плебейскую массу.

Экономический рост Львова был связан с восточной торговлей, которая велась с Константинополем через Балканы и с Кафой, генуэзской колонией на Черном море. С половины XV в. восточная торговля, находившаяся в руках армянских купцов, падает вследствие завоевания Константинополя и генуэзских колоний турками [1].

С захватом Польшей Галицкой Руси, в особенности со времен Ягайла, возобновилась католическая агрессия. Учреждение католических епископских кафедр и основание монастырей в Галицко-Волынской Руси были достаточно яркими показателями наступления польско-католической агрессии. Это было только началом наступления на Галицкую Русь [2]. Народ относился крайне враждебно к пропаганде католицизма, встал на путь пассивного сопротивления и остался верным своей народности.

В Западной Волыни и в Западной Подолии, захваченных поляками, развивалось частное землевладение, вырастали крупнопомещичьи феодальные имения. Рост феодального землевладения неизбежно влек за собой рост крепостных отношений. Феодальное поместное хозяйство строилось на крепостном праве, и внеэкономическое принуждение было основным орудием помещика для выкачивания из крестьян прибавочного продукта.

Волынь через Берестье — Дорогичин связывалась с польской привислянской торговлей. Между Галицкой Русью и Волынью поддерживались оживленные торговые связи. Волынь и Галицкая Русь в конце XV в. были экономически связаны с прочими землями Юго-Западной Руси, захваченной Литвой в XIV в. Развитие производительных сил содействовало росту разделения общественного труда, а вместе с тем город выделился из волости и становился отдельной экономической и административно-судебной единицей. Города получили Магдебургское право: Владимир во второй половине XV в., Луцк—в 1432 г., Каменец-Подольск—

---

[1] *L. Charewiczowa*, Handel średniowiecznego Lwowa, Lwów 1925.
[2] *И. Филевич*, Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследство, стр. 173—220.

в 1374 г. [1], Кременец — в 1438 г. Предоставляя городам Магдебургское право, польские короли поддерживали польских и немецких купцов, ограничивая в правах православных людей [2].

Развитие экономических связей между Галицкой Русью и другими землями Юго-Западной Руси, содействуя слиянию всех земель в одно экономическое и социально-политическое целое, было основной причиной образования украинской народности и украинского языка на общерусской, славянской основе и основе местных говоров. Население называло себя «руским», или «руським», тем самым противопоставляя себя нерусским народностям — польской, литовской и немецкой. С конца XV в. земли так называемой Юго-Западной Руси следует называть Украиной, так как сам народ называл в своих песнях этим именем свою родину.

4

Западная Белоруссия, расположенная в бассейне верхнего Немана, Западного Буга и верхней Припяти, имела громадное значение в экономике великого княжества Литовского. Это был основной сельскохозяйственный район и вместе с тем территория панского крупного землевладения. Вывоз хлеба за границу повлек за собой расширение барской запашки и рост феодальных рент и барщины. В половине XVI в. барщина на землях великого князя была установлена в два дня в неделю, а на землях частных владельцев — до трех-четырех дней. В тот же период XVI в. великий князь и литовские паны встали на путь новой землеустроительной политики, организации собственной запашки за счет ограбления крестьянской общины, у которой были отняты часть земель, пастбища, леса. С введением индивидуального землепользования — волоки (19—21 *га*) сельская община перестала существовать. С ростом панского хозяйства увеличивалась и крепостная зависимость. Непосредственный производитель попадал в полную зависимость от землевладельца [3].

В связи с ростом разделения общественного труда панские города — Вильно, Гродно, Ковно, Берестье, Ново-

---

[1] *Ф. Тарановский*, Обзор памятников Магдебургского права западнорусских городов польской эпохи, Варшава 1897, стр. 18.

[2] *К. Гуслистий*, Нариси з історії України, вып. II, Київ 1939, стр. 54.

[3] *В. Пичета*, Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве, ч. I, М. 1918.

грудок, Бельск и др. — экономически окрепли и стали пользоваться управлением по Магдебургскому праву. Вильно получило Магдебургское право в 1387 г., Берестье — в 1390 г., Гродно — в 1391 г., Дорогичин — в 1429 г., Бельск — в 1430 г.

В конце XV в. получили Магдебургское право Минск и Полоцк, тяготевшие к западным рынкам. Города приобрели право устраивать несколько раз в год ярмарки. Наиболее значительным и экономически развитым городом было Вильно. Богатое купечество и ремесленники, организованные в цехи, составляли основную массу населения. В Вильно, как и в других городах, было немало также немецких ремесленников, но основную массу городского населения составляли русские. Крупные и мелкие феодалы русской и литовской народности уже успели слиться в одно сословие, которое располагало особыми правами и преимуществами, закрепившими сформировавшееся сословное деление в великом княжестве Литовском.

Правовое положение класса землевладельцев и бесправное состояние крепостного крестьянина были юридически оформлены в памятнике феодального права великого княжества Литовского — Литовском статуте 1529 г.

Перепись 1529 г., определившая, какое количество служебных людей должен был выставить каждый феодал при выходе на войну, показывает, как сильно распространилось феодальное крупное землевладение в Западной Белоруссии.

Феодальная эксплуатация вызывала бегство крестьян в Восточную Белоруссию, в Подвинье и Приднепровье [1]. В половине XVI в. Восточная Белоруссия втягивалась в товарно-денежные отношения, связываясь экономически с Западной Белоруссией. Вместе с тем происходил процесс формирования белорусской народности и белорусского языка на основе местных северо-западных говоров. Актовый язык по своим фонетическим и морфологическим признакам вполне может быть признан белорусским языком.

Неудачная война Литвы с Московским государством, в которую она была втянута с присоединением Ливонии к Литве, толкала шляхту в поисках союзников в сторону Польши. Литовская, украинская и белорусская шляхта требовала унии с Польшей, против которой всячески восставали магнаты. На Люблинском сейме 1569 г. уния была

---

[1] Акты Виленской археографической комиссии, т. X, стр. 100—101.

заключена [1]. На основе унитарного акта возникло новое польско-литовское федеративное государство — Речь Посполитая — с одним королем и сеймом, но с сохранением в «короне» (Польша) и в «княжестве» (Литва) отдельных управлений, судебной организации, законов, войска и бюджета. Польские паны, прежде чем начать разговаривать с литовцами об условиях унии, присоединили к себе всю Украину: Киевщину, Волынь, Подолию и Подляшье (Берестейскую землю). Так вся Украина и часть Белоруссии оказались под властью Польши.

5

Польско-католическая агрессия на землях Украины и Белоруссии не имела успеха, а потому польские паны, стремясь ополячить население, задумали вместе с иезуитами создать унию православной церкви с католической под главенством папы, но с сохранением славянского языка в церковном культе и православных культовых обрядов. Унию поддерживала часть православных епископов, желавших получить право заседать в польско-литовском сенате, но крестьяне, мещане, низшее духовенство, местные феодалы, лишавшиеся права патроната и влияния на церковные дела, отнеслись к унии отрицательно (1596). Белорусский и украинский народы видели в унии только новую разновидность польско-католической агрессии и феодально-крепостнического угнетения. Белорусскому и украинскому народам пришлось напрячь все силы, дабы сохранить свой язык, культуру, народность и защитить себя от посягательств со стороны польско-католической агрессии. Впрочем, белорусская и украинская феодальная верхушка скоро предала свою народность. Под угрозой поднявшейся волны крестьянских восстаний с конца XVI в. белорусские и украинские землевладельцы перешли в лагерь польского панства и стали злейшими врагами белорусского и украинского дела, надеясь, что единый польско-католический фронт скоро справится с массовым крестьянским движением.

Польские паны на Украине и литовские магнаты в Белоруссии были проводниками польской культуры на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Стремление привить населению чуждую ему польскую феодальную культуру было явлением агрессивным в отношении «руской» культуры и

---

[1] Дневник Люблинского сейма, Спб. 1849.

«рускогo», или «руськогo», языка украинскогo и белорусскогo народов. Оно не могло иметь успеха.

В условиях разрыва с культурой Северо-Восточной Руси и культурных связей с Византией украинская и белорусская культура продолжала развиваться, испытывая на себе влияние Запада, главным образом чешской письменности.

Центром культурного движения в Белоруссии и на Украине были города, ставшие крупными экономическими центрами и подвергавшиеся экономическому штурму со стороны шляхты, так как шляхта в Польше и Литве располагала правом беспошлинного вывоза своего сельскохозяйственного сырья и привоза из-за границы ремесленных изделий для собственного потребления. Городам приходилось обороняться от польско-католической агрессии, которая приводила или к полному лишению лиц православного вероисповедания права участия в городском самоуправлении, или к ограничению их количества при выборах на разные должности по городскому самоуправлению. Во Львове для «руських» купцов было создано своеобразное гетто. Львовские купцы имели право жить только на одной «Руськой» улице.

Мещанство, обороняясь от нового натиска польско-католической агрессии, вступило на путь борьбы против нее с помощью нового культурного орудия — возрождения белорусской и украинской культуры. Мещанин города Полоцка Франциск (Георгий) Скорина, «доктор лекарских наук», издал в 1517—1524 гг. в Праге в собственной типографии в своем переводе на языке «простого люда» бóльшую часть библии. Переехав в Вильно, Скорина в 1525 г. издал «Апостол» и «Малую подорожную книжицу», чем положил начало типографскому делу в Белоруссии [1]. Его дело продолжал социнианец В. Тяпинский [2], который издал в собственной переносной типографии три книги евангелия на языке «простого люда». Оба переводчика стремились «к научению простых людей рускогo языка». Протестант Симон Будный издал «катехизис» на языке «простых людей». Вместе с тем появлялись переводы: житий святых, апокрифических произведений, суеверных и гадальных книг; духовные

---

[1] *Е. Карский*, Белоруссы, т. III, стр. 17—40; *Владимиров*, Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык, Спб. 1888; *Ў. Пічэта*, Беларускае адраджэньне XVI сталецьці, Менск 1926.

[2] *М. В. Довнар-Запольский*, В. И. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие, в. II, Спб. 1899; *Е. Карский*, Белоруссы, т. III, стр. 35—39; *И. Янчук*, Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры, Менск 1922, стр. 20—41.

повести, светские повести, переводы книг исторического содержания, а также сочинения оригинального характера, летописи, в особенности Быховца [1], юридические памятники феодального права, Литовский статут 1529, 1566 и 1588 гг., сочинения церковного и богословского характера [2]. Развитие «рускаго» языка — лучший показатель наличия собственной народной культуры. Даже памятники феодального права были написаны «руской мовой» (языком). Народный язык был языком общеупотребительным. Литовский статут 1566 г., написанный «руским» языком, требовал, чтобы все судебное делопроизводство велось на «руском» языке: «...а писар земскій маеть по Руску литерами и словы Рускими вси листы и позвы писати, а не иншым языком и словы» (Статут 1566 г., Раздел IV, статья 1).

Формирование белорусского языка в XVI в. могло происходить только потому, что Белоруссия в XVI в. находилась приблизительно в том состоянии, в каком и Московское государство в XVII в., когда, по словам В. И. Ленина, «...новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [3].

В аналогичных условиях происходило и развитие украинского языка, памятником которого является так называемое «Пересопницкое евангелие», переведенное с болгарского языка на «руський» «для лепшого выразумленя люду христианского посполитого». Перевод был сделан архимандритом Пересопницкого монастыря на Волыни Григорием [4]. в 1556—1561 гг. Церкви и феодальные замки были очагами очень развитого архитектурного искусства [5].

В XVI в. распространилось книгопечатание в Западной Украине и в Западной Белоруссии. «Изобретение книгопе-

---

[1] *Т. Сущиньвский*, Західно-руські літописи як памъятники літературы, ч. I, Київ 1921.

[2] *Е. Карский*, Белоруссы, стр. 40—152; *И. Янчук*, Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры, стр. 41—83.

[3] *Ленин*, Соч., т. I, стр. 73.

[4] *К. Гуслистий*, Нариси з історіі України, т. II, стр. 175.

[5] Там же, стр. 180—182.

чатания и потребности все более расширяющейся торговли,— писал Энгельс, — лишили его (духовенство. — *В. П.)* монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование» [1].

Печатные издания того времени свидетельствовали о высоком уровне печатного дела в Белоруссии и на Украине.

Первая типография в Белоруссии была открыта Ф. Скориной в 1525 г. в Вильно. Кроме этой типографии, в течение XVI в. функционировали типографии в Несвиже и Заблудове, где работали первые московские первопечатники — Петр Мстиславец и Иван Федоров. Первый из них работал с 1567 по 1569 г., а второй оставил Заблудово только в 1572 г. Особое место занимала виленская типография братьев Мамоничей, которым много помог в ее организации Петр Мстиславец. Это было чисто коммерческое предприятие, в котором печатались книги разнообразного содержания на белорусском, славянском и польском языках. Возникали типографии и при монастырях для удовлетворения потребностей религиозного культа. Из этих типографий по размаху своей работы выделялась типография Могилевского братства[2].

В Галицкой Руси первопечатником был Иван Федоров. В собственной типографии в Львове московский первопечатник выпустил в 1574 г. «Апостол». Затем он работал в городе Остроге у князя Острожского. В 1580 г. им была напечатана библия, которая вышла в свет в 1581 г.

Иван Федоров заложил свою типографию местному ростовщику. Она была выкуплена Львовским братством в 1586 г. В типографии работали «ремесници и люди ученые», в большинстве своем — ученики Федорова. Из типографий на Волыни были наиболее известны: «Острожская», «Дерманская» при монастыре того же имени, «Константиновская», «Почаевская» [3].

Борьба против польско-католической агрессии способствовала образованию братств — объединений мещан-прихожан вокруг какой-либо церкви или монастыря. Братства выступали против унии, открывали школы для подготовки ученых в целях борьбы против унии в схоластическо-богословских спорах, выпускали религиозно-полемические со-

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 120.

[2] *Ў. Пічэта*, Друк на Беларусі у XVI и XVII сталецьцях, Менск 1926.

[3] *Ів. Огієнко*, Історія українського друкарства, т. I, Львів 1925; «Иван Федоров первопечатник», изд. Академии наук СССР, М. — Л. 1935.

чинения против унии. Вся эта литературная деятельность должна была показать способность «руских» к спорам на схоластическо-церковные темы, что отрицалось иезуитами.

Центрами братского движения были Львов, Вильно, Могилев, Луцк [1]. До заключения Люблинской унии 1569 г. местная украинская и белорусская шляхта выступала на «великих валных сеймах» против проникновения в Белоруссию и на Украину «чужеземцев», главным образом поляков [2], но эти выступления отнюдь не были защитой интересов белорусского и украинского народов. Белорусская и украинская шляхта видела в поляках своих конкурентов по захвату земель и должностей. В сущности, она сама, будучи настроена полонофильски, была главной виновницей унии 1569 г. Правда, она некоторое время держалась за свой, «руский», язык, но после унии 1569 г. ее окатоличение пошло крайне быстро. Она забывала свой язык. Разговорным языком становился язык польский, постепенно проникавший в судопроизводство шляхетских судов. В судах уже стали пользоваться польским переводом Литовского статута.

В 1697 г. сеймовая конституция признала необходимым ведение делопроизводства на польском языке. К этому времени белорусская и украинская шляхта уже была достаточно ополячена. Так, феодальные антагонистические отношения осложнялись религиозными и национальными противоречиями. Несмотря на известные успехи польско-католической агрессии среди шляхетства, народ остался верен своему языку, культуре и народности. Польско-католическая агрессия для белорусского и украинского народов была лишь одной из форм знакомого им феодально-крепостнического угнетения, от которого они так страдали и стремились освободиться.

---

[1] *А. Савич*, Нариси з історії культурных рухів на Вкраіні та Білорусі в XVI—XVIII вв., Київ 1929, стр. 115—186; *К. Харлампович*, Западнорусские православные школы, 1890.

[2] Акты Западной России, т. III, стр. 4, 11, 13.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ В XVI—XVII вв.

1

Вторая половина XVI в. — время широкого распространения реформации в Литве как среди крупных землевладельцев, так и городского, главным образом немецкого населения. Крупноземельные магнаты становились протестантами по соображениям экономического и политического характера. С одной стороны, магнаты надеялись, перейдя в протестантизм, конфисковать в свою пользу имения католических монастырей и церквей, с другой стороны, они заняли враждебные позиции по отношению к католической церкви вследствие того, что она была проводником польского политического влияния и всегда была сторонником реальной унии Литвы с Польшей, против которой боролись магнаты. Они отстаивали самостоятельность великого княжества Литовского, занимая в этом отношении положение, противоположное литовско-белорусской и украинской шляхте. Она, не желая нести тягостей Ливонской войны и стремясь ослабить политическое влияние магнатов, рассчитывала заключить унию с Польшей в надежде приобрести в ее лице союзника для борьбы с победоносными войсками московского царя Ивана Васильевича [1].

Поскольку господарская рада состояла из представителей магнатов, постольку была обеспечена поддержка протестантского движения со стороны великого князя литовского в лице Сигизмунда II. Протестантские общины возникли

---

[1] *М. Любавский*, Литовско-русский сейм, М. 1901, стр. 830—837.

в XVI в. в Вильно, Витебске (1562), Новом Месте (1583), Новгородке (1588), Биржах (1585), Минске (1596) и других местах [1]. Основатели общин — магнаты — обычно обеспечивали земельными пожалованиями вновь открытые общины протестантов. Из среды магнатов особенно покровительствовал протестантам Николай Радзивилл Черный.

Протестанты открывали типографии и печатали в них на белорусском языке книги протестантского содержания, предназначая их для «навучения простых людей». Впрочем, папская попытка распространения протестантизма среди крестьянства не имела никакого успеха. Крестьяне относились к протестантской пропаганде совершенно равнодушно.

Протестантизм распространялся в Белоруссии в виде кальвинизма и лютеранства. К кальвинизму тяготели обычно магнаты, к лютеранству — городское немецкое население. Кальвинизм укреплял положение магнатов, как феодалов, становившихся обычно во главе протестантской общины, в которой они были руководителями и проповедниками. Городское население видело в протестантизме орудие для борьбы с засилием в городе патрициата, отстранившего городскую плебейскую массу — ремесленников — от участия в городском самоуправлении и поставившего их в полную экономическую зависимость от себя.

Кальвинизм и лютеранство привились наиболее прочно в Белоруссии, кое-где на Украине, особенно на Волыни, где пустило глубокие корни социнианство, главным образом распространившееся среди шляхты, которую теснили магнаты и крупные землевладельцы — православные и католические монастыри. Социниане требовали конфискации церковной собственности, поскольку наличие ее противоречило, по их мнению, духу христианского учения. Протестанты широко использовали школу для пропаганды своего учения. Школы кальвинистов были открыты в Слуцке, Сморгони, Глубоком, Новгородке, Биржах. Открывали школы на Украине и социниане [2]. Особенно известной была социнианская школа в местечке Гоще на Волыни, которая была ликвидирована в 1639 г. [3]

Впрочем, увлечение магнатов кальвинизмом скоро пошло на убыль, лишь только феодалы-кальвинисты убедились в необходимости единого феодального фронта против начав-

---

[1] Zbiór pomników reformacji kościoła polskiego i litewskiego, Wilno 1926.

[2] *Савич*, цит. соч., стр. 54—55.

[3] Там же, стр. 56.

шихся крестьянских движений, направленных против феодально-крепостнической эксплуатации.

Феодалы под их угрозой бросились в объятия католической церкви, поскольку последняя стояла на точке зрения неизменяемости того социального строя, который сложился в великом княжестве Литовском. Этот строй провозглашался как установленный самим богом.

Обосновавшиеся в Вильно иезуиты встали на путь борьбы с протестантизмом и достигли в этом отношении значительных результатов. Магнаты и их дети вернулись обратно в лоно католичества; они становились вернейшими сынами католической церкви и убежденными врагами православия и протестантизма; хотя католичество считало православных и протестантов еретиками, все же оно прекрасно понимало социальное значение ереси как противофеодального движения. «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» [1]. Католичество оставалось религией господствующего класса; эту религию постепенно принимали и православные феодалы, объединившиеся с польско-литовскими феодалами.

Влияние католичества особенно усилилось в Белоруссии и на Украине после Люблинской унии 1569 г.

Иезуиты поспешили занять руководящие посты прежде всего в школьном деле. Ими была основана Виленская иезуитская академия (1578) и иезуитские коллегии в городах Гродно, Вильно, Полоцке, Несвиже, Орше [2], Бресте (начало XVII в.). Виленская академия получила от Стефана Батория право иметь типографию, где печатались книги католического содержания, а также направленные против протестантов и православных. Иезуитские школы превратились в центры римско-католической агрессии. Обучавшиеся в них дети православных и протестантских магнатов и шляхты обычно выходили из коллегий ополяченными и католиками, не только порвавшими связь с белорусской народностью, но и настроенными по отношению к ней враждебно. Благодаря этому классовые противоречия в деревне осложнялись религиозными и национальными противоречиями. Паны становились католиками и поляками. «Простые люди» оста-

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 128—129.

[2] *Савич*, цит. соч., стр. 89—90. Описание дел Архива министерства народного просвещения, т. I, ч. 2, стр. I—XXIX, 1—37.

вались православными и «рускими». Принадлежа к православию, белорусский и украинский народы становились в оппозицию как против господствующей церкви, так и против феодально-крепостнического угнетения.

Церковная уния была лишь тактической разновидностью польско-католической агрессии. При поддержке короля и католиков-феодалов униаты открыто вели борьбу против православных, иногда насильственно обращая в унию отдельных лиц, отнимая православные церкви и причиняя «великие насилия православным деревенским попам» [1]. Феодалы со своей стороны притесняли православных крестьян, если последние относились враждебно к унии. Тем не менее вся политика польско-католической и униатской агрессии потерпела полную неудачу. Белорусский и украинский народы продолжали вести борьбу с помещиками на идеологическом фронте, оставаясь верными своей народности и своему языку. Все попытки униатов и католиков вовлечь в свои религиозные сети народную массу потерпели полную неудачу, хотя униаты пытались открывать школы на родном языке для «простых людей», в том числе и для девочек. Православные магнаты и шляхта, выступая против унии и защищая на сеймах свои права, в сущности, ничего не добились. Король и католические депутаты мало обращали внимания на все эти слезливые и верноподданнические жалобы. Борьба против унии, проводимая в рамках легальности на сеймах, кончалась полным поражением магнатов. Да и сами они стали переходить в католичество. Борьба против феодально-католической реакции принимала иной характер, когда крестьянство и казачество выступали против феодально-крепостнического угнетения [2].

2

Вторая половина XVI и первая половина XVII века польскими исследователями обычно назывались «золотым веком». Польско-Литовское государство к этому времени прочно связалось с западноевропейской торговлей через город Гданск при устье Вислы. Польша и Литва становились основными поставщиками зерна и леса на европейских рынках. В тече-

---

[1] Археологический сборник документов, т. III, Вильно 1867, № 91—101, 102, 75—76.

[2] *П. Жукович*, Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства против церковной укии, Спб. 1901; *В. Беднов*, Православная церковь в Польше и Литве, Екатеринослав 1908.

продукта он не мог найти средств для уплаты чинша — оброка своему помещику (хотя его хозяйство оставалось потребительским, натуральным).

Захватив в 1569 г. Волынь и другие украинские земли, польская шляхта набросилась на черноземные земли, как пчелы на мед. Расхват казенных земель, организация фольварочного хозяйства, волочная померa, уничтожение общины и общее ухудшение материального положения крестьянского населения вместе с ростом феодально-крепостной зависимости были ближайшим последствием предпринимательской сельскохозяйственной деятельности польских феодалов. Аналогичными были явления в организации феодального хозяйства в Западной Белоруссии.

Развитие феодального землевладения изменяло экономическое и юридическое положение сельского населения. Общее количество «вольных людей» сокращалось, так как общинники, жившие на великокняжеских землях, благодаря земельным раздачам и захвату земель общинников со стороны частных владельцев попадали в сферу их влияния и становились экономически и юридически от них зависимыми.

Землевладельцы, располагая иммунитетом в отношении своих земель и их населения, рассматривали население вотчины как зависимое от них и связанное с владельцем феодальными рентами всех видов, а также находившееся под его юрисдикцией. Такие «отчичи» оказывались прикрепленными к земле собственника. Феодальным иммунитетом пользовались и духовные землевладельцы, физические и юридические лица. Земли вместе с отчичами становились предметом купли-продажи, отдавались в заставу и в приданое, по завещаниям, подлежали разделу между совладельцами. Отчичей продавали и покупали без земли. Они были предметом мены с землей и без земли.

Отчичи бежали от своих землевладельцев, спасаясь от крепостной неволи и связанного с ней внеэкономического принуждения и феодальных рент. Землевладельцы забрасывали великокняжескую администрацию исками о беглых, о возвращении незаконно уведших отчичей. Отдельные землевладельцы, в погоне за рабочими руками, насильственно уводили к себе отчичей. Лишившиеся их в свою очередь поднимали иски о возвращении своих «неподхожих людей». Землевладельцы насильственно закрепляли за собой «вольных людей», которые также не желали мириться с потерей своей свободы и через суд старались ее восстановить.

ние второй половины XVI в. вывоз зерновых продуктов и леса непрерывно увеличивался. В 1568 г. было вывезено: ржи 37 646,5 лашта [1], а в 1649 г. — 87 312 лаштов [2]. В этом торговом оживлении была одна отрицательная сторона, которая оставалась вне внимания буржуазной историографии. Рост хлебного вывоза сопровождался усилением нажима внеэкономического принуждения на крестьян, увеличением феодально-крепостнической эксплуатации, соединенной с бесправием крестьян. Богатства паразитов — магнатов и шляхты — основывались на крайней эксплуатации крепостного труда в Западной Украине и в Западной Белоруссии. Паны-землевладельцы, издеваясь над крестьянами, не учли одного обстоятельства — возможности открытой борьбы против феодалов-эксплуататоров со стороны украинского и белорусского народов.

Феодальное хозяйство в Западной Украине и в Западной Белоруссии строилось по одному принципу: лановой, или волочной, системе. Нужда в рабочей силе повлекла за собой исчезновение «челяди невольной» — рабов, получавших земельные участки и, таким образом, сливавшихся с основной группой сельского населения — крепостным крестьянством. Статут 1588 г. уже не знает никаких других источников рабства, кроме плена. В этом отношении феодальное законодательство лишь отметило то, что уже стало реальным фактом в процессе развития производительных сил. Профессор Рутковский должен был отметить рост «панщины» в Галицкой Руси, но он уклонился от оценки социально-экономического ее значения [3]. Вместе с тем в больших имениях крестьяне-чиншевики были обязаны работать на помещиков по вольному найму, разумеется, за плату, устанавливаемую самим помещиком. Эти вынужденные отработки были самым худшим видом феодальной крепостнической эксплуатации. Сокращение земельного надела вплоть до полного обезземеления было одним из последствий ненасытного желания помещиков выжать из крестьян как можно больше нужного им для внешнего рынка прибавочного продукта. Замена натурального оброка денежным втягивала крестьян в товарно-денежные отношения, ставила крестьянина и его хозяйство в зависимость от рынка, так как без продажи своего

---

[1] *Лашт* — мера веса = 45 пуд.

[2] «Gdańsk», praca zbiorowa pod redakcje prof. St. Kutszeby, Lwów — Warszawa — Kraków 1928, str. 147.

[3] *Jan Rutkowski*, Podział dochodów w zupach ruskich za Zygmunta-Augusta. Poznań 1927.

На территории Западной Украины и Западной Белоруссии находилось большое количество поселений городского типа, так называемых «мест», расположенных на основных речных путях сообщения. Население таких «мест» занималось торговлей и ремеслом и частично сельским хозяйством. Наибольшее торгово-промышленное значение имели старые городские центры, как Львов, Вильно, Берестье, Новгородок, Минск, Полоцк, Владимир, Луцк, Кременец. Основные городские центры экономически крепли в связи с развитием внутренней и внешней торговли. Разделение общественного труда, увеличивая емкость внутреннего рынка, содействовало развитию городского ремесла, удовлетворявшего потребности мещан и других общественных классов, живших в городе. Рост оборотов внутренней и внешней торговли усиливал классовую дифференциацию в «местах» и обострял в них классовые противоречия. Рядом с большими городами находилось немало поселений городского типа, имевших местное торгово-промышленное значение, где происходили торги и ярмарки, и население которых продолжало заниматься земледелием. Городские поселения последнего типа получили особенное распространение в восточной части великого княжества, где они территориально входили в состав волости, с которой они были связаны экономическими и податными отношениями.

Основную массу городского населения больших торгово-промышленных центров составляли мелкие торговцы и ремесленники, объединявшиеся в братства в целях взаимопомощи. Впрочем, в таких городах, как Вильно, братские ремесленные организации стали заменяться цехами. В конце XV в. в Вильно «золотых и серебряных дел мастера» были объединены в цехи, перенесенные немецкими ремесленниками из соседней Пруссии.

При наличии пока небольшого количества ремесленников и увеличивавшейся емкости внутреннего рынка в цеховых уставах еще не было тех ограничительных условий, которые мы находим в уставах XVII—XVIII вв., когда городская ремесленная промышленность в связи с экономической политикой шляхетского сословия оказалась в состоянии упадка. В состав отдельного ремесленного цеха входили мастера, подмастерья и ученики. Мастера занимали в цехе ведущее положение. Подмастерья и ученики находились в полной от них зависимости, как экономической, так и юридической. Богатое купечество в отдельных больших городах, окрепшувшее в связи с ростом внутреннего и внеш-

него товарообмена, составляло высшую прослойку городского населения. Купечество принимало деятельное участие на городских и сельских ярмарках, скупало в городе привозимые крестьянством продукты сельскохозяйственной и промысловой деятельности, занималось ростовщичеством. Экономически окрепшее купечество также организовывалось в свои «купеческие братства» — гильдии как для материальной взаимопомощи, так и для борьбы с конкуренцией приезжавших в город купцов, так как купечество каждого города стремилось монопольно держать городскую торговлю в своих руках [1]. Конкурентами мелких торговцев и ремесленников являлись «подданные» духовных и светских феодалов. Они занимались также торговлей и ремеслом, но не платили в пользу города никаких «податков» и не отправляли лежавших на городском населении повинностей. Шляхта и духовенство в городах не входили в состав городского населения.

Города Западной Украины и Западной Белоруссии в отношении организации управления разделялись на две категории: на города непривилегированные и привилегированные. Городские поселения первого типа управлялись господарскими наместниками и по своему экономическому и юридическому положению мало чем отличались от сельского населения. Они уплачивали в «скарб» (казну) великого князя дань, дякло (оброк натурой), чинш, серебщину, давали «стацию» и подводы при проезде господаря, его чиновников и послов, отправляли по «старине» барщину. Положение таких городов в юридическом отношении было непрочно. Великий князь жаловал свои города в частное владение наравне с отдельными категориями сельского населения.

Привилегированные города, как мы уже указывали, пользовались правом управления на основе Магдебургского права. Города с Магдебургским правом освобождались от всяких общеволостных повинностей, освобождались от суда воевод, старост и державцев, получали право брать некоторые доходные городские статьи для удовлетворения городских нужд, имели собственную юрисдикцию, получали право заботиться о городском благоустройстве, о развитии торговли и промышленности. Города были обязаны вносить в господарский скарб определенную денежную сумму, размер которой зависел от экономической значимости того или другого города.

---

[1] Беларускі архіў, т. I, Менск 1926.

Во главе города стоял войт, назначаемый господарем с правом передачи своей должности по наследству, а также и отчуждения в другие руки. Войт вместе с лавниками-присяжными разбирал уголовные дела, за исключением только дел о «гвалте, поджоге, разбое, насилии над женщиной фамилии шляхтича». Обычно эти дела были подсудны господарским «урядникам». На суд войта можно было апеллировать к великому князю. Текущее управление находилось в ведении войта, бурмистров и радцев. Члены такой городской «рады» избирались «поспольством»; количество их было различно в каждом городе. Так, в Вильно количество «радцев» доходило до 24. Радцы из своей среды избирали бурмистров. Рада заведывала полицией, судом по гражданским делам, следила за торговлей, правильностью мер и весов и т. д. На суд рады можно было апеллировать войту. В отдельных городах «лава» и «рада» не были разделены. Членами «лавы» и «рады» обычно были зажиточные представители городского населения, так что власть в городах с Магдебургским правом находилась в распоряжении городской аристократии. Согласно привилеям на Магдебургское право, все население города, в том числе и владельческие подданные, должно было находиться под городской юрисдикцией. На деле этого не было. Подданные «выламывались» из сферы влияния городской юрисдикции и не хотели участвовать совместно с прочим городским населением ни в уплате «податков», ни в отправлении повинностей. Паны, шляхта, духовенство, мещане — земельные собственники — всячески поддерживали своих подданных в их борьбе против городской юрисдикции. Несмотря на Магдебургское право, воеводы, старосты, державцы вмешивались в городские дела. Правда, города подавали жалобу великому князю на разные «кривды» со стороны господарских урядников. Господарские подтвердительные привилеи и специальные «листы» к своим воеводам и другим должностным лицам не имели никакого практического значения. Паны и шляхта наступали на города, отнимая у них земли и выгоны, стесняя торговлю, всячески тем самым подрывая экономику города. Натиск польско-католической агрессии тяжело отражался на положении русских купцов и ремесленников. В этом можно убедиться на примере Львова.

С развитием балтийской торговли во Львове, Перемышле, Саноке, Коросне и других местах возникают значительные немецкие колонии. Особенно значительной была немецкая колония во Львове. Немецкий патрициат вместе с польскими

купцами, при поддержке польской шляхты и католического духовенства, захватил в свои руки управление городом, постепенно отстраняя местных купцов от торговли и ремесла, и стал преследовать православную веру.

Магдебургское право не распространялось на евреев, которые жили в господарских городах на особых условиях. Они сначала оседали в западных городах великого княжества Литовского в XIV в. (в Берестье, Троках, Гродно). Это были эмигранты, пришедшие через Польшу из Германии. Тогда же возникают еврейские общины в Луцке, Владимире, позже в Киеве, составленные из выходцев из Крыма.

Еврейская беднота составляла основную массу колонистов, но среди последних находились и лица, располагавшие известными материальными средствами. Намереваясь использовать еврейские капиталы в интересах великого княжества, Витовт опубликовал специально привилеи евреям по образцу привилея Болеслава Мазовецкого. Сначала такой привилей в 1388 г. был выдан берестейским и трокским евреям, а в следующем году его получили и евреи Гродно [1]. Привилеи Витовта гарантировали евреям личную и имущественную неприкосновенность, свободу отправления религиозного культа, право свободного занятия торговлей и промышленной деятельностью, а также всякого рода ссудными операциями. Евреи уплачивали в господарский скарб налоги наравне с прочим городским населением, но вносили эти налоги отдельно от него.

Еврейские городские общины пользовались самоуправлением. Все споры и тяжбы по гражданским делам разбирались выборной общинной администрацией, но по делам уголовным и искам христиан евреи должны были судиться господарскими урядниками — старостой или его заместителем.

Богатая еврейская прослойка количественно была незначительной в еврейской общине, но тем не менее занимала в ней ведущее положение и фактически управляла общиной. Еврейская беднота находилась в полной зависимости от нее.

В финансово-экономической жизни великого княжества богатые евреи имели большое значение. Они становились откупщиками таможенных доходов, снабжали великого князя и частных землевладельцев кредитами под залог имений, принимали весьма активное участие во внутренней и внешней торговле.

---

[1] *С. Бершадский*, Литовские евреи, Спб. 1883, стр. 68—227.

Купечество было недовольно усилением своих экономических конкурентов. Великий князь и феодалы-землевладельцы стремились освободиться от лежавших на них долговых обязательств. В 1495 г. великий князь Александр изгнал всех евреев из великого княжества. Все недвижимое имущество евреев было конфисковано. Все долговые обязательства потеряли свою силу. Частные долги переводились на великого князя. Бо́льшая часть изгнанников нашла убежище в соседней Польше.

После изгнания евреев великокняжеское правительство очутилось в затруднительном положении. Нужда в кредите оставалась неудовлетворенной. Купечество не располагало достаточными материальными средствами для того, чтобы стать откупщиками великокняжеских таможен. Затруднительное финансово-экономическое положение великого князя Александра заставило его дать разрешение на возвращение евреев обратно в великое княжество в 1503 г. Все конфискованное недвижимое имущество было евреям возвращено. Прежние долговые обязательства сохраняли свою силу, и евреи могли по суду взыскать долги со своих должников. Все еврейские общины были обязаны выставлять во время войны отряд в количестве тысячи всадников. Впоследствии евреям было предоставлено право вносить в скарб определенную денежную сумму вместо отбывания военной повинности. К началу XVI в. количество еврейских общин значительно увеличилось. При Сигизмунде I в 1506 г. был издан привилей, определивший юридическое положение евреев во всем великом княжестве, что, конечно, было необходимым, особенно для зажиточной прослойки [1].

В XVI в. экономически усилившаяся шляхта стремится вырвать из рук евреев аренду великокняжеских таможен и передать их христианским откупщикам. Однако это наступление успеха не имело, так как великий князь предложил шляхтичам взять в аренду откупа за бо́льшую сумму, чем давали евреи.

На Западной Украине и в Западной Белоруссии паны, однако, не вели сами своего хозяйства, а сдавали имения в аренду или под залог — в «заставу», если становились кредиторами евреев. Аренда и застава были выгодным применением капиталов богатых евреев. С арендой и заставой к арендатору переходили все права помещика в отношении арендуемых крестьян.

---

[1] Там же, стр. 385.

3

В то время когда Западная Украина и Западная Белоруссия уже стали районами крупного феодального землевладения и помещичьего крепостного хозяйства, в Восточной Белоруссии и в Восточной Украине феодальное землевладение еще только зарождалось. Крестьянская, волостная и сельская община еще оставалась неприкосновенной. Рост феодально-крепостнического угнетения, соединенного с натиском польско-католической агрессии на белорусский и украинский народы, неизбежно вовлекал крестьянство в борьбу против панской Польши.

Крестьянство из Западной Украины, спасаясь от феодальной эксплуатации, устремлялось на правый берег Днепра и далее, уходя также и на левый берег Днепра. Помещики были охвачены тревогой. Бегство крестьян уменьшало численность находившейся в их распоряжении рабочей силы, тем более что оно принимало массовый характер. Крестьяне убегали не в одиночку, а с женами и детьми [1]. М. В. Владимирский-Буданов, издав документы о заселении Левобережья, отчетливо показал, что оно было заселено украинскими беглыми [2].

Пассивная оппозиция неизбежно перерастала в активную. Крестьянство захватывало панскую землю и засевало ее для удовлетворения своих нужд — «поорали ее и своим ячменем потрусили» [3]. Эти действия причиняли большие убытки — «страты» — помещикам. В отдельных случаях крестьяне производили нападения на усадьбу землевладельца [4]. В связи с бегством крестьян от помещиков в Белоруссии и на Украине начало формироваться казачество, передовой отряд крестьянства, не желавший мириться с крепостным правом. Казаки считали себя свободными людьми, и никакие принудительные меры не могли их заставить вернуться под власть пана-крепостника. Вместе с образованием украинского и белорусского казачества возникла и Запорожская Сечь — приют всех ненавидевших панскую Польшу и Литву и весь социально-экономический строй, побуждавший крестьян оставлять свою родину, бросать свое хозяйство и искать свободы на стороне.

---

[1] Акты Виленской археографической комиссии, Вильно 1890, т. XVII, стр. 418—419; Вильно 1899, т. XXVI, стр. 15, 74, 82—83.
[2] Архив Юго-Западной России, т. I и II, ч. 7.
[3] Акты Виленской археографической комиссии, т. XVII, стр. 305.
[4] Там же, т. XXXVI, Вильно 1912, стр. 41—45.

Запорожье становилось центром организации противопанских и противопольских движений. В Запорожье бежало не только белорусское и украинское крепостное крестьянство, но были беглецы из Московского государства, с Дона, из Молдавии и Валахии. Находила приют и еврейская беднота.

Крестьянско-казацкое движение на Украине против панской Польши встречало живейший отклик в Белоруссии. Белорусский народ приходил на помощь украинскому народу и вынуждал панское литовско-польское правительство распылять свои силы в борьбе против белорусских и украинских крестьян и казаков, которые жгли помещичьи имения и освобождали «мужиков от крепостного права». Крестьянско-казацкое движение началось на Волыни в конце XVI в.

Выступление казаков под руководством Наливайко в 1594—1596 г. и появление их в 1595 г. в Белоруссии подняли белорусское крестьянство. Восстание охватило Западную и Восточную Белоруссию. Города Могилев, Быхов, Рогачев, Пинск были взяты белорусским и украинским казачеством. Пан Сапега в своем письме к князю Радзивиллу писал: «Холопы, наши подданные наезжают, все уничтожают, воюют, пануют над нами, а нам паче руки завязаны — не только не можем оплатить им, но даже оборонитися от них. Треба это своевольство выкоренить!»

Восстание Наливайко было подавлено, но в 1602 г. отряд казаков во главе с Дубиной вновь громил под Витебском панские имения. В 1603 г. действовал гетман Иван Куцко, а потом Иван Косый (в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Кричева, Чечерска, Гомеля и Любеча). В течение первого десятилетия XVI в. противопанское движение не прекращалось. В первой четверти XVII века в связи с проведением новой землеустроительной политики в Бобруйском старостве происходили крестьянские «бунты». Крестьяне «не позволяли великокняжеским чиновникам производить измерение своих земель» [1]. Вместе с тем увеличилось бегство крестьян. Оно приняло в Западной Белоруссии такой массовый характер, что польско-литовский сейм был вынужден издать в 1611 г. специальную конституцию, запрещавшую помещикам принимать к себе беглых крестьян [2].

---

[1] Акты Виленской археографической комиссии, т. XXV, Вильно 1911; *W. Pić eta*, Die Agrarreformen in den östlichen Bezirke des Litauisch-Weissrussischen Staates in der zweiten Hälfte des 16. und zum Beginn des Jahrhunderts (Aus historischen Wissenschaft der Soviet-Union, Berlin 1929, S. 153—189.

[2] Volumina legum, t. III, str. 24—25.

Вторая половина XVI в. для Восточной Белоруссии— время становления и укрепления феодальных отношений и крепостного права. Помещики, нуждаясь в рабочих руках, охотно принимали беглых из Западной Белоруссии, заманивая их к себе предоставлением им льгот в отбывании феодальных повинностей. Крестьянство временно шло навстречу панской приманке и массами уходило из того района, где крепостническая эксплуатация становилась невыносимой. Помещики захватывали крестьянские общины. Рост крепостнических отношений на Украине и Белоруссии, естественно, вызывал со стороны закрепощенного населения активный протест. Крестьянско-казацкие восстания на Украине в первой половине XVII в. становились постоянным явлением. Так, с окончанием польско-литовской интервенции против русского народа в первой четверти XVII в. и польско-турецкой войны 20-х годов XVII в. польское панство приступило на основе Куруковских статей 1625 г. к составлению нового реестра казаков, а остальные казаки, не попавшие в реестр, так называемые «выписчики», должны были вернуться к своим панам или к королевским старостам и вновь приступить к отбыванию феодальных повинностей.

Ответом на это со стороны крестьян и казаков была новая полоса восстаний, связанных с именами Тараса Федоровича (1630) Сулимы (1635), Павлюка (1637) и Остряницы (1638). Эти восстания были только прелюдией к великой крестьянской войне на Украине и Белоруссии в 1648—1654 гг. Последнее большое казацко-крестьянское движение 1638 г. было разгромлено. Реестровое казачество было лишено выборного строя. Польские паны во главе с гетманом Н. Потоцким начали проводить «пацификацию» — умиротворение—Украины самым зверским образом. Новая крестьянская война была исторически неизбежна. Она началась весной 1648 г. и возглавлялась Богданом Хмельницким.

В этой великой освободительной борьбе украинского народа Западная Украина и Западная Белоруссия принимали самое деятельное участие. При наступлении Хмельницкого на Польшу поднялось крестьянство на Волыни. Партизанские отряды действовали во всех частях Волыни. Стоило только Хмельницкому показаться под Львовом, как поднялось галицкое крестьянство. То же происходило, когда Хмельницкий осадил Замостье. Волынские города — Дубно, Луцк и др. — были взяты партизанскими отрядами крестьян. Но по Зборовскому договору 1649 г. Западная Украина отошла под власть польских панов.

В 1648 г. в Белоруссию вступил отряд украинских казаков под предводительством Головацкого. Партизанские отряды организовались по всей Белоруссии. В Юго-Западной Белоруссии действовали отряды Небабы, Непалича, Хвеська, Михненка, Кривошапки и Гаркуши. В Западной Белоруссии также восстали крестьяне.

Восстание белорусского крестьянства было подавлено к 1651 г. Дико расправлялись паны с восставшими: тысячи трупов мещан и крестьян, сожженные села свидетельствовали о панской расправе. Стародубский подстароста жаловался в Москву в 1648 г.: «Холопы наши кабальные... ные разбегшыся розна за рубеж, в землю его царского величества Трубчевскую, порозпь со всеми теми животами утекают и там в земле его царского величества хоронятся»[1]. Вот где белорусское крестьянство искало помощи и надеялось получить для себя желанную свободу.

Отвлекая литовские воепные силы от помощи полякам, белорусский народ оказал незаменимую услугу украинскому народу и помог ему разгромить польское войско[2]. В связи с воссоединением украинского народа с братским русским народом на основе акта 8 января 1654 г. на раде в городе Переяславе между Москвой и Речью Посполитой началась война из-за Украины. Поляки, разумеется, не хотели отказаться от Украины — источника обогащения шляхты. Они начали войну с Московским государством в полной уверенности, что Москва будет разгромлена и Украина останется за Польшей. Действительность показала иное.

В течение сравнительно небольшого промежутка времени московские войска заняли Смоленск, Витебск, Полоцк, Минск, Гродно, Вильно. Вся Белоруссия была освобождена от польского панства. Ксендзы и помещики бежали.

Белорусские крестьяне и мещане радостно встречали московское войско и всячески ему помогали. Они смотрели на него, как на своего освободителя от ига панов. Поляки с тревогой сообщали в своих письмах: «Здешние города угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское»[3].

---

[1] *И. Лочмель*, Борьба белорусского народа против ига польских панов (отдельный оттиск).

[2] *Проф. М. Н. Петровський*. Нариси з історії України, в. IV, Київ, 1940 (новейший очерк освободительной борьбы украинского народа).

[3] «Витебская старина», Витебск 1885, т. IV, ч. 2, стр. 356.

Другой корреспондент в письме из Вильно от 8 августа 1654 г. писал: «Мужики молят бога, чтобы пришла Москва» [1]. В письме из Вильно от 16 августа 1654 г. сообщалось: «Неприятель этот здесь, в этих краях, берет большой перевес. Куда бы ни пришел он, везде собираются к нему мужики, и уже много уездов, где собиралось наиболее податей, обращено в ничто» [2]. Переход «мужиков» на сторону Москвы, по словам современника, делал полякам больше вреда, чем само московское войско.

Поддержка белорусским народом московского войска обеспечивала ему победу над польскими панами. С приходом его населению всей Белоруссии стало легче дышать. Прекратились религиозные преследования. Белорусский народ вновь воссоединился с братским русским народом, родным ему по крови. Недаром он называл себя «руским».

Так белорусский, украинский и русский народы действовали вместе против общего врага — панской Польши.

Но Москве не удалось удержать за собой Белоруссию. Длительная война истощила материальные возможности царской власти. Поляки из боязни продолжения войны и дальнейшего своего истощения также спешили заключить мир. В 1667 г. в селе Андрусове после длительных переговоров было заключено перемирие. Смоленск и Черниговско-Северская земля, захваченные поляками во время интервенции начала XVII в., были возвращены Москве. За Россией осталась Левобережная Украина. Война кончилась. Польша лишилась части богатейших украинских земель. Производительные силы Польши были подорваны. Международное значение ее упало. Польша превращалась во второстепенное государство, с которым мало кто считался.

Так расплатились польские паны за жестокую феодально-крепостническую эксплуатацию, за национальное угнетение, за преследование религиозных верований белорусского и украинского народов. Украинский народ прочно спаял себя с братским русским народом, и никакие измены казацкой старшины в лице гетманов Ив. Выговского, Ю. Хмельницкого, Брюховецкого, Ив. Мазепы не могли разорвать их. Ни польские паны, ни казацко-старшинские предатели не учли того, что отрыв украинского народа от русского невозможен.

---

[1] «Витебская старина», Витебск 1885, т. IV, ч. 2, стр. 357.
[2] Там же, стр. 361.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА И ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ НАКАНУНЕ РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1

Война с Польшей происходила на территории Белоруссии. Обе стороны добывали силой от населения необходимое для армии продовольствие и разоряли его. Война окончилась, но Белоруссия была истощена экономически. Сельское хозяйство упало, торговля прекратилась, так как не было продуктов для вывоза за границу. Сельское крепостное население находилось в крайне бедственном положении. Последнее еще ухудшалось от того, что белорусские паны, принявшиеся за восстановление своего хозяйства, увеличивали размеры барщины и оброка, и без того непосильные для крепостного населения. Стремясь как можно больше получать нужного для них сельскохозяйственного продукта, белорусские помещики сокращали крестьянский надел и, подрывая хозяйственную мощь крестьянского двора, тем самым разрушали ту экономическую основу, на которой зиждилось фольварочное хозяйство. Крестьянское население, не вынося увеличения гнета и эксплуатации, продолжало спасаться бегством.

Помещик старался удержать крестьян в своем имении. Хозяйственная восстановительная деятельность белорусских помещиков дала известные результаты, но ценой разорения и обеднения крепостного крестьянства. Со второй половины XVII в. помещичье хозяйство должно было изменить общий характер своего производства. Если оно во второй половине XVI и в первой половине XVII в. переживало время своего расцвета, что было связано с благоприятно сложившейся для него конъюнктурой на западноевропейском рынке, то, начиная со второй половины XVII в., ем-

кость заграничного рынка, главного потребителя сельскохозяйственных продуктов, сократилась. В Западной Европе начало восстанавливаться собственное сельское хозяйство, продукция которого удовлетворяла местные потребности и тем самым сокращала приток иностранного хлеба.

Чистая сельскохозяйственная культура стала для помещика убыточной. Все его внимание начало сосредоточиваться на винокурении, которое становилось основным источником помещичьего дохода.

Восстанавливая свое хозяйство, помещик хотел иметь в своем распоряжении как можно больше сельскохозяйственного сырья. Это достигалось не посредством вложения в землю капитала и интенсификации фольварочного хозяйства, что в условиях крепостного права было невозможно, а благодаря сокращению крестьянских наделов и даже полному обезземеленню крестьян.

Помещик расширял свою запашку, что, естественно, влекло за собой общее увеличение отработочной ренты.

В Белоруссии, в условиях существования крепостного права, происходил процесс обезземеления крестьянства.

Помещик был заинтересован не столько в ведении самого хозяйства, сколько в получении определенной денежной ренты, необходимой ему для покупки товаров иностранного происхождения, без которых уже не мог обходиться даже мелкоземельный шляхтич. Белорусский землевладелец стал находить для себя более выгодным сдавать землю в аренду, за которую он получал определенную денежную сумму.

Подобная аренда ставила крепостное крестьянство в очень тяжелые условия. Арендатор, располагая всеми правами вотчинника над крепостными крестьянами, стремился извлечь из арендуемого им имения возможно больше дохода, что, конечно, только увеличивало феодальную эксплуатацию крестьянства.

Денежная аренда в конце XVII в. — явление сравнительно мало распространенное, но в первой половине XVIII в. — это обычный прием для получения доходов от земли и крепостного крестьянства.

Общее разорение крестьянства, распад больших крестьянских семейств, бегство крестьян, увеличение количества малоземельных и безземельных были естественным результатом этой новой восстановительной хозяйственной политики; во многих имениях было немало оставленных хозяйств, что в свою очередь отражалось на экономическом положении оставшихся крестьян.

А в городах плебейская масса, численно увеличивавшаяся, также находилась в бедственном положении. Почти все города оказались разоренными экономически. Возвращение под власть Польско-Литовского государства и подтверждение королями городских привилегий на Магдебургское право мало принесли пользы для экономического возрождения городов и не содействовали улучшению материального положения беднейшего городского населения, мелких торговцев и ремесленников.

Крупные и мелкие паны, королевская администрация мало считались с наличным городским правом и очень часто нарушали городские права и преимущества. Ограниченная до крайности емкость внутреннего рынка и распространение внецехового ремесла обрекали на полуголодное существование ремесленника. Он юридически и экономически зависел от своих мастеров и магистрата, обычно находившегося в полном распоряжении верхушечных слоев городского населения.

Во время крестьянских движений и московско-польской войны средняя и мелкая шляхта в значительной своей части разорилась и была не в силах восстановить свое хозяйство, так как осталась без рабочих рук. Земля переходила в руки крупных землевладельцев; обезземеленная шляхта очутилась на панских задворках, жила прихлебателями в панских имениях и, вмешиваясь в городское самоуправление, нарушала городские права и преимущества; она отнимала у городов земли и выгоны и, совершая грабежи и насилия, бесприкословно выполняла любое поручение своего пана. С упадком шляхты вновь окрепло политическое значение феодальной знати, забравшей в свои руки земли обезземеленной шляхты.

В борьбе против крепостников и шляхетского государства восставшие крестьяне громили католические церкви и монастыри, владевшие землями и крепостными, бывшие центрами всей шляхетско-католической агрессии против крестьянства. Паны и католическая церковь были преисполнены жестокой ненависти к белорусскому крестьянству, отличавшемуся от них языком, народной принадлежностью и верой. Уничтожение этих отличий, денационализация белорусского крестьянина, отрыв его от родной веры и обращение его в католицизм составляли сущность той политической программы, которую намеревались проводить в жизнь богатые землевладельцы и тесно связанная с ними католическая церковь. Средняя и мелкая шляхта была охвачена гневом и ненавистью

против крестьянства, считая его виновным в своем разорении.

Так против белорусского крепостного крестьянина и городской плебейской массы объединялись землевладельцы всех рангов, католическая церковь и обезземеленная шляхта — это основное их орудие осуществления колониальной денационализаторской крепостнической политики.

2

Белорусско-литовские магнаты заняли по отношению к Люблинской унии 1569 г. враждебную позицию и с большим упорством добивались изменения условий унии 1569 г. Такая непримиримая политическая позиция литовско-белорусских магнатов не дала им желательных результатов. Магнаты в своей сепаратистской политике обанкротились.

Под влиянием казацко-крестьянских движений наметилось сближение польских и литовских магнатов в целях защиты феодальной собственности от восставших казаков и крестьян.

Польские и литовские землевладельцы под руководством своих магнатов образовали единый фронт против казачества и восставшего крепостного крестьянства. Литовский гетман Радзивилл возглавлял фронт литовских и белорусских крепостников в их борьбе против поднявшихся угнетенных масс. Достаточно полонизованные магнаты, отделенные крепостной стеной от белорусского народа, уже не отстаивали неприкосновенность «руского» языка в судебном делопроизводстве и в своем законодательстве. Паны стали чуждаться языка хлопов, говорить на котором было для них стыдно, и старались блистать знанием польского языка, который становился для них таким же господствующим языком, каким был во второй половине XVIII в. французский.

Текст Литовского статута третьей редакции, напечатанный «рускими литерами», постепенно выходит из употребления. В суде начали пользоваться польским текстом. С конца XVII в. польский язык окончательно вытеснил из делопроизводства и суда «руский», как не отвечавший классовой идеологии землевладельческих кругов [1].

Землевладельческая знать не признавала никаких законов, даже принятых при ее участии на сеймах. Магнаты

---

[1] Volumina legum, t. VI.

превратились в маленьких королей («королевята»), для которых единственным законом была их воля. Белоруссия была охвачена феодальной анархией, от которой в первую очередь страдали крепостные крестьяне. Корольки-магнаты, а за ними и прочие землевладельцы занимались набегами и грабежами.

Такие феодальные наезды вкопец разоряли крепостных крестьян, и без того влачивших жалкое, полуголодное существование; они часто лишались и того ничтожного имущества, которым владели. Паны, издеваясь над крестьянами и доводя их до разорения, подтачивали тем самым основу своего господства — крепостное хозяйство. Крепостной крестьянин проникался жестокой классовой ненавистью как к землевладельцу, так и к арендатору.

Последний выколачивал с подведомственных ему крестьян арендную плату, конечно, не забывая о своих собственных интересах, накапливая себе средства за счет внеэкономического принуждения.

К услугам панов была католическая церковь во главе с иезуитами, а также униатская церковная высшая иерархия, которая тянулась за богатыми католическими епископами и всячески старалась показать свою привязанность к польско-католической шляхетской культуре. Католическая церковь, пострадавшая во время казацко-крестьянских восстаний и несколько притихшая, вновь встала на путь агрессии в отношении белорусского «хлопа».

Католическая церковь стала возбуждать процессы о чародеях, ведьмах, прибегая к всевозможным схоластическим умозаключениям. Католическая церковь вместе с иезуитами отправила на костер немало лиц обоего пола [1]. Кое-кто избегал жестокой казни, находя спасение в бегстве на Украину. В XVIII в. сожжение на кострах приобрело всеобщее распространение. Не отставало от других городов и Вильно Прибегая к сожжению на кострах «чародеев и ведьм», католическая церковь стремилась запугать крепостной народ и плебейскую городскую массу и заставить спокойно, без всякого протеста переносить все издевательства над собой со стороны класса землевладельцев.

Шляхетское правительство внимательно следило за тем, чтобы православное духовенство не поддерживало никаких культурных связей с Россией вообще и с Украиной в частности.

---

[1] Археографический сборник, т. III, № 47, 54, 60.

Паны, поддерживая католическое духовенство, относились к православным попам с таким же презрением, как к своим крепостным. К тому же обычно сельские священники назначались из тех же крепостных.

Шляхетское наступление на белорусско-украинскую народность в Польско-Литовском государстве было тесным образом связано с изменившейся внешней политической обстановкой. Московско-польская война была окончена и было заключено перемирие. Московское правительство вынуждено было сосредоточить свое внимание на взаимоотношении с Турцией и выступало как союзник Речи Посполитой.

Внимание московского правительства было сосредоточено на собственных внутренних делах и на обострившихся казацко-старшинских и московских отношениях. Внимание Москвы было отвлечено от дел Речи Посполитой. Вопрос о «воссоединении» древних русских земель, находившихся под властью Речи Посполитой, временно перестал быть вопросом текущей политики московского правительства. Вся эта новая политическая обстановка была учтена шляхетско-католическим правительством, перешедшим в наступление против православных свобод и совести, которые были подтверждены рядом сеймовых постановлений первой половины XVII в.: 1617, 1620, 1623, 1627, 1631, 1633, 1635, 1647 гг. [1]

В 1667 г. сейм опубликовал конституцию, подтвержденную на сейме 1677 г., согласно которой униатское духовенство освобождалось от «постоя, выдачи прав и актов, добавочных квартирных взносов, дневок, подвод и всех вообще военных тягостей и взысканий».

Закон отвечал интересам шляхтичей, которые всегда могли освободиться теперь от постоя и других повинностей, возложив тяжесть последних на православное духовенство.

В 1676 г. были уничтожены православные братства [2], бывшие опорой мещанства против агрессивности католицизма и шляхты. На сейме 1669 г. было запрещено неуниатам занимать выборные должности в городах, от которых православные мещане навсегда отстранялись. Это, конечно, был большой удар по верхушечным слоям православного белорусского мещанства, которое теперь отстранялось от участия в городском самоуправлении. Наступление польских панов и шляхты было временно приостановлено в начале

---

[1] Volumina legum, t. III, str. 157, 184, 217, 263, 320, 345; t. IV, str. 52.

[2] Ibid., t. IV, str. 474; t. V, str. 306.

XVIII в., так как участие Польско-Литовского государства в союзе с Петром I в борьбе против шведов временно заставило польско-литовское правительство воздержаться от принятия дальнейших агрессивных мероприятий в целях денационализации белорусского народа.

3

Народное хозяйство в Польско-Литовском государстве и в частности в Белоруссии в первой половине XVIII в. переживало глубокий кризис. Для сельского хозяйства сложилась очень неблагоприятная сельскохозяйственная конъюнктура вследствие общего сокращения вывоза за границу сельскохозяйственной продукции.

Внутренний же рынок в условиях крепостного хозяйства и общего упадка городов имел ничтожное значение. Сами мещане во многих городах вернулись к сельскому хозяйству как дополнительному занятию к их сократившейся торговой и ремесленной деятельности.

Значительная часть сельскохозяйственной продукции предназначалась для винокурения. Фольварочное хозяйство продолжало падать. Помещик (или арендатор) не был заинтересован в расширении своей запашки, поскольку он получал необходимое для винокурения количество хлеба с крестьянского хозяйства в виде дополнительных сборов.

Более значительная по размерам барская запашка была распространена в Западной Белоруссии, так как она была территориально расположена на путях к Балтийскому морю. В Восточной же Белоруссии фольварочное хозяйство находилось в упадочном состоянии. Обычно помещики (или арендаторы) широко практиковали сдачу земель в аренду безземельным шляхтичам или более зажиточным крестьянам. Аренда, как правило, была денежной.

Помещики или их арендаторы получали свой основной доход от винокурения. Владельцы имений или их арендаторы открывали корчмы на территории своих владений и заставляли зависимое от них население покупать выкуриваемое ими вино. Корчмы также сдавались в аренду. Эксплуатация в отдельных имениях мельниц, пивоварен, солодовен, сыроварен давала их владельцам добавочный доход к основному от винокурения. Помещики и арендаторы спаивали своих крестьян; арендаторы прибегали ко всякого рода ухищрениям, чтобы получить возможно больше дохода

от эксплуатации корчмы, за что расплачивался крепостной крестьянин.

Условия жизни крепостного крестьянина становились невыносимыми.

Крепостной крестьянин или убегал от своих эксплуататоров или становился на путь активной борьбы против своего классового врага.

Шляхта, продолжая проводить свою классовую политику, подрывала экономические основы городского хозяйства и довела города до состояния крайнего упадка. Шляхта, привыкшая к употреблению заграничных промышленных изделий, почти не покупала продуктов городского ремесла. Городские ремесленники должны были довольствоваться небольшим по объему внутренним, собственно городским, рынком, и при наличной экономической конъюнктуре не было никаких перспектив для развития городского ремесла. Кроме этого, конкуренция со стороны «партачей», нецеховых ремесленников — евреев и крестьян, — также подрывала цеховую промышленность в городах, а всякого рода ограничительные мероприятия со стороны заинтересованных цехов и магистрата не достигали никаких результатов. Естественно, что общее количество городских ремесленников сокращалось.

Шляхта мало считалась с городскими правами, неоднократно подтверждаемыми королевской властью. Свободная от уплаты всяких ввозных и вывозных пошлин, шляхта захватывала в свои руки внутренний рынок и внешнюю торговлю. Часть верхушечного мещанства превратилась в панских торговых приказчиков и посредников. Отдельные представители верхушечного слоя мещанства становились арендаторами панских имений. Всеми своими действиями шляхта привела к резкому сокращению оборотов городской торговли, что еще более ухудшило экономическое положение городской плебейской массы.

Балтийская торговля сохраняла свое первенствующее значение, но общий хлебный вывоз сократился, так как помимо неблагоприятно сложившейся европейской экономической конъюнктуры народное хозяйство в Белоруссии в связи с Северной войной и разорением страны находилось в состоянии крайнего упадка. Торговый баланс складывался для Польско-Литовского государства неблагоприятно, так как спрос со стороны шляхты на иностранную промышленную продукцию нисколько не сократился. Деньги уходили из страны, и в них постоянно ощущался недостаток. Самая

монета выпускалась пониженного качества, и это, конечно, запутывало все хозяйственные расчеты Цены на продукты были крайне неустойчивыми, что больше всего отражалось на крепостном крестьянстве, вынужденном вывозить на рынок свою сельскохозяйственную продукцию с целью приобретения денежных средств для расчетов со своим помещиком или арендатором.

Во второй половине XVIII в. в народном хозяйстве Польско-Литовского государства происходит известное оживление. Общая экономическая конъюнктура стала более благоприятной. В связи с промышленным переворотом в Англии оживился сельскохозяйственный экспорт.

Спрос на белорусско-литовский лес со стороны европейских морских держав также вырос. Помещичье крепостное хозяйство стало приспособляться к потребностям внешнего рынка, но всякая интенсификация помещичьего хозяйства упиралась в крепостное право. Крепостной труд становился явно невыгодным. Разоренное крестьянское хозяйство уже не могло обслуживать необходимой рабочей силой фольварочное хозяйство, поскольку оно не располагало достаточным живым инвентарем. Отсутствие у шляхты свободных денежных средств не давало ей возможности приступить к реорганизации своего крепостного хозяйства. Широкие шляхетские массы крепко держались за крепостное право, видя в нем источник своего материального благосостояния. Отсюда — еще больший нажим внеэкономического принуждения, еще большее ухудшение положения крепостного крестьянства. Широкое потребление товаров иностранного происхождения, при неблагоприятном торговом балансе, было тормозом для развития производительных сил Польско-Литовского государства вообще и Белоруссии в частности.

Отдельные землевладельцы, пытаясь приспособить свое крепостное хозяйство к развивавшимся товарным отношениям, переводили своих крестьян на чинш, а сами вели хозяйство с помощью вольнонаемной силы; эта рабочая сила вербовалась из чиншевиков, вынужденных итти на работу к своему же помещику из-за отсутствия денег для уплаты чинша. Организуя так свое хозяйство, помещики приобретали в лице чиншевиков дешевую рабочую силу. Но даже на такие выгодные для помещика эксперименты решались только отдельные лица, располагавшие свободной денежной наличностью для покупки необходимого сельскохозяйственного инвентаря.

Общее экономическое положение Польско-Литовского государства побудило шляхетское правительство встать на путь покровительственной политики в целях развития собственной промышленности. В 1764 г. была отменена свобода шляхты от пошлин [1]. Правда, сейм 1766 г. ее восстановил, но в 1775 г. все же она была отменена [2], в результате чего Польско-Литовское государство получило благоприятный торговый баланс — в 1776 г. в размере 26,5 млн. злотых, а в 1777 г. — 17,6 млн. злотых [3]. Правительство и частные лица приступили к организации промышленности. В Гродненском повете (уезде) были организованы мануфактуры литовским подскарбием Тизенгаузеном; он пригласил на работу иностранных мастеров, которые применяли местную крепостную силу, бывшую гораздо дешевле иностранной рабочей силы.

На работу привлекались и малолетние, обычно из числа детей экономических крестьян. Они не получали никакой заработной платы и подвергались самым жестоким побоям и другим наказаниям за всякую даже небольшую провинность. Тизенгаузен устраивал мельницы — водяные и ветряные, маслобойни, солодовни, пивоваренные заводы, поташные, разные мануфактуры [4]: 1) золотую, 2) меловую, 3) суконную, 4) полотняную, 5) камлотную, 6) чулочную, 7) льняную, 8) кружевную, 9) шляпную, 10) чугунную, 11) карточную, 12) булавок и иголок, 13) оружейную, 14) напильников, 15) стальных орудий, 16) изделия из железной меди, 17) белильного воска, 18) кожевенный завод, 19) красильный, 20) суконную в Бресте, 21) железоделательный завод в Бресте, 22) полотняную в Шавлях [5].

Эти казенные крепостные мануфактуры в большинстве были основаны с целью удовлетворить потребности шляхты. В конце концов они были закрыты, так как не было средств для их содержания, и рынок для их сбыта был незначительным.

В 1757 г. князь Михаил Радзивилл основал в городе Слуцке фабрику поясов (также удовлетворявшую потребности шляхты) для замены поясов, привозимых из Персии и

---

[1] Volumina legum, t. VIII, str. 95—96.

[2] Ibid., str. 113.

[3] *Kubala*, Handel i przemysł za Stanisława-Augusta, Kraków 1872, str. 29.

[4] *И. Гибянский*, Граф Антоний Тизенгаузен и гродненские королевские мануфактуры, стр. 18.

[5] *T. Korzon*, Wewnetrzne Dzieje za Stanisława-Augusta, t. II, str. 257—259.

Турции. Фабрика работала на вольнонаемном труде. Местные крестьяне и мещане составляли основную рабочую силу. Фабрика была сдана в аренду за 10 тыс. злотых в год. В 1792 г. она прекратила свое существование. В 1790 г. Хрептович в своем имении Вишневе устроил первую доменную печь в Белоруссии, но через четыре года, в связи с военными действиями, она перестала функционировать [1]. Все эти промышленные барские эксперименты не дали никаких положительных результатов. Не имея широкого рынка, вырабатывая в основном предметы роскоши, они, естественно, были обречены на умирание.

4

Экономическое и политическое усиление магнатов в Литве и Белоруссии — характерное явление для второй половины XVII и первой половины XVIII в.

Магнаты сосредоточили в своих руках громадный земельный фонд. В их владении находились наиболее доходные королевские староства. Они получали со своих земель громадные доходы, позволявшие им жить широко за счет эксплуатируемого крестьянства. Магнаты расширяли свой земельный фонд за счет владений средней и мелкой шляхты. Занятые округлением границ своих имений, магнаты часто силой отнимали находившиеся по соседству имения и выгоняли из них владельцев.

Католическая церковь была также крупным землевладельцем, но и у нее магнаты сумели захватить некоторую часть земельного фонда.

Иезуиты сконцентрировали у себя большую земельную собственность. Земельные же владения православных церквей и монастырей значительно уменьшались, так как магнаты и униатская верхушечная прослойка присвоили себе отдельные имения.

Все феодалы, духовные и светские, были охвачены жаждой грабежа. Вся эта феодальная политика произвола и насилия в первую очередь отразилась на крепостном крестьянстве, которое составляло большинство населения, причем крестьяне светских землевладельцев составляли наибольшую по своей численности группу в крепостном крестьянстве вообще. Положение крепостного крестьянства с момента проведения аграрных мероприятий второй половины XVI и

---

[1] *T. Korzon*, op. cit., t. II, str. 265.

начала XVII в. постоянно ухудшалось. Уже с введением «волочной померы» сократился находившийся во владении господарского крестьянства земельный фонд, и сельская община была уничтожена.

Помещик и великокняжеские старосты значительно сократили крестьянский земельный фонд, стремясь организовать фольварочное хозяйство, для развития которого создалась на внешнем рынке благоприятная экономическая конъюнктура. Паны богатели за счет роста феодальной отработочной ренты и сокращения крестьянского надела.

Помещики и в дальнейшем продолжали грабить крестьянство и увеличивали крестьянские повинности, доводя крестьян до нищенского состояния. Развитие товарно-денежных отношений еще больше подтачивало крепостное хозяйство, поскольку крепостной труд был малопроизводителен, а крестьянское хозяйство становилось слабым. Количественно увеличивалась беднейшая, малоземельная и не имевшая рабочего скота и совсем безземельная крестьянская прослойка. Положение ее было очень тяжелым, так как работу трудно было найти в городах, находившихся в состоянии хозяйственного упадка и не нуждавшихся в добавочной чернорабочей силе.

В состав феодальной вотчины входили «места» (города), местечки, населенные села, займища, леса, реки, сенокосные и другие угодья, составлявшие основные доходные статьи феодала-пана. Но значение этих доходных статей в бюджете панской вотчины было неодинаково.

Опубликованные [1] хозяйственные инвентари позволяют составить ясное представление не только о панском хозяйстве.

Общая тенденция увеличения крестьянских повинностей, с одной стороны, и сокращение земельного надела — с другой, характерны для организации фольварочного хозяйства, несмотря на то, что крепостное хозяйство с половины XVII в, находилось в состоянии застойного кризиса. Это было вызвано особыми причинами. С одной стороны, уменьшилось сельское население: в панских имениях часть крестьянских волок обычно пустовала, а наличные крестьяне расплачивались за ушедших общим увеличением своих повинностей. В связи с упадком зернового фольварочного хозяйства паны занимались эксплуатацией лесных и других угодий, гнали

---

[1] Акты Виленской археографической комиссии, Вильно 1912 и 1914, т. XXXV и XXXVIII.

деготь и смолу, для чего требовалась значительная рабочая сила.

На своих мельницах, пивоварнях, солодовнях, кирпичных заводах и других доходных предприятиях паны использовали крепостной труд.

Крепостное крестьянство по характеру феодальной ренты делилось на две основные категории: «барщинное» («пригонное», «тяглое») и оброчное («чиншевики», «купничники»). Крестьяне барщинные составляли основную массу крепостного крестьянства. Степень напряжения барщины была доведена до крайности.

Барщинная работа составлялась из совокупности всего того количества рабочего времени, которое крепостной крестьянин отдавал своему пану. В одних имениях количество дней работы на панщине в неделю было одно и то же в течение года. В других имениях количество барщинных дней в неделю весной и летом было больше, чем зимой. Такой тип барщины мешал крестьянину поддерживать свое хозяйство. Продолжительность панщины: летом от восхода до захода солнца, а зимой она начиналась задолго до восхода солнца.

В Западной Белоруссии шестидневная панщина в неделю— обычное явление. Панщинные дни делились на «мужские» и «женские»; обычно количество тех и других было одинаково. Таким образом, к половине XVIII в. панщина по сравнению с половиной XVI в. стала вдвое тяжелее. На панщине крестьяне отбывали всю текущую работу на панском дворе со своим живым и мертвым инвентарем. Кроме панщины, каждая крестьянская семья выходила на дополнительные работы (згоны, гвалты, толоки, шарварки). Выход на такие работы был обязателен для всех членов семьи: в хате можно было оставить только одно лицо для охраны имущества на случай пожара. Такие добавочные обязательные панщинные дни доходили в отдельных имениях до 15 в году. При работе на барщине, как общее правило, применялась «урочная» система. Невыполнившие «урок» должны были его отработать в другие дни, свободные от панщинной работы. Если летом на панщине крепостные крестьяне выполняли разные полевые работы, то осенью молотили урожай. Все домохозяева, не исключая и женщин, были обязаны отправлять «сторожу» либо ночью, либо в течение всего дня для охраны панского имущества. На крепостных лежала «подводная повинность». Она в отдельных имениях входила в состав панщины, но обычно имела самостоятельное значение. Иногда крепостной мог откупиться от подводной

начала XVII в. постоянно ухудшалось. Уже с введением «волочной померы» сократился находившийся во владении господарского крестьянства земельный фонд, и сельская община была уничтожена.

Помещик и великокняжеские старосты значительно сократили крестьянский земельный фонд, стремясь организовать фольварочное хозяйство, для развития которого создалась на внешнем рынке благоприятная экономическая конъюнктура. Паны богатели за счет роста феодальной отработочной ренты и сокращения крестьянского надела.

Помещики и в дальнейшем продолжали грабить крестьянство и увеличивали крестьянские повинности, доводя крестьян до нищенского состояния. Развитие товарно-денежных отношений еще больше подтачивало крепостное хозяйство, поскольку крепостной труд был малопроизводителен, а крестьянское хозяйство становилось слабым. Количественно увеличивалась беднейшая, малоземельная и не имевшая рабочего скота и совсем безземельная крестьянская прослойка. Положение ее было очень тяжелым, так как работу трудно было найти в городах, находившихся в состоянии хозяйственного упадка и не нуждавшихся в добавочной чернорабочей силе.

В состав феодальной вотчины входили «места» (города), местечки, населенные села, займища, леса, реки, сенокосные и другие угодья, составлявшие основные доходные статьи феодала-пана. Но значение этих доходных статей в бюджете панской вотчины было неодинаково.

Опубликованные [1] хозяйственные инвентари позволяют составить ясное представление не только о панском хозяйстве.

Общая тенденция увеличения крестьянских повинностей, с одной стороны, и сокращение земельного надела — с другой, характерны для организации фольварочного хозяйства, несмотря на то, что крепостное хозяйство с половины XVII в. находилось в состоянии застойного кризиса. Это было вызвано особыми причинами. С одной стороны, уменьшилось сельское население: в панских имениях часть крестьянских волок обычно пустовала, а наличные крестьяне расплачивались за ушедших общим увеличением своих повинностей. В связи с упадком зернового фольварочного хозяйства паны занимались эксплуатацией лесных и других угодий, гнали

---

[1] Акты Виленской археографической комиссии, Вильно 1912 и 1914, т. XXXV и XXXVIII.

деготь и смолу, для чего требовалась значительная рабочая сила.

На своих мельницах, пивоварнях, солодовнях, кирпичных заводах и других доходных предприятиях паны использовали крепостной труд.

Крепостное крестьянство по характеру феодальной ренты делилось на две основные категории: «барщинное» («пригонное», «тяглое») и оброчное («чиншевики», «куничники»). Крестьяне барщинные составляли основную массу крепостного крестьянства. Степень напряжения барщины была доведена до крайности.

Барщинная работа составлялась из совокупности всего того количества рабочего времени, которое крепостной крестьянин отдавал своему пану. В одних имениях количество дней работы на панщине в неделю было одно и то же в течение года. В других имениях количество барщинных дней в неделю весной и летом было больше, чем зимой. Такой тип барщины мешал крестьянину поддерживать свое хозяйство. Продолжительность панщины: летом от восхода до захода солнца, а зимой она начиналась задолго до восхода солнца.

В Западной Белоруссии шестидневная панщина в неделю — обычное явление. Панщинные дни делились на «мужские» и «женские»; обычно количество тех и других было одинаково. Таким образом, к половине XVIII в. панщина по сравнению с половиной XVI в. стала вдвое тяжелее. На панщине крестьяне отбывали всю текущую работу на панском дворе со своим живым и мертвым инвентарем. Кроме панщины, каждая крестьянская семья выходила на дополнительные работы (згоны, гвалты, толоки, шарварки). Выход на такие работы был обязателен для всех членов семьи: в хате можно было оставить только одно лицо для охраны имущества на случай пожара. Такие добавочные обязательные панщинные дни доходили в отдельных имениях до 15 в году. При работе на барщине, как общее правило, применялась «урочная» система. Невыполнившие «урок» должны были его отработать в другие дни, свободные от панщинной работы. Если летом на панщине крепостные крестьяне выполняли разные полевые работы, то осенью молотили урожай. Все домохозяева, не исключая и женщин, были обязаны отправлять «сторожу» либо ночью, либо в течение всего дня для охраны панского имущества. На крепостных лежала «подводная повинность». Она в отдельных имениях входила в состав панщины, но обычно имела самостоятельное значение. Иногда крепостной мог откупиться от подводной

повинности. Равным образом, если помещик или арендатор не нуждался в подводах для отвоза продуктов в город для продажи, то все же крестьяне были обязаны внести деньги за подводную повинность.

В зависимости от угодий имения на крепостных людях (мужиках, подданных) лежала обязанность отправлять и лесорубную повинность. Кроме панщинных работ вообще, отдельные инвентари упоминают о специально женских повинностях. К ним относятся: прядение, тканье, мытье белья, работа на огороде, поливка огорода, разбиванье навоза, доение коров, стрижка овец, подготовка огорода, сбор урожая с огорода, прополка. Женские работы вообще были разнообразны и характер их зависел от общей организации фольварочного хозяйства. Такова была организация панщины, отнимавшая у крепостных крестьян значительное количество дней и вытягивавшая из крестьянина все его жизненные соки и силы.

Повинности тяглого крестьянина не ограничивались только отправлением панщины. Каждое хозяйство уплачивало так называемый «чинш» — денежный взнос, колебавшийся по отдельным имениям от 5 до 12 злотых в год с ½ волоки земли. В отдельных случаях чинш увеличивался до 40 злотых и снижался до 4. Затем крестьянское хозяйство должно было давать помещику в натуре мелкий доход — «данину». Она заключалась в уплате «дякла» и «мезлевы», известной части дохода со всего крестьянского хозяйства в целом. Данины отличались большим разнообразием по отдельным местностям. Помещик все присваивал себе в качестве данины: грибы, орехи, мед, лыко, пеньку, известную часть с охоты на медведей, волков, лисиц, соболей, куниц и т. д. Но большей частью пан не нуждался в сельскохозяйственных продуктах, которыми его в достаточной степени могло снабдить его же хозяйство. Помещику были нужны деньги для покупки на рынке товаров заграничного происхождения, и в таких случаях данина переводилась на деньги.

Чиншевики были свободны от панщины. Уплачивая пану чинш деньгами, они, наравне с тяглыми крестьянами, были обязаны давать своему пану и данины обычно в денежной их оценке. В отдельных случаях чиншевики были обязаны отправлять подводную повинность, принимать участие в молотьбе. Свобода чиншевика от панщины была условной; пан мог принудить его отбывать любую работу на панском дворе; да и сами чиншевики, по усмотрению владельца, могли вновь стать тяглыми людьми (в отношении повинности).

Размер чинша был неодинаков в разных частях великого княжества Литовского. В Восточной Белоруссии он был меньше, чем в Западном районе, экономически более развитом. В Витебщине с волоки земли уплачивалось 12 руб., а в Западной Белоруссии вдвое больше.

Если судить по данным инвентарей, то в Белоруссии бóльшая часть крепостного населения отправляла панщину. Процент чиншевиков (куничников) был совершенно ничтожен [1].

Обязанность «подданных», тяглых и чиншевиков, уплачивать пану феодальную ренту частично или полностью деньгами связывала крестьянское хозяйство с рынком, но, конечно, о свободе хозяйственной деятельности не могло быть и речи. Крепостной крестьянин должен был прежде всего все свои или часть продуктов, предназначенных для продажи, предложить панскому двору по установленной цене. Кроме того, крестьяне были лишены возможности свободно покупать на рынке соль и водку. Обычно соль закупалась панским двором и продавалась по повышенным ценам, а водка— «горелка» — покупалась у арендаторов панской корчмы.

Помещики принуждали своих крестьян молоть хлеб обязательно на господской мельнице.

Продажные сделки крестьян не имели никакого значения для их хозяйства, которое сохраняло свой (в основном) потребительский характер, так как вырученные за продажу деньги шли на выплату пану феодальной ренты, а также «подымного», поступавшего в скарб великого княжества Литовского. Занятый на панщине крепостной крестьянин не мог улучшить свое хозяйство и поднять его производительность. В поисках денег для уплаты чинша и за всякие данины крепостной крестьянин должен был обращаться к рынку и продавать не только прибавочный продукт, но и необходимый. Все это приводило к подрыву крестьянского двора как основной базы панского крепостного хозяйства.

Хозяйственное положение крестьянского двора определялось земельным наделом и количеством крупного домашнего скота — рабочего инвентаря, с которым домохозяева были обязаны выходить на панщину.

Но крестьянство было далеко не однородно. Верхушечные слои крепостного крестьянства были лучше обеспечены землей, иногда приарендовывали у помещика землю, имели большее количество скота, теснее связывались с рынком и

---

[1] Акты Виленской археографической комиссии, Вильно 1910—1914, т. XXXV и XXXVIII.

обычно не несли никакой панщины. Но по отношению ко всему крестьянству они составляли ничтожный процент.

Беднейшая крестьянская прослойка была очень слабо обеспечена рогатым скотом. Бедняк располагал только одной головой рабочего скота или большей частью совсем его не имел. Такое крестьянство отбывало только пешую панщину. Бобыли — безземельные (кутники) — были свободны от нее, выплачивая чинш. Работая на стороне, они зарабатывали денежные средства для расчета со своим паном и для покупки необходимого продовольствия.

Крепостной крестьянин находился в полном распоряжении своего пана, располагавшего даже правом на его жизнь и смерть. Для своих имений пан или его арендатор составляли «уставы», в которых весь хозяйственный быт имения и подданных подвергался весьма подробной регламентации. Крестьяне были беззащитны против произвола и насилий своего пана или его арендатора. Они были поставлены вне действия шляхетского права и не имели возможности каким-либо юридическим путем защитить свои интересы. Вотчинная власть убила местные обычаи и уничтожила последние остатки общинного управления крестьян—«копные суды».

Крестьяне становились на путь активной борьбы, массового выступления против крепостников.

Не менее тяжелым было положение и старостинских крестьян, обычно находившихся в частновладельческой аренде. При передаче старостинских крестьян составлялся инвентарь, в котором были определены земельный надел и повинностное положение крестьянского хозяйства — дыма, коллективного или индивидуального в своем составе. Держатель староства юридически не имел права изменить положение крестьян. В действительности инвентарь постоянно нарушался держателем имения. В судебном отношении старостинские крестьяне были подчинены держателям старостств. Инвентари дают достаточный материал для характеристики повинностного положения отдельных разрядов сельского населения старостинских имений. Прежде всего необходимо отметить, что положение «старостинских подданных» в Западной Белоруссии, где было развито фольварочное хозяйство, было много тяжелее, чем в Восточной, где фольварочное хозяйство еще не получило достаточного распространения. В Витебщине крестьянские хозяйства даже не были поделены на волоки.

В повинностном отношении старостинские крестьяне также делились на две группы: тяглых и чиншевиков. Тяглые кре-

стьяне отбывали панщину, которая к концу XVIII в. стала значительно тяжелее, как и на землях частных владельцев: с ½ волоки до 6 дней. Кроме того, тяглые крестьяне были обязаны выходить всей деревней на дополнительные барщинные работы, нести охрану имения, давать разного рода данины (продукты), подобно частновладельческим подданным. С момента введения «волочной померы» продолжительность панщины зависела от величины земельного надела, но накануне падения шляхетской Речи Посполитой как самостоятельного государственного организма в отдельных старостваx вводился новый порядок отбывания барщины с каждого дыма, что, конечно, увеличивало тяжесть панщины. Тяжесть положения старостинского крестьянства увеличивалась еще от перевода натуральных повинностей на деньги. Крестьяне-чиншевики составляли преобладающую массу старостинского крестьянства в Восточной Белоруссии, преимущественно в Витебщине, где было слабо развито фольварочное хозяйство.

В среде старостинского крестьянства можно отметить рост бобылей, кутников — малоземельных и безземельных. Наличие хозяйств без рабочего скота — показатель того, в каком направлении изменялось экономическое положение старостинского крестьянства. При таком положении основной рабочей силы крепостное хозяйство, лишенное своей опоры, находилось в состоянии полного разложения и упадка.

Таким образом, экономическое положение как частновладельческого, так и старостинского крестьянства было одинаково тяжелым.

5

Внешние формы организации управления в городах оставались без изменений. Все наиболее значительные поселения городского типа — великокняжеские места и местечки — располагали Магдебургским правом. Права городов неоднократно подтверждались королями Речи Посполитой.

Между действительным и юридическим положением городов была огромная разница. Вследствие шляхетской политики городское население, за исключением незначительных по численности верхушечных слоев, оказалось в бедственном положении.

Городские учреждения в виде «магистрата» вырождались. Во все дела города вмешивались королевские старосты. Они сознавали свою силу и фактически были хозяевами

городов, следя особенно за тем, чтобы городские «податки» в королевский скарб поступали исправно.

Магдебургское право, охранявшее торгово-промышленные интересы городов, отвечало интересам верхушечных слоев городского населения, купечества и ремесленных мастеров. Оно парализовало возможность проявления свободной инициативы со стороны городского населения как в торговле, так и в ремесле. Вся хозяйственная деятельность городского населения была регламентирована и скована уставами, нарушение которых защищалось разнообразными денежными наказаниями и штрафами. Право занятия торговлей монопольно принадлежало «купеческим гильдиям», право занятия ремеслом — цеховым ремесленникам.

Вильно, несмотря на общий упадок городов, все же было наиболее промышленным и торговым городом. Наибольшее количество цеховых уставов сохранилось именно в Вильно. Внутренняя торговля в Вильно как столичном центре была более оживленной по сравнению с другими городами. Виленские ярмарки всегда бывали весьма многолюдными. Верхушечные слои мещанства были многочисленнее и богаче по сравнению с другими городами. Вильно сохраняло свое значение и по внешней торговле. Сеймовая конституция 1678 г. [1] предоставила городу особое правовое положение. Вильно было уравнено в правах с Краковом, и виленские мещане получили право владеть землей, посылать послов на избрание и коронацию королей. Все эти привилегии Вильно были только наруку верхушечным слоям. Они имели возможность теперь стать землевладельцами и вложить свои капиталы в землю, поскольку внешняя торговля с половины XVII в. находилась в упадке. Еще раньше, в 1621 г., магистрат добился избрания войта из членов рады, благодаря чему все магистратское управление находилось в ведении верхушечных слоев мещанства.

Согласно грамотам на Магдебургское право, все жившие в городе, имевшие дом или занимавшиеся торговлей и промыслами, подчинялись юрисдикции магистрата. В действительности городской юрисдикции подчинялись только мещане, жившие в городах; шляхтичи же и их крестьяне, подданные духовных землевладельцев, были освобождены от подсудности городской юрисдикции. Все эти разряды населения занимались торговлей и ремеслом и не несли никаких городских повинностей.

---

[1] Volumina legum, t. III.

Экономические права городов были весьма неопределенными, так как всемогущие старосты, не обращая внимания на эти права, распоряжались городами по собственному усмотрению.

Наступление польской шляхты и католицизма на «рускую» народность привело к тому, что православным мещанам запретили занимать выборные должности в городском управлении (магистрате).

Шляхетское правительство ослабляло положение верхушечных слоев тем, что оно наиболее «знатных» возводило в шляхетство, освобождая их тем самым от юрисдикции магистрата, от мещанских податей и повинностей.

Беднейшая часть городского населения больше всего терпела от таких «шляхетных» мещан, так как ей приходилось выплачивать недостающие поборы и нести добавочные повинности.

Магистраты, пользуясь своей властью, облагали добавочными налогами мещан, положение которых было и без того тяжелым. Правда, королевская власть, как это видно из декрета Августа II от 18 декабря 1742 г., запрещала магистрату сбор экстраординарных налогов, но едва ли такие королевские запрещения имели какой-либо положительный результат [1]. В ведении магистратов находился и контроль над цехами, всей своей тяжестью падавший на рабочую часть цеха — подмастерьев и учеников.

Несмотря на все отрицательные стороны цехового строя, обнаруживпиеся еще в XVII в., ремесленные слои в Вильно, Полоцке, Могилеве, Минске, Витебске, а также, вероятно, и в других городах, где ремесленники были организованы в цехи, хлопотали перед королевской властью об открытии новых цехов, подтверждении цеховых уставов, которые были наруку хозяевам-мастерам, так как они ставили подмастерьев в такие условия, при которых дорога к получению звания мастера была для них закрыта. В этом отношении ничего не изменилось в организации цехов по сравнению с XVII в., только всякие ограничительные условия стали еще отчетливее.

Подмастерье фактически становился квалифицированной рабочей силой без надежды стать мастером. Хозяйчики-мастера суровыми мерами поддерживали свою власть над подмастерьями и учениками. Последним приходилось все же держаться за магистрат и уставы, как за средства, с по-

---

[1] Менские акты, Менск 1926, стр. 195.

мощью которых они могли бороться с «партачами», нецеховыми ремесленниками, от наплыва которых сокращалась емкость внутреннего рынка для цехового ремесла и падали заработки ремесленника.

Цеховые ремесленники видели в соблюдении уставов цехов единственный источник поддержания своего материального положения.

Между тем в жизни и организации цехов произошли серьезные изменения.

Затрудняя доступ в цехи подмастерьям, цеховые уставы предоставляли право вдове продолжать дело мужа, «если она сама захочет». Впрочем, от вдовы требовалось «честное поведение» и выход замуж за цехового. Самое выборное начало исчезало в отдельных цехах. Так, в Минском слесарном цехе был избран пожизненным цехмастером Степан Дзлукевич, и магистрат утвердил его в должности.

Отдельные цехи были настолько малолюдны, что не могли существовать как самостоятельные профессионально-производственные организации.

Близкие по специальности ремесла обычно объединялись в один цех. В 1744 г. в силу декрета Августа II от 22 ноября в Вильно солодовники, пивовары, медосытцы, винники, воскобойники, бровары и водовозы объединились в один цех.

Самый характер продажи ремесленных изделий изменился. Вследствие все большего суживания рынка в городе мастера становились предпринимателями и выезжали на ярмарки для сбыта своей ремесленной продукции.

Работа на заказ и на местный рынок потеряла свое преобладающее значение. Вся регламентация производства была попыткой сгладить конкуренцию между отдельными мастерами. Цех постепенно терял свое первоначальное назначение и становился организацией предпринимателей и торговцев, жестоко эксплуатировавших находившуюся в их распоряжении рабочую силу — подмастерьев и учеников.

Цеховой строй поддерживался шляхетским правительством, магистратами, частными владельцами местечек, поскольку все они получали известные доходы от цехов.

Для уничтожения взаимной конкуренции и для контроля работники различных профессий были объединены в цехи. В Вильно и Могилеве были организованы в цехи даже местные нищие... В цехах создавались напряженнейшие классовые отношения между основными цеховыми прослойками — мастерами и подмастерьями, — результат предпринимательской эксплуатации подмастерья мастером.

Но и среди мастеров намечались две прослойки: старшие и младшие мастера. К старшим мастерам относились те из них, кто прошел известный служебный стаж в цеховом управлении. Обычно должности по цеховому управлению занимали более самостоятельные мастера.

Наступление шляхты и католицизма на православных нашло свое наиболее яркое отражение в Вильно. Там, по уставу сапожничьего цеха 1712 г., могло быть только 140 мастеров, из них 80 мест принадлежало католикам и только 40 — православным [1]. В 1672 г. в виленском цехе сапожников большинство мастеров принадлежало к схизматикам (православным), но доходы делились пополам — между католиками и православными. В Вильно, в других цехах, независимо от того, что большинство мастеров ,принадлежало к схизматикам, они все же были обязаны отпускать средства на католическую церковь. Впрочем, в могилевских цехах не было никаких религиозных различий, что, вероятно, было связано со слабым распространением католицизма в Могилеве, даже во время наибольшей агрессии шляхты и католицизма против русской народности.

Шляхта была злейшим врагом городских ремесленников, поскольку она добивалась таксации цен. Снижение цен всей своей тяжестью падало на подмастерьев. Мастер-предприниматель уменьшал заработную плату подмастерьев и увеличивал рабочий день, стараясь не уменьшать своей предпринимательской прибыли.

Купеческие гильдии, вероятно, организовались во всех наиболее значительных городах с Магдебургским правом. О гильдиях в Вильно, Бресте, Витебске, Полоцке, Могилеве, Минске имеются определенные свидетельства источников.

Верхушечные слои мещанства —купечество, под натиском наступавшей на города шляхты, крепко держалось за свои гильдии, надеясь удержать в своих руках городской рынок; оно выступало против захватывавшего рынок помещика, действовавшего через своих приказчиков и отдельных скупщиков изделий, «партачей», появлявшихся в городах для торговли. Гильдии не достигали своей цели, поскольку магистраты не имели никакой силы для того, чтобы заставить шляхту, иногородних купцов и скупщиков соблюдать установленные правила городской торговли. В Могилеве местное купечество и шляхетство, занимавшееся торговлей, в целях укрепления

---

[1] АВК, V, 212.

своих позиций на внутреннем рынке и уничтожения взаимной конкуренции и для борьбы с торговцами-«партачами» еще в 1678 г. организовало братство «прасолов» [1].

Но это было исключением из общего правила; несмотря на всю поддержку гильдий со стороны магистрата, они почти не могли сохранить монополию торговли. Разложение цехового строя и магистратского управления было естественным результатом новых явлений в экономике Белоруссии. Цехи и магистраты со своими монопольными правами задерживали развитие ремесла и торговли.

Обезземеленное крестьянство искало рынков сбыта для своей кустарной промышленности, поступавшей на рынок непосредственно от производителей или через скупщиков.

Ремесленники — «партачи» из крестьян — встречали полную поддержку со стороны шляхты, заинтересованной в удешевлении ремесленной продукции и в исправной выплате чинша и других денежных «податков». Скупщики из «торгующих подданных» встречали бесконечные препятствия со стороны купеческой гильдии и магистрата.

Цехи задерживали развитие сельского и городского ремесла, а магистраты грабили мещанство и доводили его до полного разорения. Города беднели, подати в королевский скарб поступали неисправно. Часто приходилось, частично или полностью, на известное время освобождать города от уплаты податных взносов [2].

Сеймовая конституция 1776 г. оставила Магдебургское право только в 10 наиболее крупных городах (Вильно, Троках, Ковно, Лиде, Новгородке, Волковыйске, Пинске, Мозыре, Бресте и Гродно). Города, лишенные Магдебургского права, как королевские, так и частновладельческие, были поставлены под контроль старост или возвращены частным владельцам.

6

Евреи в городах были поставлены в особое положение. Они были объединены в кагалы — общины, управление которыми находилось в руках верхушечных слоев еврейства; пользуясь своей властью, они безжалостно эксплуатировали еврейскую бедноту. Численность еврейского населения в Белоруссии значительно увеличилась с половины XVII в.,

---

[1] Беларускі архіў, I, № 116.
[2] Менские акты № 192, «Витебская старина», I, № 100.

когда еврейское население, побросав свое имущество, спасалось от еврейских погромов на Украине и, гонимое, двинулось вверх по Днепру, осаживаясь в городах и местечках.

Новые колонисты были встречены враждебно мещанством, видевшим в них конкурентов в торговле и ремесле. Могилевский магистрат добился привилея, запрещавшего евреям жить в Могилеве. Во время занятия города войсками царя Алексея почти все еврейское население было уничтожено.

Полоцкий магистрат запретил евреям жить на всех улицах и отвел для них определенные площади[1].

Витебские мещане также пытались добиться запрещения евреям жить в городе; но эта попытка потерпела полную неудачу, поскольку польские короли Владислав IV и Ян Собеский подтвердили 9 марта 1659 г. прежние права евреев[2].

Борьба против евреев в Витебске, видимо, продолжалась, так как привилей Яна III был еще раз подтвержден 13 августа 1759 г. королем Августом III[3].

Евреи были обязаны платить подать наравне с мещанами. Городам предоставлялось право конфисковать имущество местных неплательщиков налогов[4].

Магистраты стремились распространить свою юрисдикцию на евреев, которые были подчинены суду старосты. Кроме того, они облагали евреев незаконными податями, как, например, поступал Минский магистрат. Август III подтвердительным привилеем запретил подобные незаконные действия со стороны магистратов[5]. Конечно, вопрос о подсудности евреев этим еще не разрешался, так как магистраты наравне со шляхтой мало считались с королевскими привилеями.

Впрочем, старостинская власть должна была поддерживать евреев в их борьбе против юрисдикции магистратов, так как старосты не желали терять своего права суда над евреями, поскольку суд был одним из источников дохода для старост.

Экономическая борьба в Витебске принимала такой напряженный характер, что все мещане объединились против евреев и по инициативе верхушечных слоев заключили между собой союз для защиты от конкуренции со стороны еврейских купцов и ремесленников[6].

---

[1] Археографический сборник, I, № 157.
[2] «Витебская старина», I, № 277.
[3] Там же, стр. 638.
[4] Там же, № 89.
[5] Менские акты, № 199.
[6] «Витебская старина», I, № 142.

Упадок внешней торговли сократил посреднические функции еврейских купцов.

До половины XVIII в. евреи были монополистами-арендаторами. С этого времени у них появились конкуренты в лице шляхтичей и богатых мещан.

В связи с расселением евреев по территории великого княжества Литовского в местах их поселений возникали новые еврейские общины — прикагалки, зависевшие от ближайшего кагала, который стремился использовать прикагалки в собственных интересах, перекладывая на них приходившиеся на кагал налоги.

Объединение кагалов в округа с центральным кагалом во главе облегчало «вааду» — этому органу представительства интересов богатой еврейской прослойки — распределять налоги по округам, предоставляя окружным ваадам право раскладки налогов по кагалам, а последним — по прикагалкам. Заправилы в литовском ваадс, в окружных ваадах и кагалах освобождали себя от податных тягот, перекладывая их на беднейшую еврейскую массу, и без того находившуюся в крайне тяжелом материальном положении.

Беднейшая еврейская прослойка добывала себе ничтожные средства существования мелкой торговлей и ремеслом. Сбыт ремесленной продукции встречал немало затруднений на городском рынке, так как магистраты настойчиво боролись со всякого рода «партачами», в том числе и еврейскими.

Борьба с цеховыми ремесленниками была отдельным еврейским ремесленникам не под силу. В отдельных случаях еврейским ремесленникам приходилось вступать в соглашение с христианскими цехами, что требовало значительных расходов. Кагальные организации со своей стороны также стремились к организации ремесленников в цехи, что позволяло верхушечным слоям кагала организовать контроль над доходами цехов для обложения их налогами на нужды кагала. Ремесленники были устранены от участия в избрании всех кагальных должностных лиц, если только они раньше не принимали участия в кагальных сходах[1]. Еврейские цеховые ремесленники, вынужденные вступать в соглашение с городскими цехами, тем самым получали право свободного сбыта своей продукции на городском рынке; с этой целью они обязывались вносить определенный денежный взнос в цеховую казну[2].

---

[1] Литовский областной Пинкос, Спб. 1913, ст. 263.
[2] Менские акты, I, № 214.

Эксплуатация еврейской бедноты со стороны богатой еврейской прослойки создавала в общине крайне напряженные отношения.

Заправилы в кагале были юридически ответственны перед королевской казной за своевременную и безнедоимочную выплату кагалами налогов. Эта юридическая ответственность давала возможность кагальной верхушке при сборе податей грабить бедноту, собирать с нее излишние денежные средства, обогащавшие верхушечные слои кагалов[1].

Такая политика кагальных заправил обостряла классовые противоречия внутри еврейской общины. Беднейшие члены кагалов обращались с жалобами к королю, но эти ходатайства не давали никаких конкретных результатов.

Отдельные евреи старались освободиться от власти общины, становясь под протекцию королевской администрации и панов. Евреи оставляли города и расселялись по деревням и местечкам в надежде уйти от кагала, освободиться от связывавшей их круговой поруки и перестать быть объектом обогащения старшин. Шляхта со своей стороны стремилась ослабить влияние кагалов и изъять сбор еврейских налогов из ведения кагалов, раввинов и старейшин, поручив его шляхтичам — особым уполномоченным от подскарбия земского. Католическая церковь начала себя держать агрессивно в отношении еврейства. Она создавала ритуальные процессы и объявляла евреев едва ли не главными виновниками всех материальных затруднений Речи Посполитой и безвыходно тяжелого положения сельского населения. Шляхта была раздражена конкуренцией еврейских богачей при совершении арендных сделок; она лишила их возможности увеличивать арендную плату. Кагал с помощью «хазаки»[2] поддерживал интересы незначительной в количественном отношении богатой еврейской прослойки.

Так обострились отношения между шляхтой, с одной стороны, и верхушечными слоями евреев — с другой.

После принятия конституции 1768 г. Варшавский сейм постановил выслить евреев из тех городов и местечек, «где они не имеют особых, одобренных конституцией, привилеев» и где не были заключены особые договоры с магистратом[3].

Конституция 1768 г. разгромила кагалы. В связи с этим прекратил свою деятельность и литовский ваад.

---

[1] *Бершадский*, Литовские евреи, стр. 48—51.
[2] Хазака — монопольное право аренды.
[3] Volumina legum, t. VI.

Андрусовское перемирие 1667 г. временно приостановило борьбу украинского, белорусского и русского народов с панской Речью Посполитой. Согласно условиям перемирия, Правобережная Украина оставалась за Польшей. Только Киев на два года переходил под власть Московского государства.

Ввиду того, что Турция проявляла намерение захватить украинские земли, шляхетская Речь Посполитая, стремясь оставить Правобережную Украину под властью своих панов, попыталась заключить «вечный мир» с Московским государством, согласно которому панская Речь Посполитая признавала Левобережную Украину, Киев и Запорожье за Московским государством. Московское правительство со своей стороны обязывалось войти в противотурецкую коалицию и начать войну с Турцией (1686).

Хотя крымские походы (1687 и 1689) окончились неудачей, все же они частично отвлекли внимание турок от Правобережья. Военные успехи Речи Посполитой в борьбе с турками и взятие Азова Петром I (1696) заставили Турцию поспешить с заключением мира с Речью Посполитой. По миру в Карловицах (1699) Турция отказывалась от всяких притязаний на Правобережную Украину. Подолия была возвращена Польше.

Последняя, будучи в течение многих лет театром военных действий, была жестоко опустошена турецко-татарскими и польско-немецкими войсками. Киевщина и Брацлавщина обезлюдели. Местами они были превращены в пустыню. Хотя Правобережная Украина была вновь захвачена панской Польшей, но польские помещики пока не рисковали вернуться в свои имения. Правобережная Украина фактически находилась во власти местной казацкой старшины, возглавленной белоцерковским полковником Симоном Филипповичем Палием (Гурко). Палий принимал деятельное участие в польско-турецкой войне. Король Ян Собеский утвердил Палия в звании полковника; он отдал ему имение Фастов, бывшее раньше во владении киевских католических епископов. Фастовские земли представляли собой пустыню. Привилей Яна Собеского разрешал Палию осаживать на землю людей и пользоваться всеми доходами от эксплуатации имения. Получаемые доходы должны были итти на содержание казацкого войска. Фастовские земли отдавались Палию во временное владение до окончания войны с турками. Палий укрепил Фастов и под предлогом набора казаков рас-

слал свои загоны (отряды) по всей территории Правобережья до Днестра, Случи и Припяти на западе. Закрепощенное крестьянство видело в Палие своего освободителя от панского ига. Палий выгонял шляхтичей из их имений, а крестьяне освобождались от всяких повинностей. Они были обязаны уплачивать лишь налог на содержание казацкого войска.

Опираясь на украинское крестьянство и разоряя шляхетские имения в Правобережье и на Волыни, Палий подрывал экономическую базу Речи Посполитой, уже достаточно ослабленную освободительной войной украинского народа под руководством Хмельницкого. Палий прекрасно понимал, что он один не в силах выдержать натиск панской Польши. Стремясь к объединению всей Украины под протекторатом Московского государства, Палий не раз, начиная с 1688 г., обращался к московскому правительству с просьбой о помощи против поляков и о принятии Правобережья под его высокую руку. Обращение Палия было безрезультатным, поскольку «вечный мир» с Речью Посполитой и подготовка войны с Турцией побуждали московское правительство воздерживаться от противопольских выступлений. После заключения Карловицкого мира шляхетское правительство приступило к ликвидации «вольной» казацкой Украины.

Ян Гомолиньский, киевский католический епископ, послал к Палию двух ксендзов с требованием о возвращении киевской кафедре фастовского имения. Однако Палий не только отказался выполнить требование епископа, но даже посадил одного из посланцев в тюрьму, а потом выгнал обоих из Фастова. Епископ обратился за помощью к высшей власти. Отряд, посланный генералом Брандтом, пытался хитростью захватить Палия, но намеченный план не получил осуществления.

Заключение мира с Турцией развязывало руки шляхетскому правительству и создавало благоприятные условия для перехода в наступление против Палия.

Сейм 1699 г. опубликовал конституцию о ликвидации казачества в Правобережье. С этой целью гетман Яблоновский вторично послал войско против Палия. Польские светские и духовные феодалы, разумеется, не желали примириться с палиївщиной. На территории, подвластной Палию, барщина была уничтожена. Крестьянам жить стало легче. Неудивительно, что сюда направились беглецы со всей Украины, не исключая и Левобережья. Палий отдал распоряжение всему населению местечек и сел направиться в Фастов вместе с

женами и детьми. Сам Палий готовился к длительной борьбе. Впрочем, военные действия не получили развития. Палию удалось откупиться несколькими бочками денег, которые были отданы гетману. Палий и бывший на его стороне наказной гетман Самусь, осведомленные об агрессивности польских феодалов, готовясь к борьбе с ними, искали себе союзников в Левобережье и Запорожье. Палий и Самусь стремились вновь объединить украинский народ для борьбы против феодально-крепостнической Польши.

Политическое положение в Правобережье становилось очень напряженным. Стремясь к «пацификации» Украины (умиротворение по методу гетмана Н. Потоцкого), польские паны вновь усилили нажим на православных в целях осуществления унии, о чем писал Палий Мазепе в марте 1701 г.

Нажим польско-католической агрессии объяснялся еще и тем, что Петр I в силу создавшегося положения на театре военных действий должен был временно отказаться от энергичных выступлений в защиту православных. Так в Правобережье и в Западной Украине создалось крайне напряженное положение, разрядившееся восстанием 1702 г.

Поводом к восстанию 1702 г. послужило распоряжение коронного гетмана Яблоновского об отобрании у Самуся «войсковых клейнот», знаков достоинства — булавы, бунчука, печати и пяти пушек. Вместе с тем, прислав в старостве войско, он стал собирать с населения таможенные и другие пошлины. Польские паны предлагали казакам подчиниться польской власти или оставить Правобережье. Польские феодалы требовали, ссылаясь на сеймовую конституцию 1699 г., чтобы все крестьяне, убежавшие из Подолии, вернулись обратно на прежние места жительства, и угрожали при этом денежными штрафами тем, кто не выполнит их требования.

В ответ на предъявленный ультиматум восстало все казачество во главе с Палием, Самусем и Искрой. Военные шляхетские отряды были перебиты. Манифест Палия объявлял крестьянам свободу от крепостного права на вечные времена. На призыв Палия крестьянство стало стекаться к нему со всех сторон. Пришли к нему также рабочие железных заводов и казаки из Левобережья. Вся страна от низовьев Днестра и Днепра до Случи была охвачена народным восстанием. 27 октября 1702 г. польское войско было разбито под Бердичевом, после чего в начале ноября была взята обратно Белая Церковь, откуда Самусь стал наступать на Брацлавщину и Подолию. Самусь призывал казаков «стоять всем вместе против поляков за вольности казацкие». Казацкие

отряды проникли на Волынь и Галичину, где и расправились со шляхтой. Скоро все крестьянство Брацлавщины и Подолии восстало против своих панов. Панскую Польшу охватила паника. Против Самуся и Палия выступил сам коронный гетман Сенявский, в войске которого насчитывалось 25 тыс. нанятых татар.

Польские паны жестоко расправлялись с украинским крестьянством, но все их попытки придушить восстание кончались неудачей. Борьба на Брацлавщине и в Подолии продолжалась и в 1703 и 1704 гг.[1]

Гетман Левобережной Украины Мазепа опасался, что народное движение охватит и Левобережье. На границе с Польшей было сосредоточено большое количество войск, «чтобы казаки его царского величества к тем бунтам не приставали». Сам Петр I, желая использовать польское войско в борьбе со шведами, писал Палию и Самусю, чтобы они «от начатого своего противного намерения престали бы, а иметь воинские промыслы всякими мерами над общим неприятелем нашим шведами». Кроме того, Петром I было отдано распоряжение, чтобы казаков не пускали на левый берег Днепра. Петр I стремился удержать короля Августа II в орбите противошведской политики. Заключение 19 августа 1704 г. союза России с Польшей против Карла XII еще более побуждало Петра I принять меры к подавлению украинского народного движения в Правобережье и в Западной Украине.

Между тем Палий укрепился в Белой Церкви, Самусь — в Богуславе, а Искра — в Корсуни. Попытки поляков выгнать казаков из укреплений неизбежно кончались неудачей. Но между вождями народного восстания начались недоразумения, чем воспользовался гетман Мазепа.

В апреле 1704 г. он должен был переправиться на правый берег Днепра для борьбы со сторонниками польского короля Станислава Лещинского. Во время этого похода Мазепа в июле 1704 г. захватил хитростью Палия и обвинил его в предательстве. Белая Церковь была занята русскими войсками, а Палий отвезен в Батурин, откуда был направлен в ссылку в Енисейск, в Сибирь. Расправившись с Палием, Мазепа оказал неоценимую услугу польской шляхте, обрушившейся всеми силами на правобережное крестьянство. Восстание было подавлено, но все же кое-где до 1707 г. крестьяне не пускали панов в их имения. Так польские феодалы, вместо

---

[1] *О. П. Оглоблін*, Украина в часи Петра I, Київ 1939, стр. 19—24.

того чтобы защищать свою страну от нашествия шведов, бросили все свои военные силы на подавление народного восстания. Началась обычная польская «пацификация». Предательская политика Мазепы была основной причиной, содействовавшей победе польских панов над украинским крестьянством Правобережья и Западной Украины.

Правобережная Украина — Киевщина, Брацлавщина и Подолия — досталась польским панам, после расправы с Палием, в состоянии полного запустения. Население разбежалось.

Феодалы-помещики приступили к заселению богатого края. Они всеми мерами зазывали к себе в имения поселенцев. Осаживая их на слободах, феодалы предоставляли колонистам льготы в уплате податей и повинностей на определенное количество лет, иногда до 30.

Некоторые феодалы имели даже специальных приказчиков, которые обещаниями и льготами зазывали желающих поселиться на слободах. В Киевщину и Подолию направлялись крестьяне из тех районов (Волынь, Галичина), где феодально-крепостническая эксплуатация была очень тяжела. Классовая земельная политика верхушки казачества в Левобережье заставляла «посполитых людей» в поисках лучшего будущего уходить на слободы. Проходили льготные сроки, и слобожане, обремененные долгами, становились в силу давностного срока «людьми непохожими», крепостными.

Благодаря таким мероприятиям правобережные помещики в значительной степени увеличили численность населения своих деревень и местечек. Вместе с этим уменьшилось количество свободного сельского населения.

По данным люстрации старостств, в 1765 г. отпущенные на волю крестьяне, слобожане, казаки, вольные люди составляли 14% общего количества сельского населения старостств, а в 1789 г. эти же разряды населения составляли только 2%. В 1775 г. положение старостинских крестьян резко изменилось к худшему. На сейме 1775 г. ряд старостств был роздан в вечное владение; другие были отданы на 50 лет, на так называемом эмфитевтическом праве (долголетней аренде). Наконец, часть имений была отдана в аренду с торгов. Так Правобережная Украина становилась районом частного феодального землевладения.

Волынь и Киевское Полесье были заселены гуще, хотя и здесь процент пустых хат был довольно значителен. Крестьяне либо вымерли от моровой язвы, либо выходили в Правобережье на слободы. По данным инвентарей 1771 г., в ряде сел князя Вишневецкого процент умерших колебался

от 11,3 до 60. К концу века можно отметить значительный прирост населения. По данным инвентарей 1775 г., в Старо-Константиновском повете числилось 3 865 домов (семейств), а в 1798 г. — 6 054. Крестьянство сидело на месте, так как усиление и распространение феодально-крепостных отношений в Правобережье лишало крепостного возможности искать выхода из своего положения. Перед крепостным открывалась только одна возможность — бегство в Новороссию — степную Украину, где помещики с радостью принимали беглых, но дальность расстояния мешала волынскому крепостному крестьянину использовать бегство как массивную форму протеста против крепостного права.

Польские феодалы обычно не жили в своих имениях и управляли ими при помощи доверенных лиц — губернаторов или сдавали в аренду христианским и еврейским ростовщикам. Часть имений находилась «в заставе» (залоге). Держатель заставного имения имел право получать доход от эксплуатации его до тех пор, пока оно не было выкуплено его собственником.

Для помещичьего хозяйства на Украине во второй половине XVIII в. создавалась благоприятная экономическая конъюнктура. Это, разумеется, в первую очередь отразилось на общем росте феодальных рент, на изменении общей структуры феодального хозяйства на Правобережной Украине, тяготевшей к портам Черного моря, через которые сельскохозяйственная продукция Правобережья вывозилась на восточные рынки, в силу чего хлебные цены на протяжении 1765—1789 гг. выросли в 1—1,5 раза.

В первой половине XVIII в. барщинное хозяйство в Правобережье еще не получило значительного развития. По данным инвентарей 1765 г., в 20 староствах Киевщины от чиншей и других денежных податков поступило 193 799 злотых, а работой (панщина, косовое, подорожчина) — 44 116 злотых, по данным же люстрации 1789 г., денежный доход поднялся до 271 656 злотых, а барщинные работы были исчислены в сумме 134 905 злотых, т. е. увеличились в 3 раза. По люстрации 1765 г., в староствах Киевщины основную доходную статью имения составляла аренда корчем, выразившаяся в сумме 638 645 злотых, а также доход от пасек, мельниц, ремесленников — 48 255 злотых. По данным люстрации 1789 г., доход от аренды корчем упал до 489 563 злотых, а доход от пасек и пр. поднялся до 66 384 злотых[1].

[1] *В. Щербина*, Украинские старостваа по люстрациям XVIII в., стр. 13—15. Архив юго-западной России, ч. VII, т. III, Киев 1905.

Высокие цены на хлеб побуждали волынских помещиков стремиться увеличивать производительность своих имений, но в условиях господства феодально-крепостнических отношений это увеличение производилось только за счет обезземеления крестьян, а не за счет изменения техники хозяйствования. Обезземеление крепостного крестьянства и общее увеличение барщины характерны для хозяйств волынских помещиков. В сравнении с началом века барщина выросла в 1—1,5 раза. Аналогичные явления имели место в Киевском Полесье, где барщина выросла почти в 2 раза [1].

Расширение фольварочной запашки в условиях господства феодально-крепостнических отношений происходило за счет обезземеления крестьян. Вследствие общего разорения крестьянства пешая барщина во многих фольварках являлась преобладающей. В киевском Богуславском старостве пешая барщина во всех селах являлась господствующей. Следовательно, отдельные крестьянские хозяйства не имели рабочего инвентаря, например, в селе Тевтиевка на 33 двора приходилось 20 волов, в селе Тупики — 18 волов на 33 двора, в селе Баже — 14 волов на 24 двора и т. д. Все это свидетельствовало о разорении части крестьянских хозяйств. Во всяком случае барщина в Правобережье была легче, чем на Волыни. В Правобережье она колебалась от 1 до 3 дней в неделю в течение года. Впрочем, барщина полностью или частично приходилась, главным образом, на летние месяцы.

Накануне колиивщины экономическое положение крестьянства значительно ухудшилось. Слобожане закрепощались. Вводилась барщинная система труда. Украинские и польские националистические историки, видевшие в гайдамацких движениях не противофеодальную борьбу, а только обычное разбойничье движение разных бесхозяйственных людей, подчеркивали легкость барщины, совершенно не принимая во внимание прочих повинностей, учет которых необходим для того, чтобы составить полное представление о положении украинского крепостного крестьянства в Правобережье. Крестьяне находились в полной юридической зависимости от помещика или его управляющего, арендатора или держателя заставного имения.

Помещики и арендаторы, кроме выхода на барщину, требовали от крестьян уплаты чинша, заставляли их молотить зерно на своих мельницах; кроме того, крестьян принуждали

---

[1] *К. Гуслистий*, Селянське повстання 1768 року на Україні, Харків 1934, стр. 15. *В Щербина*, цит. соч., стр. 335.

покупать в определенном количестве вино у помещика или у арендатора и притом по повышенной цене. Крестьяне подвергались самым жестоким наказаниям. К этому надо еще прибавить усиление натиска польско-католической и униатской агрессии. Паны жестоко расправлялись с крестьянами—противниками униатов. В 1766 г. в местечке Млиеве старик Даниил Кушнир спрятал дарохранильницу от попа-униата, от которого приходская община требовала перехода в православие. Кушнира обвинили в том, что он в корчме пил водку из дарохранильницы. В присутствии народа, собранного «старательством униатов», его облили смолой и подожгли. Так паны-католики расправлялись со своими крепостными, православными по вере.

«...В XVI веке, — замечает Энгельс, — когда в Польше господствовали иезуиты, православных русских поддашных Польши принуждали переходить в римскую церковь»[1]. Энгельс отметил, что православными были почти все крестьяне, «... в то время как их благородные господа почти все были римско-католической веры...»[2] Борьба украинского народа против католичества и унии, за сохранение православия была вместе с тем борьбой против феодально-крепостнического угнетения и за сохранение своей народности.

Ростовщическая деятельность помещиков, управляющих, арендаторов, право пропинации ставили закрепощенное население в невыносимо тяжелые условия. Так, в Киевщине и Брацлавщине создавались предпосылки для противофеодальных крестьянских движений.

8

В таком же положении находилась и Галичина, население которой было жестоко наказано панским правительством за восстание против панов во время освободительной борьбы украинского народа против панской Польши. Через Галичину постоянно проходили польские войска, направлявшиеся для борьбы с Хмельницким.

Путь польских войск сопровождался грабежом и насилием. Солдаты отнимали у населения его сельскохозяйственную продукцию: пшеницу, ячмень, овес, горох, крупу, муку, хлеб, капусту, овощи, льняное масло, волов, коров, свиней,

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 11.
[2] Там же, т. XIII, ч. I, стр. 160.

поросят, молоко, мед , сено, солому[1]. Открытый грабеж часто сопровождался сожжением крестьянских хат, надворных построек и всего деревянного сельскохозяйственного инвентаря.

В итоге бесчинств панских войск было полное разорение и обеднение крестьянства Галичины. Так, накануне освободительной войны в 13 деревнях Червоной Руси было 3 373 крестьянских хозяйства, а после войны — 1 591. На 100 хозяйств осталось 47[2]. Население разбежалось. Деревня пустела. До войны в 162 деревнях оседлых ланов было 1 373, а после освободительной войны осталось только 278. На 100 ланов приходилось 80 брошенных, «пустых»[3]. Все эти данные, разумеется, не охватывают общего количества хозяйств и всего населения Галичины, но в то же время произведенные люстрации совершенно достаточны для составления представления о том положении, в каком находилась деревня Галичины в результате насилий и произвола, чинимых солдатами и панами. Сокращение крестьянского надела и увеличение общего количества обезземеленного крестьянства — халупников — были естественным результатом всей этой хищнической грабительской политики панской Польши, в своей ненависти и ослеплении забывшей, что она подсекала основу своего материального и политического существования.

Панское сельское хозяйство развалилось как вследствие недостатка в крепостных рабочих руках, так и вследствие общего сокращения емкости внешнего рынка, ибо Западная Европа стала предъявлять меньше спроса на польско-литовское сельскохозяйственное сырье. Впрочем, помещики в поисках выхода из охватившего Польшу сельскохозяйственного кризиса встали на путь развития винокурения, потребителем которого становилось крепостное крестьянство. Помещики в поисках доходов обратились к массовому спаиванию своих крестьян. Стремясь увеличить население деревень, паны призывали к себе новых колонистов с обязательством уплачивать денежный чинш и отдавать известную часть своей сельскохозяйственной продукции. В Галичину устремилось множество немецких колонистов, что повлекло за собой еще бо́льшую пролетаризацию сельского населения, так как паны

---

[1] *Jan Rutkowski*, Przebudowa wsi w Polsce po wojnach z połowy XVII w., Lwów 1917, str., 12.
[2] Ibid., op. cit., str. 18.
[3] Ibid., str. 19.

сгоняли малоземельных крестьян с их наделов и превращали их в постоянных рабочих фольварка, которые получали все свое содержание натурой. Такие фольварочные «паробки»[1] мало чем отличались от прежних рабов.

Новейший польский историк крестьянства Свентоховский констатирует не только наибольшее напряжение барщины в XVIII в., но и полное юридическое бесправие крепостного крестьянства. Помещик карал крестьян смертной казнью, торговал людьми. Многочисленные сеймовые конституции против беглых наглядно свидетельствовали о бесправном и невыносимом положении крестьянства в Польше вообще, в Западной Украине в частности. В XVIII в. бегство крестьян из Западной Украины принимало массовый характер. Бежали на правый берег Днепра, в Киевщину и Брацлавщину. Города Западной Украины в XVII—XVIII вв. находились в полном упадке.

Сократилась емкость внутреннего и внешнего рынка, уменьшилась городская ремесленная продукция. Православное население в городах было политически бесправно. Но это бесправное положение объединяло всех горожан русского происхождения для борьбы с польской католической агрессией. Конституция сеймов 1667, 1678 и 1699 гг. допустила униатов к занятию должностей в городском магистрате в надежде, что это побудит православных мещан присоединиться к унии. Львовский епископ Иосиф Шумлянский, находясь под влиянием иезуитов, на Варшавском сейме 1700 г. заявил о своем присоединении к унии, но поступок его был встречен львовским Успенским братством крайне враждебно, и предательская церковная политика Иосифа Шумлянского не увенчалась успехом. Львовское мещанство продолжало вести борьбу против унии, пока в середине XVIII в., вследствие предательства высшего православного духовенства, уния во Львове не была введена, хотя русская городская плебейская масса некоторое время относилась к ней крайне враждебно.

В 1704 г. Львов был разорен шведскими войсками и до конца политической самостоятельности Речи Посполитой находился в состоянии полного экономического упадка, а Львовское братство, вокруг которого объединялось русское мещанство, было закрыто.

---

[1] *Rutkowski*, Zarys gospodarczych dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych, Poznań 1925, str. 145.

Ответом западноукраинского и западнобелорусского крестьянства на усиление феодально-крепостнической эксплуатации были крестьянские восстания против панского гнета. Но польские историки вроде Равиты-Гавронского, не касаясь вопроса об экономическом и юридическом положении украинского крестьянства, объясняли «бунт» крепостных отнюдь не наступлением феодалов на крестьянство, а «дикостью», «грубостью», «невежеством», «культяйством», «поддержкой царизма», «агитацией православного духовенства»[1] и т. д. Так же оценивала крестьянские восстания в XVIII в. помещичья и националистическая историография (Л. Скальковский, П. Кулиш, В. Антонович и некоторые другие).

Первое значительное по размерам крестьянское движение XVIII в. происходило в 1734 г. во время борьбы между сторонниками Августа III и Станислава Лещинского. Для поддержки кандидатуры Августа III и борьбы со сторонниками Лещинского вступили в Польшу русские войска. В Умани они находились под командой полковника Полянского, который стремился использовать надворное казачество для борьбы против шляхты, поддерживавшей кандидатуру Лещинского. Надворное казачество в XVIII в. получило всеобщее распространение в Правобережье. Оно было организовано землевладельцами для борьбы с крестьянским противофеодальным движением.

Начавшаяся борьба между шляхетскими группировками и вступление русских войск в Польшу послужили толчком к началу восстания крепостного крестьянства в 1734 г. Восстание охватило все Правобережье и распространилось до самой Галичины, но было скоро придушено царскими войсками, шляхтой и надворным казачеством. Участники движения подверглись жестокой расправе.

В 1735 г. вновь происходили выступления крестьянства, несмотря на то, что царизм и шляхта жестоко расправлялись с восставшими крестьянами.

В 1736 г. в Правобережье появился ряд повстанческих отрядов — Грывы, Медведя, Харка и др. Поднялись крестьяне в ряде сел. В сущности, крестьянские движения становились непрерывными. Особенно значительно было движение в 1750 г. Крестьяне громили панские имения, города, монастыри. Умань была превращена в развалины. В течение

---

1 *Rawita-Gawroński*, Kozaczyna ukrainna w Rzeczy Pospolitej polskiej do końca XVIII wieku, Warszawa, str. 191.

10 лет польские паны не в силах были подавить крестьянское движение, причинявшее им громадные материальные убытки [1].

Основной движущей силой крестьянских (гайдамацких) восстаний было закрепощенное и закрепощаемое крестьянство, боровшееся за уничтожение крепостного права. Его поддерживала городская и деревенская беднота — ремесленники и наемные люди у панов, мещан, монастырей, беглые русские крепостные, донские казаки, раскольники, беглые солдаты и беднота, убежавшая из Запорожья, где она подвергалась жестокой эксплуатации со стороны запорожских казацких старшин, уже становившихся землевладельцами. Все феодальные эксплуататоры, в том числе и православные купцы и монастыри, подвергались нападениям восставшего крепостного крестьянства.

Не оставалось спокойным и белорусское крестьянство. В ответ на феодально-крепостническое и связанное с ним национально-религиозное угнетение крестьяне отвечали восстаниями. Они выступали не только против своих панов-угнетателей, но и против тех, кто оказывал им поддержку и помощь.

Когда шведская армия во главе с Карлом XII проходила через Белоруссию на Украину для соединения с изменником гетманом Мазепой, белорусские крестьяне от Гродно до деревни Лесной, на всем пути отступавшей армии Петра I, оказывали русскому военному командованию неоценимые услуги. В отдельных имениях возникали крестьянские движения. В 1701 г. вспыхнуло большое восстание крестьян в Слонимском старостве. Крестьяне выгнали управляющего имением, захватили свободные земли, засеяли их и отказались уплатить владелице старостваа феодальную ренту [2].

Наиболее крупным противофеодальным движением было восстание крестьян в 1740—1744 гг. в Кричевском старостве, принадлежавшем князю Радзивиллу. По приказу последнего, была произведена ревизия старостваа с целью увеличить его доходы. Были наложены новые повинности не только на крестьян, но даже и на мелкую белорусскую шляхту и сельское духовенство. Городская плебейская масса была закабалена ростовщиками и откупщиками князя Радзивилла. Во главе восстания стоял торговец воском, видимо, хороший

---

[1] *К. Гуслистий*, цит. соч., стр. 23—25.

[2] Гісторыя Беларусі у дакументах і матэрыялах, Менск 1936, стр. 606—607.

организатор, Василий Вощила. Его помощниками были мещане Карпач, Стеся и Ветер. Главной движущей силой восстания были крестьяне и городские ремесленники. Союзниками восставших были белорусская мелкая шляхта, разоряемая Радзивиллом, и сельское духовенство, преследуемое польско-католическими насильниками. Восставшие перебили ненавистных панов, откупщиков и шляхту. Восстание продолжалось четыре года. Королевские войска помогли подавить его; победители жестоко расправились с восставшими. «Многих мужиков, поймав за ребра на кручье, других по деревьям перевешано», — отметил современник. Польские солдаты рыскали по деревням, местечкам и селам, подвергая крестьян «нещадным мукам»[1].

В 1761 г. восстанием крестьян была охвачена Мозырщина. Воинской силой «бунт хлопский» был усмирен[2]. Крепостное крестьянство было охвачено слухами о свободе. Польские паны ожидали всеобщего восстания крестьян в 1766 г.[3] Крестьяне массами покидали свои хозяйства и убегали в Россию и Прибалтику, лишь бы избавиться от ненавистного ига. Инвентари панских имений и староств постоянно отмечают наличие пустых дворов, хозяева которых находились в бегах[4]. Правительственные мероприятия против беглых не достигали цели. Удержать крестьян на местах в условиях феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета было невозможно.

Воззвание восставшего в 1768 г. украинского народа, обращенное ко всему крестьянству Речи Посполитой с призывом притти на помощь, нашло свой отклик в Белоруссии[5]. В 1769 г. возникло восстание крестьян в районе Шавельской экономии. Оно повторилось в 1788 г. На подавление восстания было послано 10 тыс. солдат[6]. Французская буржуазная революция послужила новым толчком к развертыванию крестьянского движения[7]. Во многих деревнях Белоруссии и Польши крестьяне отказывались отбывать повинности и пла-

---

[1] Гісторыя у дакум,стр. 606—607, 632—635; *И. Ф. Лочмель*, Борьба белорусского народа против польских панов, отдельный оттиск.

[2] Там же, стр. 636.

[3] Там же, стр. 637.

[4] Акты Вил. арх. ком., т. XXXV.

[5] Rocznik dzeijów społecznych i gospodarczych, 1931, str. 26—27.

[6] *Korzon*, Wewnetrzne dzieje Polski za Stanisława-Augusta, t. I, str. 369.

[7] Ibid., str. 368:

тить подати. Шляхта так боялась подъема волны крестьянских движений в 1789—1790 гг., что от имени короля был опубликован универсал, обращенный к епископам и духовенству, с предложением организовать торжественную церковную службу в связи с ликвидацией опасности крестьянского восстания[1]. В отдельных имениях и старостваx запрещались сходки и собрания крестьян; собравшиеся на сходку подлежали немедленному разгону.

Под давлением крестьянских движений шляхетские публицисты поднимали вопрос об улучшении быта крестьян в условиях сохранения феодально-крепостнической эксплуатации. Ни один из этих публицистов не поставил вопроса об освобождении крестьян и наделении их землей[2].

Отдельные помещики переводили крестьян на чинш (оброк), и это рассматривалось как прогрессивное явление, облегчавшее положение крепостных. Такие помещики считались благодетелями крестьян. За чинш крестьянин должен был работать на пана. Феодально-барщинное хозяйство соединялось с отработками, которые высасывали из крестьян последние соки.

Переводя на чинш, помещик, сокращая земельные наделы крестьян и увеличивая свою запашку, поднимал производительность и доходность своего хозяйства. Очиншевание крестьян не улучшало, а ухудшало их положение. Крестьяне-чиншевики теперь были более заинтересованы в работе. В силу этого их труд становился интенсивнее и производительнее, хотя они жили еще более нищенски, чем раньше.

Из подобных «благодетелей» крестьян выделилось несколько лиц, в том числе Иоахим Хрептович, владелец имения Щорсы на Минщине, опутывавший всю жизнь своих крестьян указами и распоряжениями, стеснявшими каждый их шаг и всегда ставившими их под угрозу лишиться своей земли[3]. В таких условиях протекала жизнь белорусского крестьянина в XVIII в., когда феодальное хозяйство находилось в стадии подъема. Польша для белоруссов и украинцев была тюрьмой. Энгельс еще в 1851 г., в письме к Марксу, сурово осудил феодальную Польшу: «Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша,

---

[1] *Smoleński*, Pisma historyczne, t. III, str. 16.

[2] *В. Мякотин*, Крестьянский вопрос в Польше, Спб. 1888; A. Świętochowski, Historja chłopów polskich, Lwów 1925, str. 333—375.

[3] *М. Довнар-Запольский*, Страницы из истории крепостног права XVIII—XIX вв., стр. 22.

даже по сравнению с Россией, играла бы прогрессивную роль или вообще совершила бы что-либо, имеющее историческое значение»[1].

Новое крестьянское восстание в Правобережье, известное под именем «колиивщины», совпало с новым моментом в жизни крепостного крестьянства Киевщины и Брацлавщины. Кончались льготные сроки на слободах, а вместе с тем усиливался феодально-крепостнический гнет, соединенный с величайшим бесправием крепостного крестьянина, не говоря уже о постоянном давлении на него католической агрессии.

В 1768 г. была организована конфедерация в Баре на Подолии. Конфедерация была направлена против ставленника Екатерины II — короля Станислава Понятовского, и его покровителя — царского правительства. Эта пляхетская конфедерация, организованная под лозунгом защиты католичества, была охвачена лютой ненавистью к крепостному православному крестьянству. Конфедераты мстили за прежние восстания, за разрушенные и подожженные имения, за сожженные костелы, за убийства помещиков и ксендзов. Убийства крестьян, разгром деревень, уничтожение православных церквей и монастырей были наглядными показателями ненависти помещиков-пляхтичей ко всему украинскому крепостному крестьянству. Естественно, что такие действия шляхты еще более ухудшали тяжелое положение крепостного крестьянства и вызвали стихийное крестьянское движение, охватившее почти всю Украину.

Восстание началось с молебна в Мотронинском монастыре в троицын день, 18 (29) мая. Это установлено К. Г. Гуслистым на основании показаний одного из вождей повстанцев, Железняка, в Киевской губернской канцелярии генерал-губернатора М. Ф. Воейкова. То же показывали и другие захваченные гайдамаки. Восстание быстро охватило Киевщину и распространилось на юг, на Брацлавщину, до земель, пограничных с Турцией. Отголоски восстания чувствовались на Галичине, Волыни, в Подолии, Левобережье. В Запорожье возник даже бунт сиромахи (бедноты), подвергавшейся жестокой эксплуатации со стороны казацкой запорожской старшины.

По мере развития восстания на сторону гайдамаков переходили надворные казаки, которые набирались панами для защиты их имений от крестьянских движений и для надзора за крестьянами в мирное время.

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXI, стр. 210—211.

Восстание 1768 г. по существу было направлено против феодально-крепостного строя. Народ вспоминал борьбу против польских панов, связанную с именем Хмельницкого. Распеваемые кобзарями песни были мощным призывом к борьбе за освобождение от польского гнета. Недаром помещики запрещали своим крестьянам слушать песни о Хмельницком. Восставшие гайдамаки сурово расправлялись со своими феодальными и религиозными угнетателями. Они нападали не только на католическое духовенство и шляхту. Православные монастыри, владевшие крестьянами и крепостнически эксплуатировавшие их, тоже не избегли общей участи. Гнев народа обрушился на ростовщиков, богатых мещан, евреев — арендаторов панских имений, которые располагали в отношении крепостного крестьянства всей полнотой помещичьей власти. Еврей-арендатор был для крестьянина таким же феодалом-крепостником, как и помещик, и в борьбе гайдамаков против евреев отнюдь нельзя видеть проявление антисемитизма. Неудивительно, что в гайдамацких отрядах принимала участие и еврейская беднота, подвергавшаяся жестокой эксплуатации со стороны богачей—кагальных заправил. Вместе с тем польские паны, стремясь отвести от себя народный гнев, пытались представить все еврейство в целом как основного эксплуататора крестьянства и главного виновника его тяжелого положения. Не следует забывать, что в XVII в. аренда частновладельческих имений отнюдь не была монополией одних евреев-богачей. В качестве арендаторов выступали также православные и католические мещане, шляхтичи, стремившиеся освободиться от еврейской конкуренции. Они-то, главным образом, и изображали евреев как основных эксплуататоров и тем старались обелить себя в глазах крестьянства. Противофеодальный характер крестьянского восстания 1768 г. отчетливо выступал в заявлениях отдельных его участников, указывавших на желание народа стать вольным.

Совершенно неправильно стихийное крестьянское движение изображать как планомерное и организованное. Крестьянское восстание таким не было. Было бы ошибочно видеть в Железняке и сотнике Гонте вождей, основных руководителей восстания. Гайдамацкое движение разбилось на ряд отдельных движений местного характера. Казацкие загоны (отряды) разбросались по всей Киевщине и Брацлавщине. В районе Чигирина, Черкас, Канева и в соседних с ними местностях действовал загон Семена Неживого. Вокруг Фастова, Белой Церкви и Богуслава действовал

загон Швачки и Журбы. Бондаренко со своими загонами был занят в районе Радомысля. Все же движение в целом было охвачено единой целью — борьбой против феодально-крепостнического гнета, но в осуществлении этой цели гайдамаки отнюдь не выступали как единая организованная сила.

О Гонте и Железняке немало было написано в исторической литературе[1]. После исследований К. Г. Гуслистого можно с уверенностью сказать, что М. Железняк был сыном крестьянина села Медведки в Чигиринском повете. Тринадцати лет, будучи сиротой, он ушел на Запорожье, где батрачил у богатых казаков, а с осени 1767 г. был послушником сначала в Онуфриевском монастыре, потом в Мотронинском, под Чигирином. В 1767 г. в урочище, называемом Холодный Яр, он организовал гайдамацкий загон (отряд), во главе которого в мае 1767 г. двинулся к Умани.

Уманский сотник Иван Гонта также происходил из крестьян села Росошек на Уманщине. Он стоял во главе отряда уманских надворных казаков, на обязанности которых лежала защита Умани — замка Потоцкого. При приближении Железняка к Умани посланный для борьбы с гайдамаками Гонта перешел на сторону Железняка, вместе с которым взял Умань, истребив при этом много польской шляхты.

Барские конфедераты своей грабительской политикой и своими издевательствами над крестьянами создали крайне благоприятную почву для расширения района крестьянского восстания 1768 г.

Царское правительство было очень обеспокоено распространением крестьянского восстания и опасалось переноса крестьянского движения в Левобережье, Новороссийский край и Запорожье. Оно считало необходимым как можно скорее прекратить крестьянское движение. Так думали Румянцев, Репнин. Но царское правительство, скоро убедившись в невозможности местными средствами ликвидировать восстание, решило встать на путь подавления его военной силой. Румянцев направил войска с Левобережья, а Кречетников — из Подолии, и в июне 1768 г. загоны Гонты и Железняка были захвачены Кречетниковым. Захватить так просто и легко другие загоны Кречетникову и Румянцеву не удалось. Российским войскам гайдамаки оказывали сопротивление, причем с обеих сторон были значительные потери.

---

[1] *К. Гуслистий*, Селянське повстання 1768 року на Україні, Харків 1934.

Вместе с шляхтой русским войскам удалось «усмирить мятежных холопов». Наступили расправа и суд. Со всех сторон приводили захваченных участников восстания. Расправа была жестокая. В местечке Кодня, около Житомира, военный суд разбирал дело повстанцев. Из 336 дел, сохранившихся в Кодненьской книге, по 218 был вынесен смертный приговор (9 повстанцев были четвертованы, 151 отрубили головы, 58 были повешены и посажены на кол)[1]. Железняка судила Киевская губернская канцелярия. Она присудила дать ему 150 ударов кнутом, вырезать ноздри и, поставив на лбу и щеках узорные знаки, сослать в Нерчинск на каторжные работы. По дороге на каторгу Железняк бежал, но был пойман. В 1776 г. он сидел под арестом в Москве. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Другое отделение военного суда действовало в селе Сербах, недалеко от Могилева на Днестре, в штабе коронного гетмана Браницкого. Оно судило Гонту и приговорило его к жестокой казни.

В ответ на политику «умиротворения» началось массовое бегство крестьян в Крым, на Дон, в Молдавию, Валахию и Запорожье. Немало крестьян кончало жизнь самоубийством.

Несмотря на суровую расправу, восстание 1768 г. было подавлено не сразу. Еще в конце 1768 г. приходилось российским войскам сражаться с отдельными загонами в количестве до тысячи человек бедноты.

Крестьянское восстание в Правобережье было подавлено. Феодально-крепостнический гнет значительно усилился. Крестьянские движения, конечно, не могли прекратиться, но восстание 1768—1769 гг. было последним большим восстанием украинского народа в пределах Речи Посполитой.

Польские паны, видя, что собственными силами не смогут удержать крестьянство в повиновении, бросились в объятия царского правительства. Судьба Речи Посполитой была решена. Крестьянское восстание 1768 г. не могло окончиться победой крестьян. Крестьянские движения в условиях феодально-крепостнического строя неизбежны как массовая форма протеста против феодально-крепостнической эксплуатации.

Природа крестьянских войн отчетливо выяснена Марксом и Энгельсом, подчеркивавшими их локальность и ограниченность. «Все крупные восстания средневековья, — говорит

---

[1] Український Архів, Археографічний збірник, Київ 1931, т. II.

Энгельс, — исходили из деревни, но и они, ввиду раздробленности и связанной с ней крайней отсталости крестьян, оставались совершенно безрезультатными»[1].

«Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»[2].

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 42.

[2] «*Ленин и Сталин*». Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, Партиздат ЦК ВКП(б), М. 1938, стр. 527.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ УГНЕТАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XVIII И В XIX в.

1

Основная масса землевладельцев-крепостников признавала необходимым сохранить феодально-крепостнический строй Речи Посполитой неизменным.

Но в связи с благоприятной для сельского хозяйства внешней конъюнктурой отдельные польские помещики убеждались на практике в непроизводительности и невыгодности крепостного труда. Естественно, что эта часть помещиков должна была в той или другой степени выяснить свое отношение к крепостному праву. Распространение в Польше экономических идей физиократов соответствовало аграрному строю Речи Посполитой. Но физиократическое учение не могло быть воспринято в чистом виде в Речи Посполитой, поскольку физиократы считали свободный труд единственно производительным. Между тем польская публицистика, сколько она ни писала о тяжелом положении крестьянина, сколько ни указывала на необходимость изменения его экономического и юридического положения, никогда не подпималась до мысли о необходимости освобождения крестьян от крепостного права с наделением их землей.

Такая идея, даже случайно высказанная, была бы встречена крайне враждебно всеми крепостниками из шляхетского сословия. Непрерывные крестьянские активные выступления против феодально-крепостнического угнетения толкали помещиков в сторону постановки крестьянского вопроса и того или иного его разрешения.

В так называемой «Торчинской суплике» 1767 г., написанной от имени крестьян, содержится протест против крепостного права и целая программа крестьянских требований и указывается на необходимость отмены крепостного права в первую очередь.

Если шляхта в своем большинстве стояла на своих крепостнических позициях, то, естественно, сеймовое законодательство не могло сдвинуть с мертвой точки крестьянского вопроса. Даже первый раздел Речи Посполитой ничему не научил настроенную крепостнически шляхту. В 1780 г. сейм провалил Кодекс судебных дел А. Замойского, в котором он скромно предлагал ряд статей, определявших отношения крестьян к помещикам, даже не ставя вопроса об освобождении крестьян от крепостного права. Весь кодекс стоял на защите интересов помещика. Тем не менее опубликование его в сейме вызвало целую бурю со стороны шляхтичей-крепостников. Шляхта категорически высказала свое нежелание рассматривать «подобный закон на каком-либо другом сейме»[1].

Между тем классовая напряженность в деревне не позволяла более дальновидным политикам совершенно отмахнуться от крестьянского вопроса. Поэтому теоретическое обсуждение в публицистике крестьянского вопроса продолжалось, но в то же время не было видно никакого желания рассматривать крестьянский вопрос хотя бы с точки зрения интересов шляхетского государства и угрожавшей ему потери политической независимости. Вождь так называемых «шляхетских демократов» ксендз Гуго Коллонтай признавал возможным предоставление крестьянам личной свободы с согласия помещика при условии выполнения ими лежавших на них повинностей. В случае оставления крестьянином своего земельного участка последний переходил в распоряжение владельца. Даже польские радикалы не считали возможным уничтожить крепостное право. Нет ничего удивительного в том, что конституция 3 мая 1791 г., вносившая известные изменения в государственный строй Польши, сохранила в неприкосновенности крепостное право, лишь обеспечив нерушимость тех договоров, которые заключал помещик с крестьянином в случае предоставления ему земельного участка на чиншевом праве.

---

[1] *A. Swiętochowski*, Historja chłópow polskich, Lwów 1925, t. I, str., 419.

Заключение договора с крестьянином отнюдь не делало его свободным от крепостной зависимости. Положение всей остальной крестьянской массы оставалось без изменения. Шляхетские творцы конституции 3 мая 1791 г., желая обеспечить принятие ее шляхетскими послами, обнаружили удивительную скудость своей политической мысли. И это в то время, когда со всех сторон шли жалобы на бунты и бегство крестьян[1]. Неудивительно, что крестьянство оставалось равнодушным к судьбе своего «отечества» и ответило молчанием на призыв итти в армию для борьбы с царскими войсками за сохранение конституции 3 мая 1791 г.

2

Второй раздел Речи Посполитой (1793) повлек за собой отмену конституции 3 мая 1791 г. и восстановление старого шляхетского государственного строя. Вместе с тем царские войска заняли оставшуюся часть Речи Посполитой; при поддержке Екатерины II к власти вернулись магнаты украинских и белорусских земель, готовые лишиться независимости своей страны, лишь бы держать своих крепостных крестьян в повиновении и сохранить возможность феодально-крепостнического их угнетения. Помещики Волыни и Подолии в связи с завоеванием Россией Черноморского побережья становились экспортерами хлеба на восток через порты Черного моря. Стремление их увеличить производительность и доходность своего хозяйства очень болезненно отражалось на положении крепостных, работавших теперь на помещиков четыре-пять дней в неделю, а иногда и все шесть. При наличии такой громадной эксплуатации были неизбежны крестьянские движения. Помещики-феодалы возлагали все свои надежды на Екатерину II, так как были уверены в том, что она подавит всякое крестьянское восстание, подобно тому как она это сделала в 1768 г. Такой же политики в отношении царизма держались и литовские магнаты во главе с гетманом Коссаковским.

Широкие шляхетские круги и торговая буржуазия стояли на другой точке зрения. Шляхетство было обеспокоено сокращением численности литовской и польской армии, так как известная часть офицерского корпуса, оставаясь без

---

[1] *В. Мякотин*, Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов, Спб. 1889, стр. 212.

службы и заработка, оказалась разоренной (офицерские посты в армии обычно покупались шляхтичами). Шляхтичи надеялись, что реквизиции, постои и штрафы, налагаемые на население русским военным командованием, заставят крестьян Польши, Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины восстать против царской власти. Такие же расчеты возлагались и на крестьянство Восточной Белоруссии. Организаторы восстания находились под сильным влиянием французской буржуазной революции. Они опасались назревания революции в самой Речи Посполитой и полагали, что борьба за восстановление конституции 3 мая 1791 г. отвлечет внимание городских плебейских масс от французской буржуазной революции и побудит их сосредоточить внимание на борьбе за независимость своего отечества. Шляхетско-буржуазные организаторы восстания стремились вовлечь в него крестьянство и городскую плебейскую массу, в то же время оставляя в неприкосновенности крепостное право и не давая политических прав городскому беднейшему населению. Поэтому, разумеется, восстание не могло привлечь к себе крестьянские и плебейские массы.

Восстание в Литве началось в апреле 1794 г. Вильно было захвачено заговорщиками. Часть находившихся в нем русских войск была перебита. Некоторым военным частям удалось благополучно выйти из захваченного повстанцами города. Образовавшееся повстанческое правительство стремилось объединить под своей властью Литву и Западную Белоруссию и одновременно пыталось расширить сферу своего влияния на Минскую губернию и Восточную Белоруссию. В Минскую губернию были отправлены для организации восстания две экспедиции, но обе они потерпели крах. Там на сторону восстания перешла только незначительная группа шляхтичей. Крестьянство оставалось равнодушным к прокламациям литовского правительства. Тщетны были попытки призвать в ряды повстанцев и крестьянство Восточной Белоруссии.

Видя полное равнодушие крепостного крестьянства к восстанию и к борьбе за свободу «отечества», Костюшко в лагере под Поланцем 7 мая 1794 г. опубликовал манифест, который был обращен к крестьянам. Даже тогда, когда решались исторические судьбы Речи Посполитой, шляхта осталась верной своим классовым интересам. Манифест сохранял в неприкосновенности крепостное право и только сокращал барщину на один день. Крестьяне могли оставить своего помещика при условии уплаты всех долгов и налогов.

Помещики игнорировали манифест «начальника восстания», а крестьяне отнеслись к нему «с величайшим равнодушием». Не имея опоры в массах, восстание в Польше и Литве неизбежно должно было окончиться полным крахом. Царские войска 11 сентября 1794 г. взяли штурмом Вильно. Шляхетско-буржуазное восстание в Литве потерпело неудачу. Отдельные повстанческие отряды продолжали кое-где сопротивляться, но в скором времени их сопротивление было сломлено.

После подавления восстания Костюшко Россия, Австрия и Пруссия приступили к дележу оставшейся Речи Посполитой. Россия захватила Литву и Западную Белоруссию. Подляшье осталось за Пруссией. Борьба Екатерины II с участниками восстания совпала с приготовлениями царизма к борьбе против французской буржуазной революции. Но Екатерина II была занята польскими делами и поэтому не могла дать своего согласия на участие русских войск в противореволюционной коалиции феодально-самодержавных государств — Австрии и Пруссии. Екатерина II рассматривала восстание в Польше и Литве как движение, вызванное влиянием французской буржуазной революции. Борьба с восстанием — это была, по мнению Екатерины II, борьба не только «с польскими якобинцами», но с самой французской буржуазной революцией. Так царизм выступил в роли жандарма Европы.

Падение Речи Посполитой имело большие политические последствия. По словам Энгельса, «Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию, а вместе с французской революцией началось движение, против которого бессилен и царизм»[1].

3

Царизм, присоединив к империи Белоруссию в силу акта о первом разделе Речи Посполитой (1773), ставил целью своей политики в отношении Восточной Белоруссии объединение с империей. Основные принципы его политики в отношении Западной Белоруссии и присоединенной Украины оставались те же. Только правительство Екатерины II и Павла I полагало необходимым держаться более осторожной и эластичной политики в отношении шляхты, ибо на политику царизма оказало влияние участие широких шляхетских кругов в вос-

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 16.

стании Костюшко. Наконец, царизм, встав на путь активной борьбы с буржуазной Францией, естественно, стремился сохранить спокойствие в своем тылу. Этим и определилась более мягкая политика Павла I в отношении вновь присоединенных украинских и белорусских земель.

Новые «шляхетные» подданные должны были принести верноподданническую присягу. Не желавшие стать подданными Российской империи могли, распродав свое имущество в течение трех месяцев, уехать за границу. В случае, если владелец имения не успел его продать в назначенный срок, оно конфисковывалось[1]. Во время восстания Костюшко правительство конфисковало имения его участников.

После поражения восстания все участники его поспешили принести требуемую присягу. Конфискованное имущество было им возвращено. После третьего раздела Речи Посполитой принесли присягу все землевладельцы. Поэтому правительство не получило для конфискации нового земельного фонда. В распоряжение правительства поступили лишь старостинские и экономические имения да имения духовных учреждений, руководители которых находились за границей.

После первого раздела Речи Посполитой Екатерина II раздала в Восточной Белоруссии российским дворянам громадное количество земли и крепостных душ. Один Потемкин получил 14 тыс. крепостных. Другие крупные гражданские и военные чиновники получили несколько поменьше. Земельная политика Екатерины II преследовала цель ослабления на местах польского дворянства для создания опоры в лице новых, русских помещиков, на которых правительство сможет опереться при осуществлении своей объединительной политики.

Впрочем, планы царизма потерпели полный крах, так как новые помещики не жили в своих имениях, сами хозяйства не вели или спешили их продать в те же польские руки. Тем не менее и после второго раздела Речи Посполитой Екатерина II проводила ту же политику с теми же результатами. Только нормы раздач были ниже, так как и земельный фонд, который достался правительству, был много меньше по сравнению с земельным фондом, которым правительство располагало после первого раздела Речи Посполитой. После второго раздела Екатерина II успела раздать в Западной Белоруссии и Западной Украине 72 лицам 109 876

---

[1] ПСЗ № 17108, 17264.

душ. После третьего раздела было роздано 26 197 душ. Фондом для раздачи послужили Брестская экономия и имения виленских базилианских монахов[1]. Павел I, по соображениям политического характера, вернул многим из поляков конфискованные у них земли. Другие получили щедрые пожалования. Даже Костюшко получил от Павла земельный подарок. Однако польские историки замалчивали этот факт. Вождь восстания не отказался от подаренного ему имения. Он только просил у правительства разрешения его продать, чтобы иметь средства выехать за границу. Несколько позже, при Александре I, Костюшко вернул вырученные от продажи имения деньги.

Преследуя объединительные цели, правительство Екатерины ввело общегубернское административное деление. Присоединенные по второму разделу Речи Посполитой земли были разделены на три губернии: Минскую, Изяславскую и Брацлавскую[2]. Это первопачальное административное деление недолго удержалось. 1 мая 1795 г. были вновь образованы три губернии: Волынская, Брацлавская и Подольская[3]. Что касается земель, отошедших к империи после третьего раздела, то указом 14 декабря 1795 г. они были разделены на две губернии: Виленскую и Слонимскую[4]. При Павле I вновь было изменено административное деление Западной Белоруссии и Правобережной Украины. Виленская и Слонимская губернии указом 12 января 1796 г. были объединены в одну, Литовскую, губернию[5]. Минская губерния была сохранена, а Правобережная Украина разделена на новые губернии — Киевскую, Волынскую и Подольскую[6]. При Александре I указом 9 сентября 1801 г. Литовская губерния вновь разделена на две губернии — Виленскую и Гродненскую[7].

Наконец, часть Западной Белоруссии — Подляшье—15 октября 1807 г., по Тильзитскому договору, была присоединена к империи[8] и выделена в отдельную административную единицу, в Белостокскую область. Указом 18 декабря 1842 г. было введено новое административное деление: Белостокская область присоединена к Гродненской губернии, из Ви-

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. XVI, стр. 282.
[2] ПСЗ № 17090.
[3] Там же, № 17323.
[4] Там же, № 17418.
[5] Там же, № 17632.
[6] Там же.
[7] Там же, № 20004.
[8] Там же, № 22647.

лепской губернии выделена территория с преобладающим литовским населением и вновь учреждена Ковенская губерния[1]. Во всех губерниях были введены губернские учреждения на основе закона 7 ноября 1775 г. Впрочем, Екатерина II была вынуждена сохранить действовавшие шляхетские суды: земский — по делам гражданским, городской — по делам уголовным, и подкоморский — по межевым делам. Была сохранена высшая апелляционная инстанция — Главный литовский трибунал — под именем Главного литовского суда[2] с апелляцией на решение Главного суда в Сенат. Екатерина II оставила в действии как старое шляхетское право, кодифицированное в виде Литовского статута, так и делопроизводство на польском языке. Вместе с тем был сохранен и суд магистрата, в компетенцию которого входили уголовные и гражданские дела городского населения. Павел I подтвердил все распоряжения правительства Екатерины II[3].

Екатерина II распространила действие «Жалованной грамоты дворянству» только на тех польских землевладельцев, дворянское происхождение которых не вызывало никаких сомнений. Остальные шляхтичи были обязаны представить документы, которые подтверждали бы их право пользования дворянским званием, чтобы «впредь без высочайшей воли никто себя тем достоинством не почитал, и потому бы принадлежащим только дворянству правом, кроме действительных дворян, никто не мог пользоваться»[4]. Такое же правительственное распоряжение было опубликовано 12 сентября 1772 г. в отношении дворянства Восточной Белоруссии. Оно оставалось имеющим силу и для Западной Белоруссии и для Правобережной Украины. Екатерина II указом 3 мая 1795 г. предписывала местной администрации «в том держаться точной силы узаконений, изображенных ясно в Жалованной нашей грамоте российскому дворянству»[5].

Лишение широких шляхетских масс, большей частью безземельных, дворянских прав вызвало вновь большую тревогу, и Павел I поспешил успокоить возбужденное шляхетство. Указом 19 марта 1800 г. к дворянским выборам допускались и беспоместные шляхтичи. Впрочем, этот указ недолго сохранял свою силу. Шляхта очень буйно вела себя на дворянских сеймиках. Польское дворянство было крайне раздра-

---

[1] ПСЗ № 16347.
[2] Там же, № 17264.
[3] Там же, № 18147, 18850-в.
[4] Там же, № 13865.
[5] Там же, № 17327.

жено участием шляхетской беспорядочной толпы на сеймиках. Александр I, идя навстречу его пожеланиям, опубликовал 8 июня 1802 г. новый указ, согласно которому к участию в дворянских сеймиках и выборах допускались только лица, уплатившие в казну налог, известный под названием «офяры», арендаторы земель и лица, владевшие не менее десяти лет имением по закладу или пожизненно[1]. Оставляя за местным дворянством право выбора должностных лиц в судебные и дворянские учреждения, правительство в то же время лишило дворянство права избирать капитана-исправника, главу полиции в уезде. Для большего контроля над положением в уездах исправники согласно указу Павла I назначались правительством[2]. Впрочем, последнее законодательное распоряжение имело второстепенное значение, так как должность капитана-исправника замещалась лицами польского дворянского происхождения. Несмотря на некоторое отклонение политики Павла I от общего характера мероприятий Екатерины, в основном политика царизма в Западной Белоруссии и Правобережной Украине оставалась без перемен. Царизм стремился примирить польское дворянство с общеимперской властью и при его поддержке осуществлять намеченную правительством политику объединения Западной Белоруссии и Правобережной Украины с империей.

Шляхта Правобережной Украины и Западной Белоруссии отправила депутацию в Москву на коронацию Павла I. При выборе делегации минские шляхтичи предлагали потребовать от Павла I, чтобы все русские должностные лица были удалены с территории Литвы, чтобы не было русской администрации, войска, чтобы католическая вера оставалась в неприкосновенности, судопроизводство велось на польском языке и было сохранено литовско-польское право. Минская шляхта намеревалась согласовать свое выступление с виленской шляхтой. Впрочем, минская петиция не была представлена Павлу I, так как еще до отъезда делегации в Москву губернский маршал Ксаверий Хоминьский был арестован, но скоро был освобожден. Была составлена другая петиция, более скромная по высказанным в ней пожеланиям.

Минская шляхта ходатайствовала о сохранении прежних судов с отдельным апелляционным трибуналом, о невмешательстве администрации в судебные дела, о выдаче архивов, о прекращении своеволия войска, о выдаче вознаграждения

---

[1] ПСЗ № 20288.

[2] Там же, № 18135.

за взимание фуража, о льготе, податях, о религиозной терпимости. В таком же духе составлена петиция от шляхты Брацлавской губернии, просившей о неприкосновенности католического и униатского вероисповеданий, о сохранении польского языка в судопроизводстве и восстановлении закрытых школ, об охране личности и имущества от разбоев, о возвращении конфискованного имущества его собственникам и возврате на родину лиц, увезенных внутрь империи, уменьшении гербового налога, облегчении почтовой повинности[1].

При всей внешней умеренности высказанных в петиции пожеланий шляхта в сущности отнеслась отрицательно к политике царизма в Западной Белоруссии.

Недовольная политикой Павла I, шляхта стала составлять тайные общества, по примеру литовской тайной организации (1797). Такие конспиративные организации возникали и на Волыни. Организаторы тайных обществ ставили себе целью оказание помощи польским легионам во Франции и вербовку офицеров для службы в легионах. Впрочем, эти общества были скоро раскрыты. Участники их подверглись разным наказаниям и ссылке на поселение. Если шляхта и была недовольна объединительной политикой царизма, то его политика в отношении крепостного крестьянства вызывала в ней полное удовлетворение. Крепостное право оставалось неприкосновенным. С распространением на местное дворянство общероссийских привилегий увеличился объем власти помещика над крестьянами. Помещики приобрели право ссылать своих крестьян в Сибирь, на каторгу и поселение. В связи с введением рекрутской повинности широко практиковалась продажа крестьян в рекруты. Русские помещики переводили своих крестьян из Белоруссии в свои русские имения. Крестьян стали вывозить массами для продажи и на ярмарку в Нижний Новгород. С введением общеимперского податного обложения крестьяне были обложены подушной податью. Помещичьи крестьяне уплачивали 70 коп. с души, а старостинские и экономические — 1 р. 20 к. с души. Помимо этого, на крестьян падала подать за право свободного винокурения и отправление разных земских повинностей, как содержание почты, постройка дорог. Тяжесть уплаты крестьянами подушной подати увеличивалась еще оттого, что при подушной подати в размере

---

[1] *H. Mościcki*, Dziejie porozbiorowe Litwy i Rusi, t. I (1772—1800), Wilno 1913, str. 409—441.

1 руб. в 1795 г. 30 коп. собиралось в натуре. Хлебный оброк в случае неурожая мог быть заменен деньгами[1].

От уплаты подушной было свободно лишь дворянство да купцы, которым согласно закону 17 марта 1775 г. подушная подать была заменена уплатой 1% с добровольно объявленного капитала. Новая податная система была введена правительством не сразу. Подушный сбор в Западной Белоруссии и Литве указом 8 августа 1796 г. был введен только с января 1797 г.[2], а в Правобережной Украине и Минщине с 1 января 1795 г.[3].

К моменту разделов Речи Посполитой на ее территории находилось немало беглого крепостного крестьянства из соседних губерний. Русские помещики, разумеется, надеялись вернуть обратно к себе в имения убежавших крестьян, но надежды русских крепостников не осуществились. Царизм не решился потребовать от польских помещиков выдачи русским помещикам беглых крепостных, так как уменьшение количества рабочих рук в имениях польских помещиков[4] вызвало бы в их среде большое недовольство.

Введение общеимперского податного обложения было встречено помещиками с большим раздражением, поскольку они опасались, при бедности крестьянства, уменьшения своих доходов. Но в общем политика царизма в отношении крестьян вполне отвечала классовым интересам польских феодалов. Крепостное и старостинское крестьянство не почувствовало никакого облегчения и свой протест выражало бегством на восток в степную Украину или к польским помещикам, которые обещали некоторые льготы в отношении повинностей. На помощь пострадавшим помещикам приходила губернская администрация. Так, минский губернатор Неплюев запретил приглашать беглых как «тутейших», так и других российских губерний без письменных документов от их помещиков. Виновные в нарушении этого закона подлежали ответственности по всей строгости законов[5].

Екатерина II сначала оставила евреев «при всех тех свободах, кои они ныне в рассуждении закона и имуществ своих

---

[1] *Н. Чечулин*, Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, Спб. 1906, стр. 122—126; ПСЗ № 14275, п. 117, ПСЗ, № 17316.

[2] ПСЗ № 17495.

[3] Там же.

[4] Там же, № 23163.

[5] Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при имп. Екатерине II, Вильно 1903, стр. 192.

пользуются»[1]. В действительности это означало, что Екатерина II узаконяла кагальную организацию евреев с господством богатой еврейской прослойки, от которой еврейская беднота находилась в полной зависимости.

В 1794 г. Екатерина II ввела для евреев черту оседлости, в которую входила территория Правобережной Украины и всей Белоруссии. Правда, евреям разрешалось записываться в купечество и мещанство, но с тем условием, чтобы они платили установленные подати «вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий». Если же кто из евреев не желал остаться в черте оседлости, то по уплате трехлетней двойной подати мог выехать за границу[2]. Кагальная организация представляла много удобств для реализации правительством своей податной политики, поскольку кагал нес юридическую и материальную ответственность за своевременную уплату евреями подушной подати.

Юридическое положение города и городского населения оставалось без изменения. Город сохранил свои прежние права и привилегии. С введением в действие «Жалованной грамоты городам 21 апреля 1785 г.» городское управление было организовано по-новому. Введенное в городах «Ремесленное положение» сохранило цеховую организацию ремесленников, но при этом уничтожило замкнутость цехов и все те ограничительные условия, которые затрудняли подмастерьям приобрести звание мастера.

Царскому правительству приходилось проводить очень осторожную политику в отношении католичества, поскольку господствующий класс принадлежал к католическому вероисповеданию. Екатерина II в своей политике в отношении католичества руководилась двумя соображениями. С одной стороны, католическая церковь сохраняла свободу отправления религиозного культа римско-католиков «на вечные времена — при свободном отправлении их богослужения и церковного порядка и при всех прав к оному принадлежащих»[3].

С другой стороны, Екатерина II стремилась подчинить католическую церковь и поставить ее в полную зависимость от государства. Учредив белорусское католическое епископ-

---

[1] ПСЗ № 17108.
[2] Там же, № 17224.
[3] Там же, № 17141.

ство (1773)[1], реорганизованное в 1782 г. в архиепископство[2], Екатерина конфисковала все духовные «маетности», а на содержание епископа с консисторией были отпущены средства из казны[3]. Наконец, без согласия правительства не могли быть опубликованы папские буллы. Также была организована католическая церковь в западноукраинских и западнобелорусских землях, приобретенных в 1793 и 1795 гг., после второго и третьего разделов, с той лишь разницей, что монастыри и церковные учреждения пока сохраняли право владеть населенными землями[4]. Вместе с тем Екатерина II оставила в империи орден иезуитов, закрытый в 1773 г. буллой папы Климента XIV. Указом 13 января 1774 г. имения иезуитов были освобождены от подушной подати и других казенных налогов. За иезуитами было сохранено право обучения юношества.

Павел I продолжал политику Екатерины II в отношении римско-католического вероисповедания, и 3 ноября 1798 г. им был утвержден «Регламент для церквей и монастырей римско-католического вероисповедания»[5] с возведением католического архиепископа в сан митрополита[6]. При Александре I хотя и было восстановлено указом 13 ноября 1801 г. «церковное духовное правление», но римско-католическая церковь не вернула себе свободы действий и права непосредственных сношений с папским двором[7].

Екатерина II видела в унии серьезное политическое препятствие к объединению Белоруссии и Украины с империей. Сначала Екатерина указом 14 декабря 1773 г. предложила белорусскому генерал-губернатору опубликовать манифест, которым запрещались «тайно и явно преклонять и обращать православных в другой закон с угрожением взыскания по законам». Более решительной была политика Екатерины в отношении униатов после второго раздела Речи Посполитой. Она предложила генерал-губернатору Т. И. Тутолмину следить за тем, чтобы никто «не дерзал» препятствовать минскому архиепископу Виктору в его действиях «к удобнейшему искоренению унии...» Враждебные действия будут рассматриваться, как «покушение, направленное против господ-

---

[1] ПСЗ № 13922.
[2] Там же, № 15326.
[3] Там же, № 14073.
[4] Там же, № 17380.
[5] Там же, № 18734.
[6] Там же, № 18892.
[7] Там же, № 20053.

ствующей веры... уголовное преступление, подлежащее суду и влекущее секвестр имения до окончания дела»[1].

Ища опоры в католической церкви, Павел I подчинил управление униатской церковью Римско-католической духовной коллегии. Поэтому религиозная политика Павла I открывала широкий простор католической агрессии, направленной против православного и даже против униатского крестьянства. Феодально-крепостническая эксплуатация, усиленная действиями польско-католической церкви, создавала невыносимые условия жизни для белорусского и украинского крестьянства. Покровительствуя иезуитам, Павел I значительно укрепил положение римско-католической церкви в Белоруссии и Украине и во многом содействовал полонизации населения. Некоторое сближение с польским дворянством осуществлялось Павлом I за счет белорусского и украинского крестьянства, вновь очутившегося под ударом польско-католической агрессии.

4

В связи с походом Наполеона в Россию польские магнаты Литвы и Западной Белоруссии провозгласили независимость великого княжества Литовского под его протекторатом[2].

Временное правительство, созданное приказом Наполеона 6 июля 1812 г., обратилось с воззванием к крестьянскому населению[3], которое при вступлении «великой армии» в пределы Западной Белоруссии и Литвы убежало в леса с семьями и домашним скарбом. Помещики остались без рабочих рук, а временное правительство было лишено возможности собрать нужное ему количество рекрутов. В воззвании 6 июля правительство указывало, что «все крестьяне, жители местечек и деревень, оставившие при проходе войск свои дома, обязаны вернуться в оные и приступить к исполнению своих земледельческих работ и повинностей». Правительство провозглашало незыблемость крепостного права и существующего порядка отбывания крестьянами своих повинностей. Правительство угрожало сельскому населению всякими наказаниями, если оно будет «выполнять свои обязанности дурно».

---

[1] ПСЗ № 13922, 17199.

[2] Сборник Русского исторического общества, Спб. 1909, т. 128, стр. 133—137.

[3] Там же, док. № 40.

Наконец, 7 июля правительство обратилось с воззванием к помещикам-землевладельцам с предложением «оставаться в своих домах и собрать разбежавшихся жителей, внушая им, сколь необходимо заниматься земледелием, отправлять предписанные договором повинности», так как только «соблюдением порядка, повиновением и исполнением своих обязанностей они смогут достигнуть желаемого благоденствия».

Обращаясь к духовенству, правительство просило его воздействовать на крестьянство духовными средствами и побудить его «немедленно возобновить постоянное отправление обыкновенных дворовых повинностей», ибо в этом — залог довольствия и благосостояния самих крестьян. Правительственные воззвания интересны только в одном отношении. Они свидетельствовали о намерении землевладельцев укрепить свое положение за счет эксплуатации крепостного крестьянства. Расчеты правительства не оправдались. Крепостное крестьянство было глухим и немым к правительственным воззваниям и не собиралось возвращаться в свои дома для работы на помещиков.

Крестьянство отнеслось отрицательно к политике временного литовского правительства, отказалось платить новые налоги, поставлять рекрутов, подводы и продовольствие. Вся его тактика разрушала планы Наполеона и временного литовского правительства.

Положение Западной Белоруссии и Литвы под пятою оккупантов было очень тяжелым. Проходившие войска чувствовали себя как в завоеванной стране и грабили крестьян и помещиков. Французское военное командование предъявляло к населению все бóльшие и бóльшие требования, которые были совсем невыполнимы. Отступление дезорганизованной «великой армии» сопровождалось грабежом всего, что попадалось под руку. Горели крестьянские деревни, помещичьи усадьбы. Помещики, встретившие приход «великой армии» с восторгом, провожали ее с ненавистью. Ценой полного своего разорения они расплачивались за те надежды, которые возлагали на своего «освободителя» Наполеона. Отношение крестьянства к «великой армии» было сначала выжидательным. Да и сам Наполеон одно время рассчитывал найти опору в крестьянстве. Один из многочисленных французских шпионов сообщал Наполеону свои наблюдения над крестьянством Белоруссии и Литвы: «Наполеон, по его словам, может рассчитывать на крестьянство, которое будет расположено стать на сторону французской победоносной армии, потому что

они также мечтают о свободе и слишком познали свое рабство, которое очень жестоко».

Еще до начала франко-русской войны среди крестьянства и дворовых распространились слухи о том, что в случае покорения России Наполеоном все будут вольными. Конечно, крестьяне не знали, что Наполеон, душитель французской буржуазной революции, не может быть подлинным освободителем народа от крепостного состояния.

Надежды, возлагавшиеся крестьянством на Наполеона, рассеялись, как только французская армия вступила на территорию Литвы и Белоруссии. Захватническая война не могла принести свободу угнетаемому крестьянству. Она могла только ухудшить его положение. Крестьянство скоро убедилось в том, что Наполеон на стороне помещиков. Наполеон не только не собирался предоставить крестьянам личную свободу, по примеру Варшавского герцогства, а, наоборот, старался использовать силы своей армии против крестьянства, не желавшего повиноваться своим помещикам.

Наполеон и временное правительство потребовали от крестьянства великих материальных жертв, которые оно не могло принести за отсутствием материальных ресурсов. Но крестьянство и не желало их приносить, оно восстало против помещиков, начало борьбу с покровителем и заступником дворянских интересов. Продвижение Наполеона по Литве и Белоруссии в глубь России сопровождалось борьбой партизанских отрядов с отрядами «великой армии». Крестьяне при приближении частей армии Наполеона отказывались работать на помещика и уходили целыми деревнями со всем своим скарбом в глухие леса.

Все увещевания временного правительства Литвы вернуться домой к своим занятиям и повинностям не дали желательных результатов. Вопреки призывам временного правительства крестьяне сорвали рекрутский набор в Белоруссии. Крестьянская масса не ограничивалась только одним пассивным сопротивлением. Она становилась на путь активной борьбы против французов и помещиков. Иногда она соединялась с дезертирами «великой армии» и уничтожала помещичьи усадьбы. Французам приходилось двигаться в условиях плохо обеспеченного тыла и распылять свои силы для борьбы с отдельными крестьянскими отрядами. Наиболее значительным было крестьянское движение в Минском департаменте, в Витебской и Могилевской губерниях. Грабежи, убийства экономов и арендаторов, поджоги усадеб были обычной формой протеста. Иногда кре-

стьяпе грабили помещичьи хлебные амбары и забирали с собой весь хлеб, жгли помещичьи дома. Такого рода форма крестьянского движения получила особенное распространение в Минском департаменте. Военное командование в конце августа использовало военные отряды для подавления крестьянских выступлений.

Минский военный губернатор Броникоѵский назначил для борьбы с крестьянским движением особых плац-комендантов с предоставлением в их распоряжение военной силы. Согласно его распоряжению, если в какой-нибудь местности «крестьяне оказывались бы нерадивыми и непослушными в исполнении повинностей, обычно практиковавшихся в крае, то обыватели должны были обратиться за помощью к плац-комендантам». Но и военная сила не могла заставить крестьянство вернуться к послушанию. Аналогичные явления имели место в Витебской губернии. Крестьяне местечка Бешенковичотказывались повиноваться помещику и не слушали увещеваний местной администрации. В другом имении из-за рекрутского набора крестьяне разгромили господскую усадьбу, отняли 500 руб., разграбили 2 400 ведер вина, избили господскую администрацию. Крестьянское движение, возникшее, согласно официальному объяснению, «по внушениям необузданной вольности», охватило многие уезды Витебской губернии.

Записки современников сообщают [1], что «белорусские помещики и могилевский архиерей просили правительство французское, дабы повелено было крестьянам быть послушными своим помещикам, а для отвращения грабительства, чинимого проходившими французскими и польскими войсками, дать польских солдат вместо охранителей и были даны и назывались залогами, проживали по фольваркам и загородным домам, и действительно были защитой от грабежей и крестьян привели в послушание и повиновение своим помещикам». Эти сведения подтвердил и другой современник, отметивший, что поставленная «охрана» сыграла большую роль в усмирении крестьянства. Так, разные источники свидетельствовали о борьбе крестьян против помещиков. Вообще, разгар крестьянских выступлений падал на август—время усиленных продовольственных реквизиций и большого развития мародерства на территории Белоруссии и Литвы.

Борьба крестьян против помещиков ослабила тыл французов. Марионеточные власти в Белоруссии и Литве были не

---

[1] Археографический сборник документов, т. II, стр. XXXIV—XXXV.

в силах выполнять бескопечные требования французских властей — дать продовольствие армии. Все их просьбы, увещевания и угрозы не производили на крестьянство никакого впечатления. Временное правительство в Литве было вынуждено предложить помещикам немедленно разобрать «жалобы об обидах, причиняемых крестьянам требованием повинностей сверх положенного или отказом им в помощи, взыскивая с виновных вознаграждение в пользу обиженных». Но и это не помогало. Крестьяне оставались в лесах; урожай оставался неубранным, на что обратил свое внимание и Наполеон.

В Минском департаменте для уборки урожая были использованы даже военные отряды. Крестьянство Литвы и Белоруссии было солидарно в своей классовой ненависти к помещикам и к оккупационным властям. Марионеточным правительствам оставалось только одно — констатировать бессилие всех своих попыток вернуть крестьянство к послушанию. Началось отступление «великой армии». По разоренной и опустошенной Белоруссии возвращались домой остатки войска Наполеона. Весь их обратный путь сопровождался нападением партизанских отрядов белорусских и литовских крестьян. Они уничтожали отдельные части французской армии, которая во время своего отступления грабила все, что попадалось под руку. Отказываясь повиноваться своим помещикам, уходя в леса, не доступные французским войскам, скрывая продовольствие и нападая на отставшие части «великой армии», крестьяне сорвали с самого начала заготовительную продовольственную политику временного правительства. Они ослабили тыл армии и отвлекли значительные военные части, оставленные для защиты помещиков. Своими действиями, своей борьбой против помещиков они подготавливали почву для разгрома «великой армии» русским народом.

5

В силу акта Венского конгресса 1815 г. было образовано Царство Польское и объединено с Российской империей на правах личной унии. Польская шляхта видела в Царстве Польском ядро будущей, восстановленной «от моря и до моря», Польши и в первую очередь хотела добиться от Александра I присоединения к ней украинских и белорусских губерний. Неудовлетворение Александром I и его преемником, Николаем I, политических планов шляхетства, а также общий реакционный курс политики царского правительства

в Царстве Польском вызвали, под непосредственным влиянием революционных событий 1830 г. во Франции и Бельгии, восстание 1830 г., которое охватило украинские и белорусские земли.

Восставшая шляхта пыталась привлечь на свою сторону украинское и белорусское крестьянство. Последнее, продолжая свою вековую борьбу с панской Польшей, не только не поддержало восставших польских шляхтичей, но, наоборот, помогало царским генералам ловить их. Шляхетство расплатилось проигрышем восстания за свое вековое угнетение крестьянства, стремление его денационализировать. Сохранив свою культуру, народность и язык, объединившись с русским народом, крестьянство окрепло и вместе с русским народом стало штурмовать своих помещиков. Царская власть охраняла интересы помещиков и подавляла крестьянские движения. Поскольку оставалась в неприкосновенности система феодально-крепостнического угнетения, постольку крестьянское движение, убийства помещиков и их управляющих, бегство от помещиков были неизбежны.

Особенно значительно было крестьянское движение в 20—30-х годах XIX в. на Украине и в Подолии, где крестьянство во главе с Устимом Кармелюком вело жестокую партизанскую борьбу со своими помещиками. Из-за предательства шляхтича Рутковского Кармелюк 10 октября 1835 г. был убит. Следственная комиссия констатировала тысячу нападений на помещиков и притянула к суду 2 700 человек. Всего на протяжении 25 лет в борьбе Кармелюка с панами принимало участие до 20 тыс. крестьян.

С захватом Австрией Галицкой Руси (1772) польское землевладение осталось неприкосновенным. Положение крепостного крестьянства стало тяжелее. Паны получили право подвергать своих крестьян телесным наказаниям. Помещики, ввиду увеличения спроса на сельскохозяйственное сырье, расширили свою запашку за счет земли, отнятой у крестьян. Отдельные крупные помещики становились на путь интенсификации сельского хозяйства и уже признавали необходимость освобождения крестьян за выкуп, но основная масса мелких и средних землевладельцев крепко держалась за крепостное право и крепостное хозяйство.

Ответом на феодально-крепостническую эксплуатацию были крестьянские движения 1819, 1824, 1832 гг. Особенно значительно по размерам было восстание 1846 г.

1845 год был неурожайным. Помещики проводили массовое округление своих земель. От уничтожения чересполо-

сицы страдали, разумеется, крестьяне, у которых отбирали их земли. Восстание крестьян 1846 г. было расплатой за вековое угнетение галицийского сельского населения. Восстание охватило Восточную Галицию. Во главе восстания стоял Яков Шель, в отдельных районах действовали свои вожди: Корига, Стемпак, Япоха, Вохола, подчинявшиеся Шелю. Восстание было подавлено, но его отголоски чувствовались еще в 1847 г. Результатом восстания, подавленного военной силой, была отмена барщины и других повинностей на помещика (15 мая 1848 г.).

В 1863 г. вспыхнуло очередное восстание в Польше, перекинувшееся в Белоруссию и на Украину. В нем приняло большое участие крестьянство, которое направило свой гнев и свою ненависть не только против самодержавия, но и против польских панов, владевших на белорусской и украинской территориях громадными латифундиями.

Так белорусский и украинский народы в течение многих столетий вели упорную борьбу против феодально-крепостнического гнета, выступали против своих классовых врагов — помещиков. Крестьянская борьба не могла окончиться успешно, ибо «крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»[1], — говорит товарищ Сталин.

Только Великая Октябрьская Социалистическая революция принесла освобождение русским, украинским и белорусским народным массам от гнета помещиков и капиталистов.

6

Украинский народ в XIX в. оказался разделенным. Галицкая Русь подпала под власть феодальной Австрии, а Правобережная Украина, воссоединившись с Левобережной, находилась под пятой феодальной царской России. И тем не менее оба народа, находясь в политическом и культурном разобщении, внесли очень много в общую сокровищницу украинской культуры. В 1784 г. во Львове австрийским правительством был открыт университет. Преподавание в нем велось на немецком языке, а на богословском факультете — на латинском. С 1787 г. на факультетах богословском и фи-

---

[1] *Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 9.

лософском лекции читались на тогдашнем украинском книжном языке, но с 1817 г. преподавание на этом языке прекратилось. Только в 1848 г. в университете была учреждена кафедра украинского языка и литературы, которую занимал крупный исследователь Яков Головацкий. В 1871г. было отменено преподавание на немецком языке. Преподавание могло вестись на польском или украинском языке, но так как украинцы не имели подготовленных кадров, то в университете господствовали поляки.

В дальнейшем во Львовском университете была учреждена кафедра истории Украины и украинского права. Но студенты-украинцы вынуждены были покидать университет, так как поляки создали для них очень тяжелую обстановку и часто вызывали стычки и драки между студентами-поляками и украинцами.

Украинские ученые, лишенные возможности преподавания во Львовском университете, основали «Науковое товариство імени Шевченко», открытое в 1873 г. и превратившееся в неофициальную Академию наук. Научное товарищество много сделало для развития украинской науки — истории Украины, истории права, литературы, этнографии. Без трудов этого общества историку Украины обойтись невозможно. В обществе принимали участие украинские ученые из России, поскольку до 1905 г. царским правительством было запрещено печатать книги на украинском языке. Общество выпускало свои «Записки» по нескольку книжек в год, тома «Этнографических материалов», «Сборники историко-философской секции», «Источники по истории Украины», «Памятники по истории украинской литературы и языка», «Украинский архив» и др. Общество также выпускало литературно-художественный журнал «Літературно-науковый вістнік», «Зорька», издавало учебники и пособия для средней школы. Оно внесло не малый вклад в украинскую науку, объединило вокруг себя буржуазно-демократическую интеллигенцию и сумело организовать громадную библиотеку, в которой собрана «украиника» на иностранных языках. При обществе имелся архив, собрание старопечатных книг, историко-археологический музей. Общество в основном содержалось на частные средства, на доходы от продажи изданий, членские взносы и т. д. Украинская художественная литература начала развиваться в начале XIX в., но на своем пути она встречала столько цензурных рогаток, что до революции 1848 г. ее развитие медленно двигалось вперед. Новая художественная литература развивалась под непосредственным

влиянием украинского поэта-революционера Т. Г. Шевченко. Вместе с ним вошли в литературу революционно-освободительные мотивы. Ярким представителем революционно-демократической литературы был Иван Франко, сын крестьянина, борец за национальное и социальное освобождение украинского народа. Под его влиянием на дорогу литературно-художественного творчества вышла целая плеяда революционно-демократической интеллигенции.

Украинские писатели приблизили литературный язык к жизни, обогатили его местными народными оборотами, черпая их из сокровищницы народного творчества —фольклора. В борьбе за национальное возрождение против гнета польской шляхты украинское население Галичины проявило много воли. Польское землевладение не только экономически, но и культурно стремилось подчинить себе украинское население Галичины. Оно не признавало за ним права на национальное самоопределение, отрицало украинскую культуру и ставило всевозможные препятствия ее развитию в Галичине. Стремление польской шляхты подчинить население своим интересам не увенчалось успехом. Вопреки всем ухищрениям польской шляхты украинский народ не подчинялся польскому культурному давлению.

Галичина покрылась густой сетью филиалов львовского просветительного общества, известного под именем «Просвіти». Ведя полуголодное существование, народ отдавал свою скромную денежную лепту на открытие украинских школ, читален и библиотек, которые в руках народа были основным средством борьбы против попыток полонизовать украинский народ. Издания «Просвіти» — дешевой библиотеки украинских писателей, знакомя украинское население с замечательными произведениями художественной литературы, расширяя умственный кругозор украинского населения, укрепляли его в борьбе против панского засилья и денационализаторской политики польской шляхты.

Как в XVI—XVII вв. украинское население Галичины, сплотившись вокруг братств, дало надлежащий отпор польско-католической агрессии, так и в XIX в. польская агрессия не увенчалась успехом.

В Западной Белоруссии развитие белорусского языка и белорусской художественной литературы началось в условиях национального и социально-экономического гнета, с появлением белорусской «Энеиды», находившейся в известной связи с украинской «Энеидой» Ивана Котляревского, которая была напечатана в 1798 г. в Петербурге. Перевод

получил широкое распространение в многочисленных списках. Из среды «простых» людей вышел Павлюк Бахрым, крестьянин Слуцкого повета Минской губернии, родившийся в 1814 г. Он принимал участие в «бунте» крестьян своего села, Крошына, за что был выслан царским правительством в Сибирь. Этот народный поэт-самородок выступал в своих песнях поэтом-революционером, изображавшим в художественных образах тяжелую жизнь крестьянства во времена крепостного права. Ссылка в Сибирь приостановила развитие художественного дарования поэта-революционера. Песни Бахрыма проникли в самую гущу народа и были боевым кличем в его борьбе против крепостного права, против панщины. В конце 30-х годов неизвестный автор написал поэму «Тарас на Парнасе», также получившую широкое распространение в многочисленных рукописных списках. Язык поэмы — народный. Она написана образованным человеком, который в классической форме стремился изобразить жизнь белорусского крестьянина.

После подавления польского восстания 1831 г. в Белоруссии, в котором белорусское крестьянство заняло враждебное отношение к польским панам, польские писатели, находясь за границей в эмиграции, выпустили ряд произведений на белорусском языке. Стремление творить на белорусском языке отнюдь не было вызвано любовью к белорусскому народу и его культуре. Поляки, писавшие на белорусском языке, рассматривали Белоруссию как неразделыную часть Польши. В своих произведениях они оставались шляхтичами, не поняв уроков восстания 1831 г., и в своем творчестве не поднялись до постановки вопроса об отмене крепостного права и наделении крестьян землей. К таким белорусским писателям-шляхтичам относятся Александр Рыпинский, Ян Чачот (1797—1847), Ян Борщевский (1791—1851). Все они были католики-шляхтичи, идеализировавшие жизнь крепостного крестьянина под польским гнетом. На этой же точке зрения стоял и Павел Шпилевский (1827—1841), собиравший белорусские слова, песни, присказки и другие виды народной словесности. Белоруссов он называл «кривичами», для того чтобы показать, что они не имеют ничего общего с русским народом. Шпилевский опубликовал ряд этнографическо-беллетристических произведений. Он описывал ярмарки, игрища, гадания, суеверия, похороны, поминки и пр.

Польское восстание 1863 г. вызвало опубликование ряда прокламаций и брошюр на белорусском языке. Во время восстания издавался журнал на белорусском языке «Мужицкая

правда». Журнал выпускался руководителем восстания Кастусем Калиновским, который выдвигал требования раздела поместий между крестьянами, Крестьяне во время восстания направили свой удар против польских панов. К эпохе после восстания относится и литературная деятельность К. Дунина-Марцинкевича (1807—1884). Объектом его творчества является белорусская деревня (в шляхетском аспекте). Он полагал, что нет никаких классовых противоречий между крестьянином и паном-крепостником. Все произведения поляков, писавших на белорусском языке и связанных с польским восстанием 1863 г., проникнуты польским националистическим патриотизмом.

Отмена крепостного права и поражение польского восстания 1863 г., развитие капитализма в России и национально-революционные движения в Западной Европе были факторами, под влиянием которых развивалась народническая литература на белорусском языке, особенно ярко представленная Ф. Богушевичем, писавшим под псевдонимом Мацей Бурачек (1840—1900). Все эти писатели-народники были поляки по национальности, представители польской разночинной интеллигенции. Поражение польского восстания 1863 г. заставило их обратиться к белорусскому мужику, к его быту, языку и культуре. В своих произведениях Богушевич выступал как сторонник национального возрождения белорусов, которое стремился оправдать историческими, этнографическими и психологическими соображениями. В своих произведениях он отражал идейные стремления мелкой буржуазии.

Традиции Богушевича продолжали в литературе Ян Неслуховский (1854—1897), писавший под псевдонимом Янки Лучыны, и Александр Пачолка.

Новый период в развитии художественной литературы на белорусском языке был связан с буржуазно-демократической революцией 1905 г., временно освободившей белорусский язык от цензурных запретов. Революция 1905 г. послужила могучим толчком к национально-культурному развитию. Целая плеяда белорусов-писателей, крестьян по социальной принадлежности, выступила на широкую дорогу борьбы за возрождение белорусского народа и за развитие белорусской литературы. Все они группировались вокруг «Белорусской социалистической громады», основанной в Вильно, и вокруг журнала «Наша ніва», первый номер которого вышел в Вильно 23 ноября 1906 г. Крупнейшими представителями белорусской литературы периода «Нашей нивы» были народный учитель

Константин Мицкевич, с псевдонимом Якуба Коласа в поэзии и Тараса Гущи в прозе, и Ян Луцевич, сын бедняка-крестьянина, с псевдонимом Янки Купала, развернувшие свое художественное дарование только после Великой Октябрьской Социалистической революции, которая открыла перед белорусскими писателями широчайшие перспективы.

Удостоенные в Советском Союзе звания народных поэтов, Янка Купала и Якуб Колас обогатили белорусскую художественную литературу замечательнейшими произведениями. Они приняли самое деятельное участие в строительстве белорусской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА И ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ

После окончания первой империалистической войны англо-французские империалисты создали панскую Польшу как форпост в борьбе против молодой советской республики. Польские паны при непосредственной поддержке Антанты организовали поход на молодую советскую республику, но доблестная Красная Армия прогнала панов с советской земли.

Польский натиск на Советскую Белоруссию и Советскую Украину сопровождался наступлением Врангеля на юге. «По выражению Ленина, панская Польша и Врангель — это были две руки международного империализма, пытавшегося задушить Советскую страну.

У поляков был план: захватить правобережную часть Советской Украины, захватить Советскую Белоруссию, восстановить в этих районах власть польских панов, расширить пределы польского государства «от моря до моря», от Данцига до Одессы, и за помощь, оказываемую им Врангелем, — помочь Врангелю разбить Красную армию и восстановить в Советской России власть помещиков и капиталистов»[1]. Но наступление интервентов на страну социализма окончилось крахом. 20 октября 1920 г. был заключен с Польшей в Риге мирный договор, по которому Польша сохранила за собой Западную Волынь и часть Белоруссии. Во время переговоров с предетавителями РСФСР в Риге польская делегация торжественно обещала предоставить народам Западной Белоруссии и Западной Украины возможность национального и культурного развития. Но все эти обещания оказались обманом. Положение украинского и

---

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 230.

белорусского крестьянства под властью польских панов с каждым годом становилось все тяжелее и тяжелее.

Еще до начала мировой империалистической войны польские публицисты готовы были признать существование в бывшей Польше украинцев, которых они называли «русинами», но они категорически отрицали существование белорусского народа. Некий Вацлав Студницкий, известный своими выступлениями против Советского Союза и ненавистью к нему и к белорусскому народу, еще в 1910 г. писал: «Ни о каком белорусском народе не может быть и речи, ибо народ — понятие политическое, а белоруссы никаких собственных традиций не имеют. О белорусской культуре невозможно говорить потому, что у них нет культурного единства. Это сфера польских и русских влияний. С точки зрения этнической белоруссы не однолитны, ибо в одной местности в их жилах течет польская, а в другой литовская или латышская кровь, а в третьей — кровь древних древлян или полян. Язык их состоит из различных диалектов, в зависимости от польских и русских влияний. Белоруссы являются переходной формой между поляками и русскими, причем в губерниях Гродненской, Виленской, Витебской и Могилевской они ближе к полякам, а в губернии Смоленской приближаются к русским»[1].

Ту же мысль высказал Студницкий и в 1919 г. Польская правящая клика полностью разделяла эти взгляды в отношении белоруссов.

Министр Скульский в беседе с делегацией, которая просила о разрешении открыть частные белорусские школы, ответил, что белоруссов нет, что пройдет небольшой промежуток времени и все белоруссы станут поляками.

Для того чтобы правильно осветить этот вопрос и показать, что западные белоруссы есть именно белоруссы, обратимся к некоторым статистическим данным. Прежде всего остановимся на первой всероссийской переписи 1897 г.

По данным этой переписи, в бывшей Гродненской губернии белоруссы и украинцы вместе с русскими составляли 71,3%, а в Минской — 80,3%. Остальное население приходилось на поляков и евреев. При всех недостатках переписи 1897 г. она все же дала относительно верную картину этнографического состава Западной Белоруссии, хотя часть населения, называвшая себя поляками, состояла в сущности из белоруссов — католиков.

---

[1] *W. Studnicki*, Sprawa Polska, Poznań 1910. str. 493.

По данным переписи 1897 г., в Западной Белоруссии числилось 3 672 700 человек, причем на долю белоруссов падало 63,7%, а на долю русских — 4,4%. Если белорусское население жило сплоченной массой, то русское население было рассеяно по различным уголкам Белоруссии. В 1911 г. в связи с организацией земств была проведена так называемая столыпинская перепись. В Белоруссии столыпинская перепись показала увеличение населения до 4 970 тыс. человек.

Такой ученый, как известный польский географ Ромер, во время империалистической войны, когда шел вопрос о будущей судьбе Польши, признавал данные переписи обоснованными и правильными. В 1919—1921 гг. польское правительство произвело перепись населения в Западной Белоруссии — в воеводствах Виленском, Белостокском, Новогрудском и Полесском, т. е. в значительной части быв. Виленской, Гродненской и Минской губерний. По данным переписи, в четырех воеводствах католики составляли 43,2% всего населения, православных было 43,5%, старообрядцев — 12%, прочих вероисповеданий — 1,3%. Произведя перепись, польские статистики при ее обработке применили метод, который никогда не применялся в статистике: они положили в основу определения национальности вероисповедальную принадлежность. Поэтому все католики были причислены к полякам, а православные — к белоруссам. Благодаря такому приему, например, виленское население Западной Белоруссии оказалось, по польской статистике, исключительно польским, тогда как население воеводства Полесского — значительной части быв. Минской губернии, — православное в своем большинстве, являлось белорусским.

Нет необходимости приводить другие данные, чтобы показать, как нагло фальсифицировали поляки статистические материалы, применяя свой метод.

Западная Украина и Западная Белоруссия при польском владычестве стали чисто аграрными странами, так как польские паны уничтожили почти всю промышленность, которая ранее здесь пустила значительные корни. Так, в Белостоке была раньше развита значительная текстильная промышленность, главным образом суконная, которая при панах была сведена почти к нулю.

Панская Польша была государством многонациональным. Громадные территории были заняты исключительно украинцами и белоруссами. В Западной Украине свыше 70% населения — украинцы, а в Западной Белоруссии поляков насчитывается только от 2,5 до 5%. Значительную массу насе-

ления составляют евреи, живущие, главным образом, в городах и местечках.

Политика польского правительства в отношении белорусского и украинского населения мало чем отличалась от панской политики того периода, когда белорусские и украинские земли входили в состав Польши до ее разделов. Для польских панов белорусские и украинские земли были ни чем иным, как колониями, которые ими эксплуатировались самым жесточайшим образом. Польские паны не признавали ни белорусской, ни украинской народности и, опираясь на католическую церковь, всеми мерами старались колонизировать Западную Украину и Западную Белоруссию. Они преследовали белорусский и украинский языки и объявили народную культуру культурой «варварской, дикой».

Польские паны рассматривали крестьян как быдло — скот — и поставили их в невыносимо тяжелые условия жизни. Они закрывали национальные школы и насильно загоняли детей в польские школы, притом численно весьма ограниченные. Открыв в Вильно университет им. Стефана Батория, польские паны фактически закрыли доступ белорусам в университет, так как правом поступления в высшую школу располагали только лица, получившие аттестат об окончании польской казенной школы. Средние и мелкие слои крестьянства, разумеется, не могли учиться в польских школах, и только дети кулаков имели возможность после окончания средней школы попасть в высшую. В этом случае они теряли связь со своим народом. Они начинали привыкать к употреблению польского языка в обиходном разговоре, считали польскую панскую культуру необыкновенно высокой и с известным презрением смотрели на быт белорусского и украинского народов. В лице таких кулацких сынков польские паны приобретали орудие, с помощью которого могли проводить свою политику денационализации. Такая политика в отношении народов Западной Украины и Западной Белоруссии обрекала их на культурное одичание: в белорусской и украинской деревне панской Польши процент безграмотных повысился даже по сравнению с процентом безграмотных в царской России.

Во время империалистической войны десятки тысяч крестьян были вынуждены оставить свою родную землю. Когда после окончания войны явилась возможность вернуться обратно на родину, польским правительством был издан закон, определявший срок обратного возвращения беженцев. Не вернувшиеся к назначенному сроку на место своего жительства

лишались права на получение прежнего надела. Так паны образовали земельный фонд для предоставления его в распоряжение полицейских и жандармов, которые в качестве осадников должны были охранять панскую Польшу на восточных ее границах, наблюдать за жизнью и мыслями крестьян, охранять панские имения и поддерживать кнутом порядок и спокойствие. Осадник для народов Западной Украины и Западной Белоруссии был символом панской власти, которая жестоко их эксплуатировала, и неудивительно, что осадников в Западной Украине и Западной Белоруссии жестоко ненавидели.

Польская конституция провозглашала принцип неприкосновенности личности и имущества, свободы совести и другие свободы. Но на практике это буржуазное польское право не распространялось на народы Западной Украины и Западной Белоруссии, где оно заменялось властью помещика и нагайкой осадника. Обычно польские судьи разрешали дело так, что виновным всегда оказывался белорусс или украинец, даже если правота его была очевидна.

Западная Украина и Западная Белоруссия—территория польского крупного землевладения. В руках помещиков находилось свыше 88% всей земли, а по отдельным районам норма помещичьего землевладения была еще выше, крестьяне же сидели на карликовых наделах, которые, разумеется, не могли обеспечить их существования. Значительные массы крестьянства в Западной Украине и Западной Белоруссии были совсем обезземелены—им приходилось наниматься батраками в помещичьих имениях за самую жалкую заработную плату. Помещик сгонял на работу крестьян, живущих вокруг его имения, как в прежнее время он выгонял своих крепостных. Отдельные помещики предпочитали сдавать свои земли в аренду, причем норма арендной платы была так высока, что весь доход от нее не мог покрывать арендной платы. Бедность и нищета были таковы, что белорусские и украинские народные массы искали себе заработка, где только возможно. Помещики в Латвии, Эстонии, Восточной Пруссии, Австрии обычно в летнюю пору нанимали украинских и белорусских крестьян, которые были готовы работать за самое нищенское вознаграждение. Их бытовые условия у помещиков были ужасны. Домой они приходили больными, а на заработанные деньги им удавалось только с трудом поддерживать свое существование во время работ.

Верхушечные крестьянские слои были собственниками довольно значительных хозяйств и арендаторами помещичьих

земель на менее тяжелых условиях. Помещики, кулаки, полицейские, чиновники, православные и католические попы, осадники жили в совершенно иных условиях, получая средства за счет жестокой эксплуатации крестьянства.

Пресекая развитие местной промышленности, польские паны лишили тем самым основную массу крестьян возможности найти заработок на стороне, в городе, в течение всего года. Отсутствие денежных средств заставляло крестьян Западной Украины и Западной Белоруссии влачить самое жалкое существование: маленькие низкие халупы с выбитыми стеклами, большей частью неотапливаемые, освещаемые лучиной,—вот картина белорусской и украинской деревни под гнетом панской Польши. Контраст между нищетой белорусской деревни и великолепием панских замков был поразителен.

Помещичье хозяйство, пользуясь дешевыми рабочими руками, давало его владельцу громадные доходы. Помещичий скот был откормлен и отличался породистостью, в то время как худые из-за отсутствия кормов крестьянские лошаденки и низкорослые коровы были ярким показателем величайшей нищеты народов Западной Украины и Западной Белоруссии. Урожай крестьянских земель был совершенно ничтожен по сравнению с урожаем помещичьих земель. В крестьянском хозяйстве применялась еще прадедовская деревянная соха, в то время как крупный польский помещик применял в своем хозяйстве усовершенствованные сельскохозяйственные машины. Чтобы охарактеризовать общее положение крестьянства, приведу некоторые известные мне данные. В Полесском воеводстве, по данным переписи 1921 г., сельскохозяйственных рабочих числилось 17 399, или 47% общего количества рабочих. В Новогрудском воеводстве сельскохозяйственные рабочие составляли 65,7%. В общем, численность сельскохозяйственных рабочих в Западной Белоруссии доходила до 100 тыс., в то время как в промышленности рабочих было 15 тыс., ремесленников —15 тыс., на транспорте — 20 тыс. и около 30—40 тыс. чернорабочих и других неквалифицированных групп. Если к этому прибавить, что свыше 80% всей земли находилось в руках помещиков, причем преобладало крупное землевладение — свыше 500 *га*, то белорусская деревня оказывалась совершенно лишенной земли. 93% всех хозяйств относились к средним, мелким и бедняцким, 6% составляли крупные кулацкие хозяйства, 1% к общему количеству хозяйств составляли помещичьи хозяйства.

Такова была картина экономического положения крестьянства в панской Польше.

Вполне понятно, что в белорусских и украинских деревнях царила такая нищета, что даже соль и спички были недоступны населению. Белорусская и украинская деревни были районом смерти, а не жизни. Веселье и радость были недоступны народам Западной Украины и Западной Белоруссии, так как их жизнь была слишком печальна и тяжела. Народы Западной Украины и Западной Белоруссии, доведенные до отчаяния, восставали против своих панов. Эти восстания подавлялись панами при содействии жандармов и полицейских самым жестоким образом. Как в старину, панская Польша усмиряла их огнем и мечом, проводила «пацификацию» Украины и Белоруссии. Мы знаем очень хорошо, что собой представляла эта «пацификация». Это — порка крестьян, невзирая на пол и возраст. Это — присуждение крестьян к каторжным работам и тюремному заключению на многие годы. В польских тюрьмах применялись средневековые пытки. Тюрьмы были заполнены белоруссами и украинцами.

Многолетнее тюремное заключение в самых тяжелых условиях было наказанием для крестьян, дерзнувших заявить о своем тяжелом положении. Чем больше польское народное хозяйство клонилось к упадку, чем яснее проявлялась неспособность незадачливых польских правителей поднять производительные силы своей страны, тем безудержнее был произвол панов, тем мучительнее становилась жизнь западных украинцев и западных белоруссов. И вот в такой обстановке — хозяйственной разрухи, голода, угнетения масс и всеобщего народного недовольства — польские правители начали войну с Германией.

Вполне понятно, что война, навязанная польскому народу заправилами Польши, не могла встретить поддержку в миллионных массах трудящихся Польши. Началась агония польского государства. Польские армии были разгромлены. Незадачливые польские правители бежали, оставив народы на произвол судьбы.

Естественно, что стонавшие под панским гнетом украинские и белорусские народные массы с надеждой смотрели на восток, в сторону могучего Советского Союза, ожидая от него помощи. Этот желанный час настал. 17 сентября 1939 г. наша героическая Красная Армия, вступив на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, принесла трудящимся освобождение от панского ига.

Трудящиеся Западной Украины и Западной Белоруссии установили у себя советскую власть.

В соответствии с решениями Народных Собраний они обратились в Верховный Совет СССР с просьбой о принятии их в состав Советского Союза.

Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии о включении их в состав СССР с воссоединением с братскими республиками УССР и БССР.

Кончились вековые страдания народов Западной Украины и Западной Белоруссии. При помощи своих кровных братьев, советских украинцев и белоруссов, при поддержке народов Советского Союза, они начали под руководством ВКП(б) и мудрого Сталина строить свою, национальную по форме и социалистическую по содержанию, культуру.

ДОКУМЕНТЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ И СОЦИАЛЬНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ.

К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ[1]

Дорогие братья и сестры!

На полях Европы вспыхнуло пламя германско-польской войны. Не прошло и нескольких дней, как Польша потерпела военный разгром. На фронте развал. Польские генералы, которые не раз хвастливо размахивали саблями, оказались бездарными тупицами и шутами. Рассыпается, словно карточный домик, польское государство, которое держалось на насилии, обмане и национальном угнетении 11 миллионов непольского населения — украинцев и белоруссов.

Настало время, когда сам народ должен решить свою судьбу. Довольно терпеть голод, нищету, национальное бесправие и угнетение. Довольно терпеть плети и пытки. Довольно носить на своих сгорбленных нуждою плечах польских панов. Разогни свою могучую спину, подними свою мощную мозолистую руку, народ Западной Украины!

Оружием, косами, вилами и топорами бей извечных врагов твоих — польских панов, которые превратили твою страну в бесправную колонию, которые тебя ополячивали, в болото затоптали твою культуру, превратили тебя и детей твоих в быдло, в рабов.

Не должно быть места на земле Западной Украины панам и подпанкам, помещикам и капиталистам. Забирайте в свои руки панскую землю, выпасы, луга и выгоны. Сбрасывайте власть помещиков, берите власть в свои руки, решайте сами свою судьбу.

Дорогие братья украинцы, я, командующий Украинским фронтом, от имени всего народа Советской Украины заверяю вас, что мы не останемся глухи и слепы к вашей судьбе. Мы полным голосом заявляем, что не можем смотреть на ваши муки, на ваши страдания.

Мы идем к вам, нашим братьям, чтобы помочь вам освободиться от гнета польских панов, чтобы освободить вас от угрозы разорения и гибели.

В новой, вольной стране украинские, белорусские и польские трудящиеся будут друзьями, а не врагами. Сердцем и душою мы с вами,

---

[1] Листовка, выпущенная на украинском языке 17 сентября 1939 г.

дорогие братья и сестры. Последуйте примеру расплаты с врагами, который показал русский народ во главе с Лениным и Сталиным.

К оружию, товарищи. Мы идем вам помочь, мы подаем вам руку братской помощи, поднимайтесь против панов — извечных ваших врагов. Мы вам поможем, а вместе с нами и весь многонациональный свободный народ Великого Советского Союза.

К оружию, наши братья, мы с вами!

Да здравствует великий свободный украинский народ!

Командующий Украинским фронтом командарм 1-го ранга
СЕМЕН ТИМОШЕНКО.

К ТРУДЯЩЕМУСЯ НАСЕЛЕНИЮ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ ОБРАЩЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО УКРАИНСКИМ ФРОНТОМ т. ТИМОШЕНКО [1]

Граждане! Трудящиеся Западной Украины веками терпели дикое угнетение со стороны помещиков и буржуазии. Красная Армия великого Советского Союза освободила вас от нетерпимого гнета.

Начинается новая жизнь без панов-помещиков, без гнета и насилия, которые висели над трудящимися Западной Украины долгие годы. К политической жизни поднимаются широкие слои населения.

Новую жизнь нужно организовать.

Политической основой этого для граждан Западной Украины является создание в городах временных управлений, в уездах и селах — крестьянских комитетов.

Граждане! Крестьянские комитеты испытаны были в огне революционной борьбы крестьянских масс России под руководством бессмертного Ленина и великого Сталина.

Крестьянские комитеты дают вам возможность организоваться, подняться политически, приобрести опыт и навыки политического руководства, устройства вашей жизни.

Крестьянские комитеты — ваша власть. Она создается самим народом на демократических началах. Они, как настоящие представители народа, помогут селянам справиться окончательно с помещиками и получить помещичью землю в пользование крестьян.

Граждане! Организуйте крестьянские комитеты на местах, как органы Народной Власти.

Выбирайте в них своих лучших представителей, верных и преданных до конца своему народу!

Превратим выборы крестьянских комитетов в праздник народа Западной Украины, освобожденного от помещичьей кабалы и гнета!

Командующий Украинским фронтом *С. ТИМОШЕНКО.*

ДЕКЛАРАЦИЯ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ

Принята единогласно на заседании 27 октября 1939 г.

Панская Польша, державшаяся на угнетении миллионов украинцев, белоруссов и польского трудового народа, рухнула.

---

[1] Перевод с украинского.

Красная Армия, выполняя волю великого советского народа, протянула трудящимся Западной Украины руку братской помощи — освободила их от гнета польских помещиков и капиталистов.

Перед трудящимися Западной Украины открыта свободная дорога к новой счастливой жизни. Освобожденный народ получил возможность свободно, как подлинный хозяин своей судьбы, решать вопрос о том, какую государственную власть установить на своей земле.

На опыте всех революций, на опыте братских народов Советского Союза, доказано, что только Советская власть является подлинной выразительницей и защитницей интересов трудящихся.

Всей многовековой историей человечества доказано, что всякая иная власть представляет собой неприкрытое господство и безудержный произвол кучки эксплоататоров. Так называемые буржуазно-демократические государства не раз провозглашали равноправие всех граждан. Однако всякими уловками и ухищрениями они отстраняли трудящихся от активной политической жизни, от управления государством, лишали их всех прав и свобод. Власть оставалась в руках тех, кто угнетал и порабощал подавляющее большинство населения, в руках кучки богатеев и паразитов. Уделом же честных тружеников были голод и нищета, плеть и тюрьма, прозябание и бесправие.

Не может быть подлинной свободы и равноправия там, где есть эксплоататоры и эксплоатируемые. Отстоять интересы освобожденного народа Западной Украины, освободить его раз и навсегда от капиталистического рабства, от господства и произвола помещиков и фабрикантов, заводчиков и банкиров — это значит установить власть Советов депутатов трудящихся — Советскую власть.

Только Советы обеспечивают власть большинства народа — трудящихся над меньшинством — кучкой тунеядцев и эксплоататоров. Советы — это власть рабочих и крестьян.

Только Советы — самая демократическая государственная власть; только через Советы весь трудовой народ действительно участвует в управлении государством, в строительстве свободной и счастливой своей жизни.

В Советах воплощается союз рабочих и крестьян, союз, сделавший Советское государство непобедимой силой. Через Советы рабочий класс и его авангард — коммунистическая партия большевиков — руководят строительством социализма.

Только Советская власть создает условия для расцвета народных талантов, для выдвижения из народа руководителей и организаторов различных отраслей государственной, хозяйственной и общественной жизни.

Только Советская власть способна уничтожить всякий национальный гнет, межнациональную рознь и вражду, и обеспечить сотрудничество и дружбу трудящихся всех национальностей.

Выражая единодушную волю освобожденного народа Западной Украины, следуя примеру народов Советского Союза, Украинское Народное Собрание провозглашает установление Советской власти на всей территории Западной Украины.

Отныне вся власть в Западной Украине принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Украинское Народное Собрание заявляет о непреклонной воле народа Западной Украины защищать и отстаивать власть Советов от всех покушений, откуда бы они ни исходили.

Украинское Народное Собрание выражает непоколебимую уверенность в том, что установление Советской власти, руководимой комму-

нистической партией большевиков, приведет к расцвету производительных сил, народного благосостояния и культуры народа Западной Украины.

Да здравствует Советская власть — самая демократическая власть в мире, власть трудящихся!

Да здравствует СССР — социалистическое государство рабочих и крестьян, надежда и отечество трудящихся всего мира!

Да здравствует организатор победы Советов — коммунистическая партия большевиков!

ДЕКЛАРАЦИЯ
НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ О КОНФИСКАЦИИ ПОМЕЩИЧЬИХ ЗЕМЕЛЬ

Принята единогласно на заседании 28 октября 1939 г.

На освобожденной от помещиков и капиталистов земле Западной Украины единственным законным ее хозяином является трудовой народ: рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция.

Нет больше помещиков, захвативших в свои жадные лапы почти всю землю Западной Украины. Отныне нет того государственного аппарата принуждения, который кнутом, пытками, расстрелами и пацификациями заставлял крестьянина отдавать все плоды его тяжелого труда паразиту — помещику, чиновнику, монастырю. Кончилось голодное прозябание трудовых крестьянских масс, которых грабили и угнетали польские паны.

Отныне земля принадлежит народу!

Украинское Народное Собрание, выражая волю народа, считает единственно возможным для блага и счастья трудящихся масс так разрешить вопрос о земле, как его разрешили наши братья — народы Советского Союза.

После победы Великой Октябрьской Социалистической революции в России Советское правительство объявило землю народным достоянием, отобрало ее у помещиков и передало трудящимся крестьянам, тем, кто на ней трудился веками, кто веками орошал ее своим потом и кровью. Так большевики осуществили многовековую мечту крестьянства об освобождении от ига помещиков, мечту о земле.

Советские рабочие и крестьяне, руководимые большевиками, построили новое общество, где нет эксплоататоров и эксплоатируемых, где нет паразитов — помещиков, капиталистов, банкиров. В советском обществе сам народ — кузнец своего счастья.

Народ Западной Украины знает, что передача помещичьих земель крестьянам является одним из важнейших условий успешного переустройства жизни трудящихся Западной Украины по-новому, так, как живут свободные советские народы, так, как учит партия большевиков.

В полном соответствии с единодушной волей и стремлениями трудящихся Западной Украины, охраняя их кровные и жизненные интересы, следуя примеру народов Советского Союза, Украинское Народное Собрание провозглашает на территории Западной Украины конфискацию земель помещичьих, монастырских и крупных государственных чиновников со всем их живым и мертвым инвентарем и усадебными постройками.

Народное Собрание утверждает отобрание помещичьих земель без выкупа через крестьянские комитеты, под руководством Временных

Управлений, и передачу их в пользование трудового крестьянства. Вопрос о землях «осадников» решают крестьянские комитеты.

Отныне вся земля Западной Украины с ее недрами, все леса и реки объявляются всенародным достоянием, т. е. государственной собственностью.

Отныне на нашей свободной земле нет и не будет места паразитам-помещикам и их пособникам.

Украинское Народное Собрание призывает всех тружеников земли, крестьянские комитеты к железной революционной дисциплине, к охране от расхищения бывших помещичьих имений, построек и инвентаря, являющихся отныне священным и неприкосновенным достоянием народа.

Только крестьянские комитеты вправе распределять помещичью землю. Только крестьянские комитеты вправе распоряжаться имуществом, принадлежащим помещикам.

Да здравствует раскрепощенный труд крестьянина на освобожденной земле Западной Украины!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков — вождь и организатор борьбы трудящихся против угнетателей — помещиков и капиталистов!

ДЕКЛАРАЦИЯ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ О ВХОЖДЕНИИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В СОСТАВ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Принята единогласно на заседании 27 октября 1939 г.

Украинский народ в бывшем польском государстве был обречен на вымирание. Его долей было угнетение, уничтожение и грабеж. Польские паны делали все, чтобы ополячить украинское население, запретить даже слово украинец, заменив его словом «быдло» и «хлоп».

Украинских крестьян лишали земли. Рабочим и служащим украинцам не давали работать на фабриках, заводах и в учреждениях. Украинцев не принимали в учебные заведения. Искореняли родной украинский язык. Стремились уничтожить украинскую культуру. Все это неоднократно вызывало бурю протеста, крестьянские восстания против колониального режима правящих кругов панской Польши.

Но кончилось время угнетения и бесправия. Волей всего многонационального советского народа, по указу Советского правительства Красная Армия освободила навеки народ Западной Украины от власти польских помещиков и капиталистов.

На вечах, собраниях, митингах народ единодушно выражает непреклонную волю влиться в братскую семью народов великого Советского Союза и войти в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Ибо только в Советском Союзе, где у власти стоят рабочие и крестьяне, уничтожена эксплоатация человека человеком, осуществлена взаимная помощь народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни. Ибо только в Советском Союзе возможен для каждого народа полный расцвет национальной культуры — в полном смысле народной культуры. Ибо только в Советском Союзе исчезло чувство взаимного недоверия между народами и вместо национальной розни, культивированной буржуазией, выросла и окрепла дружба народов.

В Советском Союзе расцветает Украинская Советская Социалистическая Республика. Построены сотни мощных заводов и фабрик, на которых работает не знающий эксплоатации рабочий класс. Выросло и экономически окрепло украинское крестьянство, которое владеет всей землей и обрабатывает ее новейшей техникой. Советская власть и коммунистическая партия создали все условия для расцвета подлинно народной украинской советской культуры. Украинский язык — государственный язык. Сыны и дочери народов Советской страны занимают руководящие посты во всех областях политической, хозяйственной, культурной и общественной жизни. Молодежи Советской Украины обеспечена полная возможность учиться, овладевать высотами науки на своем родном языке.

Народ Западной Украины знает это.

Украинское Народное Собрание, являясь выразителем непреклонной воли и чаяний народа Западной Украины, постановляет:

просить Верховный Совет Союза ССР принять Западную Украину в состав Союза Советских Социалистических Республик, включить Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики с тем, чтобы воссоединить украинский народ в едином государстве, положить конец вековому разобщению украинского народа.

Народное Собрание выражает твердую уверенность в том, что Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик удовлетворит эту просьбу народа Западной Украины, чтобы он в единой и дружной семье народов СССР, под руководством коммунистической партии большевиков шел по пути новой и счастливой жизни.

Да здравствует свободная Советская Украина!

Да здравствует братство народов!

Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик — отечество трудящихся всего мира!

ДЕКЛАРАЦИЯ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ И КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

Принята единогласно на заседании 28 октября 1939 г.

Польские паны — помещики и капиталисты в целях угнетения и эксплоатации рабочих и крестьян захватили в свои руки банки и крупную промышленность.

Освобожденный народ Западной Украины, желая уничтожить навсегда эксплоатацию человека человеком, сказал свое слово о банках и крупной промышленности. На митингах и собраниях трудящиеся Западной Украины единодушно заявили о необходимости национализации банков и крупной промышленности.

С целью беспощадного подавления эксплоататоров и уничтожения всякой эксплоатации человека человеком, выражая единодушную волю всего народа Западной Украины, следуя примеру Союза Советских Социалистических Республик, Украинское Народное Собрание провозглашает национализацию банков и крупной промышленности Западной Украины.

Отныне все ценности банков, все крупные фабрики, заводы, все рудники и железные дороги объявляются всенародным достоянием, т. е. государственной собственностью.

Отныне на нашей освобожденной земле нет и не будет места паразитам — фабрикантам, заводчикам и банкирам.

Украинское Народное Собрание, объявляя национализацию банков и крупной промышленности Западной Украины, призывает всех трудящихся железной революционной дисциплиной бдительно охранять всенародное достояние — государственную собственность, укреплять нашу победу, ковать наше счастье [1].

ЗАКОН
О ВКЛЮЧЕНИИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В СОСТАВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК С ВОССОЕДИНЕНИЕМ ЕЕ С УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, заслушав заявление Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Украины, *постановляет:*

1. Удовлетворить просьбу Народного Собрания Западной Украины и включить Западную Украину в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой.

2. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет СССР от Западной Украины.

3. Предложить Верховному Совету Украинской Советской Социалистической Республики принять Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

4. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект разграничения районов и областей между Украинской Советской Социалистической Республикой и Белорусской Советской Социалистической Республикой.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *М. КАЛИНИН.*
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. ГОРКИН.*
Москва, Кремль, 1 ноября 1939 г.

ЗАКОН
О ВКЛЮЧЕНИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В СОСТАВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК С ВОССОЕДИНЕНИЕМ ЕЕ С БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, заслушав заявление Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Белоруссии, *постановляет:*

1. Удовлетворить просьбу Народного Собрания Западной Белоруссии и включить Западную Белоруссию в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой.

---

[1] Декларации, аналогичные четырем, приведенным выше, приняты и Народным Собранием бывшей Западной Белоруссии.

2. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет СССР от Западной Белоруссии.

3. Предложить Верховному Совету Белорусской Советской Социалистической Республики принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.

4. Просить Верховный Совет Белорусской Советской Социалистической Республики представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект разграничения районов и областей между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *М. КАЛИНИН.*
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. ГОРКИН.*
Москва, Кремль, 2 ноября 1939 года.

ЗАКОН
О ПРИНЯТИИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В СОСТАВ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики, заслушав заявление Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Украины, *постановляет*:

1. Приветствовать всемерно историческое постановление Верховного Совета СССР от 1 ноября 1939 года о включении Западной Украины в состав Советского Союза.

2. Принять Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики и воссоединить тем самым великий украинский народ в едином украинском государстве.

3. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет УССР от Западной Украины.

4. Поручить Президиуму Верховного Совета УССР определить административное деление областей и районов Западной Украины и, в соответствии с пунктами «в» и «г» ст. 19 Конституции УССР, представить на утверждение Верховного Совета СССР проект об образовании новых областей и проект разграничения районов и областей между Украинской Советской Социалистической Республикой и Белорусской Советской Социалистической Республикой.

Председатель Президиума Верховного Совета УССР *М. ГРЕЧУХА.*
Секретарь Президиума Верховного Совета УССР *А. МЕЖЖЕРИН.*
г. Киев, 15 ноября 1939 г.

ЗАКОН
О ПРИНЯТИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В СОСТАВ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Верховный Совет Белорусской Советской Социалистической Республики, заслушав заявление Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Белоруссии, *постановляет*:

1. Приветствовать всемерно историческое постановление Верховного Совета СССР от 2 ноября 1939 года о включении Западной Белоруссии в состав Советского Союза.

2. Принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики и воссоединить тем самым великий белорусский народ в едином белорусском государстве.

3. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет БССР от Западной Белоруссии.

4. Поручить Президиуму Верховного Совета БССР определить административное деление областей и районов Западной Белоруссии и, в соответствии с пунктом «б» статьи 19-й Конституции БССР, представить на утверждение Верховного Совета СССР проект об образовании новых областей и проект разграничения районов и областей между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой.

Председатель Президиума Верховного Совета БССР *Н. НАТАЛЕВИЧ.*
Секретарь Президиума Верховного Совета БССР *Л. ПОПКОВ.*
г. Минск, 14 ноября 1939 г.

2 р. 80 к.